Касслер Клайв, Перри Томас

Сокровища Аттилы

Глава 1

Паннония, Римская провинция, 453 год н. э

Лагерь варваров был огромен. Целый город передвигался с места на место по воле его повелителя, великого царя. Но в предрассветных сумерках в лагере царило смятение. Всюду толпились тысячи воинов, их шумные женщины и неугомонные отпрыски. Сотни тысяч лошадей, коров, овец и коз своими тревожными криками сопровождали рассвет. Вонь скота смешивалась с дымом поспешно разведенных костров.

Разбудивший Приска слуга был уверен – сегодняшний внезапный переполох сулит им расставание с жизнью. Приск торопливо шагал по неровной земле, стараясь не подвернуть ногу в оставленной колесами колее и не угодить в яму. Он шел за Эллаком, тщетно пытаясь не отстать от него, в легких кожаных сандалиях, предназначенных для ходьбы по ровным мостовым Константинополя. Приск пошел медленнее, чтобы сохранить осанку и достоинство римлянина. Он дипломат и, так сложилось, человек, который сегодня пишет историю этого знаменательного дня. Его призвал к себе Эллак, сын царя, ведь в ближайших окрестностях, на много миль вокруг, Приск – самый ученый человек и может спасти жизнь царя. Но крики свидетельствовали: они опоздали.

Приск старательно маскировал страх. Варвары носились вокруг, доводя друг друга до бешенства. Они, как собаки, чуют опасность. С самого рождения обученные убивать, они, вдохновленные яростью, победоносно прошли из глубин Азии к центру Европы. Они выбегают на любой шум, и увидеть их без мечей и кинжалов так же немыслимо, как без ног и рук. Если сегодня они почуют в нем, чужестранце, страх, то тотчас разорвут на куски.

Эллак провел его в просторный шатер царя. Приск был почти на голову выше большинства варваров с далекого Востока, низкорослых и широкоплечих, с мощными руками и ногами, с дублеными лицами. Приск через головы людей, закрывавших обзор, заглянул во внутреннюю часть шатра. Там предположительно находился царь. Воины у входа уже достали кинжалы и резали себе щеки, кровь текла по их лицам, как слезы.

Приск лавировал между полуобезумевшими людьми. Он увидел молодую жену царя Ильдико, скорчившуюся на богатых коврах как

можно дальше от мужа. Она плакала, но никто ее не утешал. Приску показалось – ее вообще никто не замечает.

Когда один из стражников повернулся к друзьям, чтобы показать лицо, рассеченное коротким мечом, Приск проскользнул мимо него. Он взглянул на царя и сразу понял, из-за чего молодая жена в ужасе. Великий варвар, Flagellum Dei[1], лежал навзничь на мягкой шелковой постели, раскрыв рот, словно пьяный. Изо рта и носа текла кровь, уже образовалась лужа возле головы.

Приск прошел в угол и поднял Ильдико. Чуть сдвинув пряди длинных светлых волос, он прошептал ей на ухо:

– Всё. Он умер, тебе нечего здесь больше делать. Идем.

Ильдико, очень красивая и совсем юная, привезенная из германского племени в жены завоевателю, была седьмой женой царя. Она владела латынью не хуже родного готского, но Приску не было известно, какие языки знают стражники, поэтому ничего более он не сказал. Он вывел Ильдико на свежий воздух, в рассвет. Она казалась слабой и бледной, как призрак. Приск надеялся увести ее подальше, пока какой-нибудь воин не заподозрил ее в смерти царя. Невежды часто подозрительны: даже если человек погиб от удара молнии, кто-то ведь мог ее вызвать?

Приск заметил стайку служанок и свиту, прибывшую вместе с невестой. Все они стояли в стороне и с тревогой наблюдали за происходящим. Приск передал им Ильдико, и они торопливо удалились.

Приск смотрел им вслед, желая убедиться, что им не помешают уйти, когда двое грубо схватили его за руки. Он повернул голову и едва узнал, хотя не раз видел обоих у царя. Оба рассекли щеки в знак траура, так что кровь заливала всю нижнюю часть лица. С тех пор как Приск сидел рядом с ними за пиршественным столом на царской свадьбе, их поведение разительно изменилось. Эти двое силой втащили его в царский шатер, и воины перед ними расступились.

Тело лежало на прежнем месте. Над ним стояли Ардарих, царь гепидов, и Онегесий, самый близкий друг Аттилы. Ардарих наклонился, поднял кувшин с вином, которое царь пил перед смертью, и произнес:

– Это вино вчера вечером налила ему Ильдико.

Онегесий взял кубок, лежавший рядом с телом царя.

– Он уже несколько недель болел, у него кровь шла носом, – сказал Приск. – Скорее всего, пока он спал, болезнь усилилась и он захлебнулся кровью. Такое возможно.

Ардарих презрительно фыркнул:

– Никто не умирает от кровотечения из носа. Он всю жизнь сражался, много раз был ранен, но никогда не терял столько крови, чтобы умереть. Это яд.

– Почему ты так думаешь? – спросил Приск, удивленно округляя глаза.

Ардарих стал говорить:

– Четыре года назад император Феодосий прислал тебя со своим послом Максимином. Твой переводчик Вигилас участвовал в заговоре, целью коего было убийство Аттилы. Вместо того чтобы казнить вас всех, Аттила отослал тебя обратно в Константинополь. Возможно, это была ошибка. Похоже, не только Вигилас приехал, чтобы убить царя.

Онегесий налил вина в кубок царя и протянул его со словами:

– Докажи, что не ты отравитель. Выпей.

Приск ответил:

– Не знаю, отравлено ли вино. Если отравлено, то не докажет, что я отравитель. Я не был здесь с царем и его женой в последнюю ночь. Это вино может только убить меня.

– Твой страх выдает тебя. – Свободная рука Онегесия двинулась к рукояти меча.

Приск взял кубок.

– Если я умру, помните: я не виноват. – Он поднес кубок к губам и осушил.

Остальные ждали, внимательно наблюдая за ним. Эллак сделал шаг и спросил:

– Ну, Приск?

– Ничего не чувствую. Вкус как у вина.

– Горький? Кислый?

– Как у любого вина – сладковатый, фруктовый, но отдает уксусом.

Ардарих понюхал кубок, коснулся пальцем вина и капнул на язык. Через некоторое время кивнул Онегесию, бросил кубок на ковер у тела царя и вышел. Столпившимся перед шатром воинам он объявил:

– Яда не было. Царь умер от болезни.

Вслед за Ардарихом Приск покинул помещение и пошел сквозь толпы воинов. С перекошенными от боли окровавленными лицами они представляли собой пугающее зрелище. Эти люди всю жизнь только

убивали, сражались, ели и иногда даже спали верхом на лошадях. За три поколения победоносные племена прошли от степей за Волгой до Галлии. Сегодня утром у них отняли их великого вождя. Кто знает, что горе и гнев могут заставить их сделать с чужаком в чужой стране?

Приск шел быстро, опустив голову, не глядя на воинов, спешивших к царскому шатру. Он прошел в свою палатку и выставил на алтаре ряд горящих свечей, чтобы помолиться за душу Аттилы. В конце концов, Аттила прислушивался к словам Приска и других римлян о христианстве. А однажды даже встретился в Мантуе с Папой Львом и вел с ним переговоры. Кто-то заронил в его душу семя веры. И вообще сейчас лучше оплакивать его как можно заметнее. Приска вырвало; он выпил много воды, его снова вырвало, и это принесло некоторое облегчение.

Позже в тот же день он покинул свою скромную палатку и отправился к центру лагеря. Царский шатер убрали. Неподалеку расчистили большое открытое пространство, и на нем посреди лагеря воздвигли огромный шатер из белого шелка. Ткань раздувалась на ветру. Приск подошел ко входу и заглянул внутрь. В центре на высоком помосте выставили для прощания тело царя в ярких роскошных пурпурных и красных одеждах, как подобает царю-воину, убранное дорогими украшениями из золота и драгоценных камней.

Вокруг помоста ездили свирепые всадники, лучшие воины царя, многие из них предводители различных племен и народов. Они раз за разом объезжали помост по кругу, воспевая подвиги и битвы Аттилы; лица у них были изрезаны, кровь стекала по ним, как слезы. Они пели о том, что царь являлся великим вождем и из-за его смерти должны пролиться не только светлые слезы женщин, но и алые слезы воинов. Приск видел: кровь промочила их бороды и капала с подбородков на одежду и гривы лошадей.

Приск встал на колени и прижался лбом к земле, чтобы воины поняли: он по-своему проявляет уважение. Потом он вернулся к себе, провел там следующие три дня, описывая жизнь царя Аттилы и его смерть в брачную ночь. К нему приходили посетители; они рассказывали об удивительных подвигах, которым были свидетелями, а кое-кто упоминал о соперничестве между Эллаком, старшим сыном, и Денгизиком, вторым по старшинству, и о негодовании Эрнака, третьего сына. Старшие не принимали его во внимание. И еще говорили о негодовании Ардариха: трое сыновей царя не могут сохранить единство хотя бы до погребения отца.

На следующее утро Приск подошел к белому шатру и увидел: тело царя при свете сотен светильников готовят к погребению. Наследники Аттилы поместили его в три гроба. Внешний и самый большой был из

железа. В него вложили гроб из серебра. Третий гроб – из чистого золота. Гробы заполнили драгоценным оружием множества царей и королей, побежденных Аттилой. Он поглотил сотни азиатских племен, разгромил аланов, остготов, армян, бургундов, опустошил Балканы, Фракию, Скифию и Галлию. В Италии он разграбил Мантую, Милан и Верону и захватил большую часть Северной Италии, разбил легионы обеих столиц Римской империи – Константинополя и Рима.

В трех гробах покоились также груды драгоценных камней и сверкающего золота, при взгляде на них захватывало дух; все это отражало огни факелов и светильников, да и сами гробы представляли собой огромную ценность. Приск не мог не думать о том, что на внутренний гроб пошла ежегодная дань Восточной Римской империи Аттиле – две тысячи сто фунтов золота. В глаза бросались многоцветные вспышки внутри: холодная зелень изумрудов, кроваво-красный блеск рубинов, глубокая синева сапфиров, яркие гранаты, густо-синяя ляпис-лазурь, желтый янтарь, нефрит цвета молодого горошка. Трудно было понять, что сильнее притягивает взгляд.

К ночи собралось около тысячи человек – личные телохранители Аттилы. Они закрыли гробы крышками, поставили их на огромную восьмиколесную повозку, способную выдержать гигантскую тяжесть, и уехали во тьму, освещая себе дорогу факелами.

Несколько недель спустя Приск готовил караван ослов для долгого пути домой – ему предстояло явиться с докладом к императору Маркиану. Целый месяц придется из этих варварских мест добираться в Константинополь, но сейчас он бы с радостью отправился и пешком. В полдень лагерь вновь охватило смятение, люди показывали куда-то вдаль и кричали на многих языках, и он пошел узнать, что случилось.

В огромный гуннский лагерь возвращался погребальный отряд. Они скакали галопом, и задолго до их появления в степи взметнулась поднятая ими пыль.

Ардарих, Онегесий, все три сына Аттилы – Эллак, Денгизик, Эрнак – и огромная толпа воинов встречали их на границе лагеря. Тысяча всадников подъехала, все спешились и поклонились вождям. Оказывая им необычайную честь, вожди поклонились в ответ. Эллак, старший сын Аттилы, выступил вперед, подошел к командиру отряда, воину по имени Мозу, положил руку ему на плечо и приказал:

– Рассказывай.

– Мы отвезли царя далеко на излучину реки, – поведал Мозу, – туда, куда редко забредают путники. Вырыли могилу глубиной в рост двух высоких мужчин, сделали наклонный вход и внесли туда гроб. Потом мы закопали склеп и проход в него, много раз прогнали по этому месту

тысячу наших лошадей, и сейчас невозможно узнать, где гроб. В конце мы сумели повернуть реку, чтобы она вечно текла над могилой царя.

Эллак обнял Мозу, затем забрался на телегу, запряженную волами, и произнес речь. Он поблагодарил воинов, которые стояли рядом с его отцом в битвах и защищали его тело после смерти. И, прежде чем спрыгнуть с телеги, тихо произнес:

– А теперь убейте их.

Тысячу человек поглотило море собравшихся воинов. Приску показалось, что эта тысяча исчезла, как пловцы в пучине. Здесь ушла вниз голова, там – еще несколько. Они погружались под тяжестью целого войска. Приск видел: никто из этой тысячи не сопротивлялся, никто не пытался сесть на лошадь и ускакать. И не мог понять, была ли эта казнь неожиданностью для них или они заранее знали, какая участь им уготована.

Затем тела павших присыпали землей там же, где они были повержены. Вожди сказали об их верности, чести и храбрости. Приску пришло на ум, что гунны считают это массовое убийство естественным сопровождением смерти великого царя. Она – всеобщее огромное несчастье.

На рассвете нового дня Приск выехал из лагеря во главе каравана из сотни ослов, нагруженных припасами, среди них были спрятаны несколько драгоценных предметов: письменный отчет о поездке к варварам, личные книги и несколько памятных подарков гуннов. Он также взял с собой юную жену-вдову, Ильдико, обещав вернуть ее родителям в землях германцев, когда удастся организовать путешествие туда.

Когда они уехали от лагеря варваров на день пути, Приск подошел к ослу Ильдико и заговорил с ней:

– Видишь, девочка? Я же обещал тебе полную безопасность. Варвары поверили, что яда не было, и мы с тобой не стали пленниками.

– Я слышала, тебя заставили выпить это вино. Почему ты не умер?

– Яд следовало давать заранее и долго, чтобы он вызвал кровотечение и не давал крови свертываться. Я много недель давал его Аттиле. В его теле собралось достаточно, чтобы последняя доза, которую дала ты, заставила его истечь кровью. Но думай о более приятных вещах. Скоро ты будешь очень богата.

– Оставь себе мое золото, – ответила она. – Я сделала это ради своих соплеменников, которых он убил. Только отвези меня домой.

– Император захочет отправить тебя домой с наградой. Наше деяние, вероятно, спасло империю от гибели.

– Мне все равно, что будет с империей.

Приск пошел вперед, размышляя. Он все устроил превосходно: сам собрал сладкий клевер, терпеливо высушил его, позволил заплесневеть и изготовил яд, который невозможно обнаружить и который вызывает смерть как от болезни. На ходу он составлял часть своего отчета о времени, проведенном у гуннов. Он все опишет: свою миссию четырехлетней давности с Максимином, когда в подготовке убийства обвинили переводчика Вигиласа, действия варваров, личность верховного вождя.

Конечно, он не станет расписывать подробности смерти царя. Если прием не раскрыть, то можно использовать его снова. Очень скоро на Восточную Римскую империю опять нападут враги. Ее легионы не смогут бесконечно сдерживать волны варваров, ведь каждая их волна многочисленнее и свирепее предыдущей. Простая арифметическая задача. Тонкие методы Восточной империи позволяют преодолеть численное превосходство – чтобы отвести гуннскую угрозу, император послал одного-единственного человека, не так ли? Восточная империя продержится еще тысячу лет.

«Ильдико очень красива, – подумал он. – Стройная, грациозная фигура, молочно-белая кожа, золотистые волосы – все это очень привлекательно. А если оставить ее себе? Это сделало бы победу над Аттилой еще более полной. Но нет! Так поступил бы недальновидный римский посол».

Глава 2

У берегов Гранд-Айла, штат Луизиана, США, 2012 год н. э

Реми Фарго в ластах плыла в теплой воде Мексиканского залива. Она занималась своей работой. Ее сетчатый мешок почти наполнился черепками глиняного горшка, прежде погребенного в песке. По ее оценке тысячу лет назад этот горшок был примерно десяти дюймов в ширину и четырех в глубину, и она решила: похоже, собрала все обломки. А если положить в сетку еще что-нибудь, то можно поцарапать гладкую поверхность черепков. Реми взглянула вверх, на темные очертания лодки на серебристой при виде снизу водной поверхности в шестидесяти футах над ней. Потом выдохнула, выпустила цепочку пузырей, и те серебряными шариками стали подниматься.

Перехватив взгляд своего мужа Сэма, Реми приподняла мешок и большим пальцем показала: подъем. Он поднял то, что ей поначалу представлялось похожим на оленьи рога, и кивнул. Реми несколько раз несильно оттолкнулась от воды ногами, и ее стройная красивая фигура устремилась вверх в окружении сверкающих анчоусов, казалось – возле нее разразилась снежная буря. Вскоре рыбки отстали, и она вырвалась на поверхность. Реми сразу увидела поодаль чужую лодку, поэтому быстро нырнула, подплыла к лодке с другой стороны и стала ждать Сэма. Показались поднимающиеся пузыри, потом его голова и маска.

Реми достала загубник, несколько раз вдохнула и произнесла:

– Они снова здесь.

Сэм подплыл к корме, держась ближе к борту, чтобы оставаться частью силуэта лодки.

– Да, это они, та же лодка, черный корпус снизу, серый сверху. – Он снова поглядел. – Те же пятеро… нет, шесть человек.

– Третий день подряд.

– Вероятно, они считают, что мы нашли затонувший остров Атлантида.

– Ты все шутишь, а вдруг это правда? Атлантида ни при чем, конечно, но они не знают, что мы здесь делаем. Это побережье штата Луизиана. Мы можем искать испанский корабль с сокровищами, затонувший в бурю. Или корабль времен Гражданской войны в США, потопленный в блокаду.

– Или «Шевроле» 2003 года, его кто-то сбросил с моста выше по течению реки. Под нами шестьдесят футов воды. Они, вероятно, просто пьют здесь пиво и натирают друг друга кремом для загара.

Реми подплыла к Сэму и выглянула из-за его плеча, чтобы увидеть другую лодку:

– Спасибо за отсутствие любопытства, господин шутник. Они идут за нами и следят за нашими действиями. Ты видел? Солнце вспыхнуло на линзах.

– Должно быть, меня снимают папарацци.

– Будь смелее! Но помни: если незнакомцы полагают, будто ты нашел кое-что ценное, это не менее опасно, чем если бы ты действительно что-то нашел. Воры сначала нападают, а уже потом считают твои деньги.

– Ладно, – ответил он. – Но они уже три дня держатся на расстоянии. Если подойдут ближе, поговорим. А пока нужно нанести на карту эту

затонувшую деревню. Прошедшие несколько недель были интересными, но я не хотел бы остаток жизни посвятить спасательной археологии.

Сэм и Реми Фарго всегда утверждали: их репутация охотников за сокровищами связана с отсутствием в тот день других новостей, поэтому они привлекли внимание нескольких репортеров с сильно развитым воображением. Их объединяли интерес к истории и стремление во всем разбираться самостоятельно. Этой весной они вызвались заняться дайвингом по поручению властей штата Луизиана. Археолог по имени Рей Холберт осматривал берег, чтобы определить ущерб от просачивания нефти после того, как были уничтожены старые нефтяные скважины, и нашел несколько глиняных черепков, выброшенных водами Мексиканского залива. Керамику изготовили определенно туземцы. Он попросил у нефтяной компании грант для спасения того, что осталось от затопленной деревни. Когда Сэм и Реми услышали об этом проекте, то предложили помощь – за свой счет.

– Спустись со мной, – сказала Реми. – Кажется, я нашла еще один очаг. Захвати камеру.

Сэм перегнулся через планшир и дотянулся до камеры для подводной съемки, затем они снова нырнули. Реми указала Сэму на очаг, а сама взяла камеру и принялась фотографировать со всех точек разбросанные повсюду черепки. Он следил за ее грациозными движениями – в гидрокостюме она походила на собственную тень – и заметил прядь рыжих волос, выбившуюся из-под капюшона на лоб. Поймал взгляд ее ярких зеленых глаз сквозь маску… и заставил себя отвлечься и посмотреть на круг обожженных камней, их Реми обнаружила под песком. Они старательно заполнили сетку новыми обломками, чтобы каталогизировать их и нанести на карту место обнаружения.

Внезапно Сэм и Реми услышали гудение винта. Звук усиливался. Посмотрев наверх, они увидели подводную часть черного корпуса, тот разбрасывал воду в обе стороны и на большой скорости приближался к их лодке. Они видели винт и длинный спиральный след из пузырьков за кормой.

Их лодка закачалась; якорная цепь натянулась, удерживая ее, а потом снова ослабла – вторая лодка замедлила ход и наконец остановилась в ярде от лодки Фарго. Минуту или две спустя винт черного корпуса снова заработал, чужая лодка стала уходить на большой скорости, подпрыгивая на каждой встречной волне.

Сэм показал вверх, и они всплыли на поверхность. Реми поднялась на борт судна по лесенке, Сэм за ней. Они принялись снимать костюмы, тут Реми сказала:

– На этот раз они подошли совсем близко. Хорошо, нас не было наверху.

Она видела, как играют желваки на щеках Сэма.

– Полагаю, они захотели взглянуть на предметы, поднятые нами со дна.

– Надеюсь, они хорошо все рассмотрели, – отозвалась она. – Не хочу быть разрезанной винтом из-за горстки черепков и кучки древних раковин.

– Давай посмотрим, кто это такие, – предложил Сэм, включил мотор и прошел на нос.

Реми села за руль и повела лодку так, чтобы две лапы якоря высвободились и он потащился за ними по песчаному дну. Сэм на ходу поднял якорь и устроил внутри бака. Реми развернула лодку, чтобы Сэм смог подобрать буек с красным полосатым флажком, предупреждающим о ныряльщиках; Сэм вытащил легкий якорь и вместе с буйком положил на корму.

Реми передвинула ручку газа вперед, лодка увеличила скорость и направилась к гавани Гранд-Айла.

Сэм прошел вперед, остановился возле Реми, оперся на крышу небольшой каюты, поднял бинокль и принялся осматривать горизонт. Они шли вдоль берега, длинные рыжие волосы Реми развевались на ветру. Сэм сказал:

– Я не вижу их лодки. Должно быть, ушли в гавань. Чего и нам желаю.

Реми на большой скорости привела лодку в гавань, но у входа резко сбросила скорость. Впереди поперечным курсом шел катер береговой охраны.

– Хороший расчет, – отметил Сэм. – Тебе пришлось бы похлопать ресницами, чтобы тебя не оштрафовали за превышение скорости.

– Не оштрафуют – я ничего не нарушаю, – произнесла она и похлопала ресницами. – Можешь взять руль.

Реми шагнула в сторону, Сэм встал на ее место и еще больше замедлил ход лодки – до скорости пешехода. Реми пригладила растрепавшиеся волосы и посмотрела на Сэма.

– Ты все еще ищешь их?

– Просто любопытно. Долго ли нас повсюду будут преследовать самозваные искатели сокровищ и воры, обычные и могильные?

– Вероятно, ты дал слишком много интервью. Кажется, это одна из тех девиц с бостонского телевидения – та, с длинными черными волосами. – Она улыбнулась мужу. – Могу понять, почему ты охотишься за каждым

ее словом. Она так интеллигентно выговаривает слова, что ее вопросы порой звучат даже умно.

Сэм ответил на улыбку Реми, но не повелся.

В поисках черно-серой лодки они продолжали разглядывать доки, но ничего не увидели. Наконец добрались до дока, где давали ныряльщикам лодки напрокат. Они вошли, привязали лодку и спустили с борта амортизаторы. Складывая гидрокостюмы и вынося на причал баллоны для отправки в магазин Дэйва Кармоди на перезарядку, они все еще высматривали черно-серую лодку.

– Эй, Фарго! – Им махал с причала Рей Холберт; причал на понтонах чуть раскачивался под его тяжестью. Все движения этого высокого краснолицего мужчины были полны энергии, шагал Рей широко, а жестикулировал размашисто.

– Привет, Рей! – поприветствовала его Реми.

– Нашли что-нибудь?

Сэм приподнял брезент на корме и показал несколько сеток с находками:

– Много обломков керамики каменного очага, несколько кремниевых инструментов, оленьи рога с отрубленными концами, вероятно, ради изготовления наконечников. Все находки нанесли на карту.

Реми протянула камеру:

– Все здесь. Можете скинуть на свой компьютер. Ориентируйтесь на груду мусора.

– Здорово, – похвалил Рей. – Мы слегка опережаем график. Надеюсь, успеем нанести на карту все три затопленные деревни на побережье и осмотреть их, прежде чем деньги гранта закончатся.

– Тогда мы немного поможем, – пообещал Сэм. – Поработаем еще.

– Поживем – увидим, – ответил Рей.

– Поезжайте на своей машине за нами, к нашему коттеджу, – сказала Реми. – Мы передадим вам последние находки. Карты и фотографии готовы, артефакты и кости каталогизированы и привязаны к схеме. Мне станет спокойнее, когда вы все заберете.

– Хорошо, – согласился Холберт. – Мы уже многое узнали об этих людях. А раньше не знали буквально ничего. Эти деревни находились прямо над берегом. Углеродный анализ показывает: поднимающееся море затопило их примерно в 700 году нашей эры. Все деревни были

примерно одинаковыми: пять или шесть семей в маленьких жилищах с каменными очагами. Питались рыбой, выловленной в море, но и охотились на суше. Эта первая находка очень значительная.

– Вы полагаете, пора перебираться на новое место? – спросила Реми.

– Послезавтра я перемещаю всех на несколько миль к западу. Там не один десяток, возможно, перспективных мест, и каждая группа ныряльщиков проверила только по одному. Послезавтра все группы перейдут на новые места побережья Каминада. Так мы по крайней мере узнаем, с чем имеем дело, до того как начнем терять летних добровольцев. Когда заглянем под воду, вероятно, исключим большинство мест.

Через десять минут они входили уже в небольшой коттедж, который Сэм и Реми снимали недалеко от пляжа на южной стороне Гранд-Айла. Это был одноэтажный дом на сваях, белый, обшитый досками, с фасада – большое крыльцо, где на исходе дня они часто сидели и чувствовали приятные дуновения ветра с Мексиканского залива. В путешествиях Сэм и Реми любили сохранять анонимность, простая обстановка в этом коттедже не свидетельствовала о финансовой состоятельности супругов – низкий навес над порогом, два больших окна с почти панорамным видом на воду, две комнаты и небольшая ванная. Одну комнату Фарго превратили в склад и рабочую мастерскую, куда приносили объекты, найденные в затонувшей палеоиндейской деревне. А ведь Фарго являлись мультимиллионерами.

Рей Холберт зашел вместе с ними; Сэм показывал находки, пока Реми принимала душ, и передал ему схему – решетку с тщательно отмеченными точками мест находок артефактов. Были также флешки со снимками, сделанными Реми: все объекты фотографировались относительно других. Найденные предметы супруги уже уложили в пластиковые ящики.

Холберт просмотрел разбитую на квадраты схему деревни и артефакты.

– Судя по количеству оленьих рогов и костей, подъем уровня воды сильно изменил ландшафт. Вероятно, раньше здесь высились горные кряжи, поросшие лесом. А теперь преобладают отмели и равнины.

– Жаль уезжать отсюда, – сказала Реми, уже одетая по вечерней моде Гранд-Айла: шорты, свободная футболка и шлепанцы. – Хотя по нашим «хвостам» я скучать не буду.

– О чем это вы? – спросил Холберт.

– Вероятно, по причине нашей известности, – объяснил Сэм. – За нами следит одна дайверская лодка. Они отыскивают, где мы остановились, и

наблюдают в бинокли. Сегодня они подошли на расстояние ярда к нашей лодке, как будто хотели увидеть, что мы подняли.

– Странно, – удивился Холберт. – Впервые о них слышу.

– Ну я же сказал, возможно, все дело в нас. Расплата за публикации о нас в газетах, – сказал Сэм и посмотрел на Реми. – Или, может, виноваты снимки Реми? Я помогу вам перенести вещи в грузовик, потом уж пойду в душ.

Через двадцать минут грузовик Холберта наполнился. И вскоре все трое ужинали в ресторане устрицами, жареными креветками под майонезным соусом ремуладом, красным окунем, выловленным только что, и бутылкой охлажденного шардоне с калифорнийских виноградников Кистлера. Когда ужин подходил к концу, Сэм спросил:

– Как вы считаете, заказать еще бутылку?

– Нет, спасибо, – ответил Рей.

– Мне тоже не нужно, – отказалась Реми. – Завтра у нас последний день в этой деревне, я хочу начать пораньше. Потом на новом месте несколько дней мы будем нырять впустую.

– Возможно, – согласился Сэм.

Фарго попрощались с Реем, вернулись в коттедж, заперли дверь, выключили свет и уснули под звуки волн, набегающих на берег. Только вентилятор под потолком лениво крутился всю ночь.

Сэм проснулся, когда первый луч солнца пробился через щель между занавесками. Он тихо, на цыпочках, чтобы не будить Реми, направился в ванную, но вдруг обнаружил: одетая жена сидит на пороге с чашкой кофе и смотрит на Мексиканский залив.

Сэм и Реми купили в кофейне круассаны и кофе, приехали на пристань, прошли вдоль причала к доку, где оставили свою лодку, и остановились.

– Видишь? – прошептала Реми.

Сэм кивнул, прищурился, разулся и неслышно ступил на палубу. Дверь каюты была закрыта, но висячий замок на двери кто-то сбил тяжелым ударом. Сэм откатил раздвижную дверь и заглянул в каюту.

– Наше оборудование испорчено.

– Насколько серьезно?

– Точный технический термин – полностью вывели из строя. – Сэм достал мобильный телефон и набрал номер.

– Дэйв? Привет. Говорит Сэм Фарго. Утро принесло проблемы. Мы на пристани, и нашу лодку, которую мы взяли у вас напрокат, кто-то повредил. Похоже, сломали терморегуляторы и изрезали резину масок и ластов. Не могу сказать, что сделали с баллонами, но я бы ставил их под давление осторожно. Двигатель и бак с горючим еще не проверял. Если сможете поставить новое оборудование, мы продолжим работу. А я пока позвоню в полицию.

Дэйв Кармоди ответил:

– Подождите, Сэм. Через полчаса привезу все, что вам нужно. С копами лучше свяжусь я. Гранд-Айл невелик, меня все знают и понимают: им предстоит жить со мной еще двадцать лет.

– Спасибо, Дэйв! Мы будем ждать здесь. – Сэм убрал телефон, сел на носу и некоторое время, не шевелясь, смотрел на открытую воду. Реми внимательно наблюдала за ним.

– Сэм?

– Что?

– Обещай не замышлять ничего грандиозного.

– Грандиозное не буду.

– Нужно готовить деньги для залога?

– Необязательно, – ответил он.

Несколько минут она думала, по-прежнему разглядывая его, потом взяла свой телефон и набрала номер.

– Делия? – спросила она. – Это Реми Фарго. Как дела? Да, просто замечательно. Генри в суде или еще где-то? Спасибо, я хотела бы поговорить с ним сейчас. Замечательно. Спасибо. – Ожидая, Реми прошла на корму. – Генри? Хочу попросить вас о небольшом одолжении. – Она понизила голос, чтобы Сэм ее не слышал. Потом повернулась и пошла обратно к нему. – Спасибо, Генри. Если немного подтолкнете его, я буду благодарна. Пока.

– Что за Генри? – поинтересовался Сэм.

– Генри Клей Барлоу, наш адвокат.

– А, этот Генри.

– Он говорит, что нам не нужен залог, обещал позвонить в Новый Орлеан своему другу. Если понадобится, тот прилетит на вертолете с мешком денег и судебным предписанием. Генри говорит, что этот человек скользкий, как угорь.

– Генри, наверно, считает такую характеристику комплиментом. Во что это нам обойдется?

– Зависит от его действий.

– Хорошая мысль. – Сэм услышал звук и посмотрел на причал. – А вот и Дэйв.

В конце причала остановился грузовик. Дэйв с ящиком инструментов в руке вышел на понтонный причал; рядом с ним шагал полицейский в форме, рослый, светловолосый, с широкими плечами и заметным животиком – форменная рубашка на нем натянулась, грозя лопнуть.

– Привет, Сэм, – произнес Дэйв и слегка поклонился. – Реми!

Сэм встал.

– Быстро прибыл, Дэйв.

– Это сержант Рон Ле Февр, решил сам взглянуть, прежде чем мы заменим ваше оборудование. – Осмотрев лодку, Дэйв сразу показал на каюту. – Посмотрите-ка на дверь каюты. Это привозное твердое дерево, отлакированное так, что перед ним можно бриться.

Сержант Рон Ле Февр прошел на лодку.

– Рад познакомиться! – Он достал из сумки фотоаппарат и принялся фотографировать повреждения. Между делом спросил: – Мистер Фарго, что, по-вашему, происходит? Что-нибудь украдено?

– Нет, насколько я вижу. Только сломано.

– Кто-нибудь здесь на вас обижен?

– Нет, как мне известно. До последнего времени все были весьма дружелюбны.

– У вас есть какие-то предположения?

Сэм пожал плечами. Реми, удивленная и рассерженная, посмотрела на него.

– Хорошо. Я составлю протокол, – сказал сержант Ле Февр. – Дэйв сможет предъявить его страховой компании. Прежде всего я хочу проверить, не ночевал ли здесь кто-нибудь. Может, кто-то что-нибудь видел.

– Большое спасибо, сержант, – поблагодарил Сэм и стал помогать Дэйву Кармоди переносить поврежденное оборудование в грузовик, а новое на

лодку. Потом он включил двигатель, открыл люк, и они с Дэйвом послушали его работу. В конце проверили все провода и шланги. Перед отъездом Дэйва Сэм поделился своими мыслями:

– Дэйв, вероятно, кто-то интересуется нашими находками. В последнее время мы стали известны, и, вероятно, это расплата. Подсчитайте стоимость и пришлите нам счет. Не хочу, чтобы вы обращались к страховщикам и они повысили бы цену вашей страховки.

Дэйв пожал ему руку:

– Спасибо, Сэм. Это очень предусмотрительно.

Как только Фарго остались одни, Реми спросила:

– Никаких предположений, Сэм? А как же люди в черно-серой лодке? Они уже несколько дней нас преследуют!

– Я ведь не сказал нет. Только пожал плечами.

– Ты не хочешь, если случится что-нибудь еще непредвиденное, чтобы это попало в отчет сержанта?

– Если этих людей что-нибудь расстроит, мне не хотелось бы, чтобы в полицейском отчете говорилось, что я их подозреваю.

– Понятно, – кивнула она. – Похоже, нам предстоит интересный день.

Прежде чем отдать швартовы, Сэм прошелся по лодке и проверил, все ли на месте. Реми включила двигатель и медленно вывела лодку из дока в Мексиканский залив. Впереди на горизонте голубая вода и голубое небо встречались, затем уходили в бесконечность.

Лодка обогнула мол, и Реми увеличила скорость. Сэм стоял рядом.

– Надеюсь, сегодня все здесь закончить, чтобы мы перебрались на новое место с уверенностью, что здесь искать уже нечего.

– Отлично. Вполне миролюбивый план, – поддержала она.

Вдоль плоского зеленого побережья Луизианы они прошли на запад, туда, где ныряли накануне. Но на подходе Реми указала взглядом:

– Тебе стоит посмотреть вперед.

Сэм взглянул поверх крыши каюты и увидел стоящую на якоре черно-серую лодку. Красно-белый флаг поднят, в воде люди.

– Интересное совпадение, – сказал он. – Наше дайверское снаряжение кто-то выводит из строя, а потом мы находим этих людей точно на нашем месте. – Сэм взял бинокль и несколько секунд разглядывал

лодку. – Они как будто выходят из воды. Теперь поднимают буек и спускают флаг.

– Конечно, – отозвалась Реми. – Знаменитые охотники за сокровищами Фарго, оказывается, ныряли за разбитыми горшками и оленьими рогами. Теперь они это поняли. – Она сбавила ход. – Позволим им уйти. Я не собираюсь нырять на шестьдесят футов, пока они возле нашей лодки.

– Может, они уходят не поэтому. Если мы видим их, то и они видят нас. Попробуем другой маневр. Последи за ними минутку. – Сэм спустился в каюту, вернулся с картой и расправил ее так, чтобы Реми могла ее видеть. – Двигайся вот сюда, к озеру Алому. Когда подойдем, иди петляя по протоку.

– Не совсем понятно.

– Не хочу ставить палки в колеса твоему творческому воображению. Посмотрим, сможем ли оторваться от них.

Реми вышла на нужный курс и стала медленно смещать вперед ручку газа, заставляя двигатель «Шевроле-427» реветь. На почтительном расстоянии она миновала черно-серую лодку и на той же скорости пошла дальше. Через несколько минут Сэм похлопал ее по плечу, Реми оглянулась и увидела: черно-серая лодка мчится за ними.

– Не очень скрываются, верно? Нам предстоит настоящая гонка. – С довольным видом она еще продвинула вперед ручку газа, выжимая «самый полный».

Время от времени, проносясь вдоль побережья Камелада, встречаясь с особенно большой волной, лодка подпрыгивала. Тогда Реми, словно лыжник в прыжке, приседала, но не отпускала руль, а только отклонялась в сторону от брызг, которые приносил ветер. Сэм стоял рядом с ней, после некоторого молчания он сказал:

– Теперь можно чуть медленней. Если они потеряют нас из виду, то могут отвязаться. А нам этого не надо.

– Слушаюсь, – ответила она.

Реми вела лодку так, чтобы преследователи были еле видны. Наконец Сэм произнес:

– Хорошо. Теперь курс на озеро Алое.

Реми повернула направо, прошла по открытой воде и углубилась в проток. В первой же извилине она начала постепенно сбрасывать скорость.

– Эй, Сэм, помоги-ка, – попросила она. – Отправляйся на нос и смотри, чтобы я не наткнулась на какую-нибудь живность или не повредила днище.

– С радостью, – подхватил Сэм, встал на носу и принялся указывать направление. Обнаруживая впереди коряги и отмели, помогал обойти их. Вода была темной и почти непрозрачной, берега протоки заросли камышом и деревьями, увешанными испанским мхом и лианами. По мере продвижения по суше растительность становилась гуще, кроны деревьев начали смыкаться над головой. Немного погодя Сэм попросил:

– Выключи двигатель.

Гудение стихло, лодка почти беззвучно прошла еще несколько ярдов, остановилась и начала дрейфовать к тенистой роще. Где-то позади они слышали рев двигателя черно-серой лодки. Сэм и Реми обменялись кивками, и Реми снова запустила двигатель. Так они шли еще минут двадцать, потом Сэм махнул рукой:

– Приготовь якорь.

– Ты уверен?

– Тебе что-то здесь не нравится?

– Эта духота, тучи москитов и комаров, и болото, где аллигаторы и знаменитые, но редкие американские крокодилы с трудом справляются с водяными ядовитыми щитомордниками. А еще я только что видела, как от жары и сырости цапля упала с дерева.

– Прекрасно, – сказал Сэм. – Надо приготовить гидрокостюмы. Они защитят от москитов. Надевай сапоги – мы пойдем пешком. И на всякий случай прихватим ласты, вдруг понадобится ускориться. – Сэм принялся изучать карту и поставил красный крестик примерно в полумиле выше по течению.

– Не слишком далеко? – засомневалась Рэми.

– Им придется потрудиться на славу, чтобы увидеть то, что им понравится.

Когда они приготовились, Сэм тупым концом багра стал отталкиваться от дна, подводя лодку к берегу. Они вышли и сделали несколько шагов по илу. Потом Сэм толкнул лодку так, чтобы она отплыла на середину протока.

– Что теперь? – спросила Реми.

– Теперь нам предстоит большой пеший переход.

– Очаровательно. Веди, – и вслед за Сэмом она пошла по илу среди камышей.

Сэм часто оборачивался и смотрел на жену, двигавшуюся размеренным шагом, со спокойной улыбкой на лице. Минут через двадцать ходьбы Сэм остановился.

– Ты поняла?

– Пожалуй.

– Почему только «пожалуй»?

– Полагаешь, они поставили на нашу лодку следящее устройство с джи-пи-эс?

Он улыбнулся.

– Я его обнаружил, до этого гадал, почему они не повредили двигатель, а потом понял: чтобы мы не особо шарили в машинном отделении.

– Тогда все ясно. Давай дойдем, куда собирались, и посмотрим, следуют ли они за нами в надежде на сокровища.

– Иногда ты меня удивляешь, – произнес он.

– Правда? – спросила она. – Все еще?

Он увел Реми еще дальше в топь, повернул направо, и они сделали широкий круг. А когда вернулись к своей лодке, Реми прошла вперед, на сотню ярдов к повороту, и указала на черно-серую лодку, стоявшую на якоре так, чтобы ее не было видно.

Сэм сел на поваленный ствол, надел ласты и опустил на лицо маску.

Реми положила руку ему на плечо.

– Знаешь, аллигаторов я упомянула не для красного словца.

– Не говори им, что я здесь.

Сэм вошел в мутную воду и исчез, через какое-то время появился у кормы черно-серой лодки, прошел к носу, поднял якорь и отпустил лодку по течению.

Реми отправилась по отмели туда, где возле берега среди камышей они оставили свою лодку. Она багром подтянула ее, подняла якорь и посмотрела на проток: Сэм в черно-серой лодке медленно подплывал к ней. Она увидела, как он ножом перерезал два провода и возится с ними.

На глазах у Реми Сэм соединил эти провода, мотор заработал, и он повел лодку вниз по протоку. Реми запустила двигатель и на небольшой

скорости пошла по воде перед Сэмом, вспоминая, где обходила отмели и затонувшие стволы. Через несколько минут она была уже в озере Грязном, оттуда проплыла в озеро Алое, а потом в залив. За ней в черно-серой лодке шел Сэм.

Добравшись до открытой воды далеко от побережья Каминада, они свели лодки и связали их. Реми перебралась на борт черно-серой лодки и улыбнулась:

– Хитро придумано.

– Спасибо, – сказал Сэм.

Они принялись обыскивать черно-серую лодку, особенно тщательно каюту. Через несколько минут Реми подняла синюю папку-скоросшиватель с сотней страниц.

– Они из компании. Слышал когда-нибудь о «Консолидейтед энтерпрайзис»?

– Нет, – ответил Сэм. – Весьма неопределенно. Не указывает ни на что конкретное.

– Наверно, ничего не хотят исключать, – предположила Реми.

– В данный момент они охотники за сокровищами. – Сэм указал на палубу, вернее, на морской металлодетектор, готовый к работе.

– Зачем использовать эту штуку, когда можно просто выследить тех, кто находит сокровища, вывести из строя их оборудование и занять их место?

Сэм снова осмотрел каюту и произнес:

– Их шестеро.

– Две женщины. – Реми кивнула и снова раскрыла папку. – Вот оно. «Полевая группа», есть все, включая снимки и имена.

– Возьмем это с собой.

– Разве забирать чужое не значит переходить черту?

– А разве оставлять шесть человек в болоте в сорока милях от дома не значит переходить черту?

– Наверное, ты прав. – Она закрыла папку и вышла на палубу. – Что делать с их лодкой?

– Где их головная контора?

– В Нью-Йорке.

– Тогда лучше отвести лодку в гавань и привязать там, – предложил Сэм. – Вероятно, ее взяли напротив, и хозяин не хотел бы ее потерять.

Реми перебралась через планшир в их лодку. Сэм протянул ей ласты и маску, потом перебросил в лодку гидрокостюм. Реми перерезала веревку, связывавшую лодки.

– Я обгоню тебя на пути к Гранд-Айлу, – сказала она. – Победитель первым идет в душ.

Сэм включил мотор и двинулся первым. Идя на большой скорости к пристани и подпрыгивая на волнах, они через час пришли к цели – почти одновременно. Сэм привязал черно-серую лодку и выбрался из нее. В украденной толстовке с капюшоном, который набросил на бейсболку, он прошагал по одному причалу и попал на следующий, где привязывала лодку Реми. Она подняла голову и засмеялась.

– Хорошо выглядишь в украденной одежде.

Сэм покачал головой:

– Слишком много улыбаюсь. Это означает, что я ни в чем не виноват и настроен дружелюбно.

Реми наконец привязала лодку, подошла к каюте и подергала новый замок.

– Не виноват? Откровенный не значит невиновный. Отведи меня сначала под горячий душ, потом в хороший ресторан, и мы поговорим о дружелюбии.

Глава 3

Ла-Холья, штат Калифорния, США

Сельма Уондраш сидела за столом в своем кабинете на первом этаже дома Фарго на Голдфиш-Пойнт в Ла-Холье. В Калифорнии наступал вечер, и, оторвав взгляд от книги, Сельма увидела закат солнца на широких просторах океана. Ей нравилось мгновение, когда солнце замирает на линии горизонта, как желток в яичнице. Внизу, под домом, у подножия утеса катились длинные тихоокеанские волны, и Сельме подумалось: они приходят словно с края света. У нее редко выпадало время почитать что-то ради удовольствия, но Фарго почти месяц находились в Луизиане, и то, чем они занимались, не требовало от нее большой исследовательской работы.

Она пригладила коротко стриженные волосы, на мгновение закрыла глаза и подумала о книге, которую читала: «Грандиозное путешествие» Дэвида Маккалоу – об американцах девятнадцатого века,

отправившихся в Париж. Эти люди походили на нее жаждой знаний. И для них, и для нее жить означало учиться.

Она подумала, что сумела найти свое место.

В детстве Сельма иногда мысленно рисовала свой портрет – робкое неинтересное существо, «девочка на первой парте, тянущая руку». Она почти с младенчества была вундеркиндом, начала читать с двух лет – и продолжала читать, учиться, изучать, рассчитывать. И вот она здесь, главный исследователь.

Сельма увидела свое отражение в стекле большого окна, выходящего на океан; вот она – невысокая женщина, средних лет, никаких ухищрений, пестрая рубашка, брюки. Впрочем, рубашка и брюки – весьма модный, дорогой японский наряд садовника.

Она уже давно работает на Сэма и Реми. Супруги наняли ее сразу после того, как продали свою компанию, но раньше, чем построили этот дом. Реми тогда объяснила:

– Нам нужен человек, который помогал бы нам в исследованиях.

– Исследованиях чего?

– Всего. Нас интересует всё. История. Археология. Языки. Океанография. Метеорология. Компьютерные науки. Биология. Медицина. Физика. Игры. Нам нужен человек, готовый услышать вопрос и найти способ ответить на него.

– Я этим и занимаюсь, – сказала Сельма. – Многие из этих областей знаний я изучала самостоятельно, некоторым учила. Работа библиотекаря в справочном отделе позволила мне найти много источников и познакомиться с видными специалистами. Я берусь за эту работу.

– Вы даже не знаете, сколько вы будете получать, – удивился Сэм.

– Вы тоже не знаете, – ответила Сельма. – Я возьму минимальное жалованье за три испытательных месяца, а потом вы назовете сумму. Уверяю вас, она будет выше, чем вы полагаете. Узнав меня, вы сможете оценить мой труд.

Она никогда не жалела, что согласилась работать у Фарго, словно искала не работу, а возможность получать деньги за хорошие знания. Сельма даже помогла Сэму и Реми спланировать этот дом, собрала сведения об архитекторах, проектных особенностях, подбирала материалы и дизайн. Поскольку она уже хорошо знала Сэма и Реми, то смогла напомнить им о значении дома в жизни. Она также объяснила, почему необходима первоклассная исследовательская лаборатория.

Зазвонил телефон, у нее мелькнула мысль – попросить ответить Пита или Венди, ее помощников, младших исследователей. Эта мысль продержалась всего несколько секунд, а потом Сельма, как всегда, пала жертвой своего неутолимого любопытства.

– Алло. Резиденция Фарго. Говорит Сельма Уондраш.

– Сельма! – послышался голос. – Meine Liebe, wo sind Ihr Chef und seine schöne Frau?[2]

– Herr Doctor Fischer. Sie sind tauchen in Golf von Mezico[3].

– Ваш немецкий с каждым днем все лучше. Я сделал удивительное открытие и хотел бы обсудить его с Реми и Сэмом. Можно ли немедленно связаться с ними?

– Да. Если дадите ваш номер, я попрошу их позвонить, как только они вынырнут.

– Я в Берлине. Мой номер…

Записывая номер, Сельма подумала, что книгу Маккалоу придется отложить. Альбрехт Фишер – профессор классической археологии в Университете Гейдельберга. Не помешает сегодня вечером просмотреть его последние научные публикации, чтобы понять, что он мог открыть.

– Спасибо, Альбрехт. Я сообщу Сэму и Реми, как только смогу.

В тот же вечер, после романтического ужина в «Гранд-Джатте» (тушеные креветки, краб с мягким панцирем и хлебный пудинг) и прогулки под луной, Сэм и Реми легли в постель – и тут же зазвонил телефон.

Сэм сел на кровати, чтобы взять с туалетного столика телефон; Реми подняла голову.

– Я свой отключила.

– Прости, совсем забыл. – Он провел пальцем по экрану. – Алло?

– Сэм?

– Сельма? – удивился он и посмотрел на Реми.

Та отвернулась и до подбородка укрылась одеялом.

– Надеюсь, я звоню не слишком поздно?

– Конечно, нет. – Он улыбнулся Реми. – Что случилось?

– Звонил Альбрехт Фишер. Он сделал открытие и хочет обсудить его с вами и Реми.

– Он в своем университетском кабинете в Гейдельберге?

– Нет, в Берлине. Он оставил номер.

– Да, записываю.

Она продиктовала номер, и он записал его на листке, вынутом из бумажника.

– Спасибо, Сельма. Как дела дома?

– Все в полном порядке, неважно, в доме ли хозяин и хозяйка или нет.

– Вы ведь не стали бы звонить человеку ночью, только чтобы посмеяться над ним?

– Никогда, – ответила Сельма. – Спокойной ночи! – И повесила трубку.

Сэм прошел на кухню и хотел закрыться там, но Реми уже встала и просунула голову в дверь, не давая ей затвориться.

– Я все равно не сплю. Завтра оба будем усталые.

– Который час в Берлине?

– На семь часов больше, чем в Луизиане.

– Значит, восемь утра.

Сэм набрал номер, подождал, пока установится соединение, и включил громкую связь. Они услышали звонок.

– Алло, Сэм! Wie geht es Ihnen?[4]

– Хорошо, Альбрехт. Сельма сказала, вы что-то хотите обсудить с нами. Мы оба слушаем.

– Да, – сказал он. – Находку, которую я сделал неделю назад. Я привез сюда несколько предметов для исследования и только что получил результат.

– Какой же?

– Друзья мои, полагаю, что нашел совершенно невероятное, и отныне это нужно держать в полной тайне. Это нечто огромное, я не могу вести раскопки в одиночку, даже предварительно осмотреть не могу. Через месяц начинается лето, и опять – я не в силах выразить, до какой степени необходимо сохранять тайну.

– Мы понимаем, необходимо сохранять тайну, но вы не могли бы хоть намекнуть, о чем речь? – спросила Реми.

– Думаю… Мне кажется, я нашел поле древней битвы. Оно выглядит совершенно нетронутым, непотревоженным.

Сэм написал на листке бумаги: «Что думаешь?»

Реми на том же листке ответила: «Да».

– Мы прилетим к вам, – сказал Сэм.

– Спасибо, Сэм. Я сейчас в Берлине, кое-что покупаю, кое-что одалживаю. Сообщите мне номер вашего рейса, встречу вас в аэропорту.

– Мы с Реми сядем в самолет утром, но, наверное, проведем в воздухе весь день. До скорой встречи! – Он положил трубку и посмотрел на Реми.

– Надо было спросить, что это за поле битвы, – сказала она.

– Он сказал только: битва древняя. Думаю, можно не беспокоиться о неожиданных артиллерийских сюрпризах.

– Если это в Европе, возможно и такое.

– Он в Берлине, но как будто проводит исследования, а сама находка не там.

Утром, пока они ехали сорок пять миль до Нового Орлеана, Сэм позвонил Рею Холберту и сказал:

– Вчера вечером позвонил наш друг; ему нужна срочная помощь в одном проекте, и мы вынуждены улететь. Прошу прощения за столь поспешный отъезд.

Холберт ответил:

– Не переживайте. Вы проработали у нас целый месяц, и нам будет вас не хватать. Не так уж много у нас добровольцев, которые оплачивают свои расходы и часть наших. Мы будем поддерживать с вами связь, держать в курсе, сообщим обо всех обнаруженных предметах.

– Спасибо, Рей!

– Ах да, кстати, Сэм. Если кто-нибудь захочет найти людей, взявших напрокат черно-серую лодку, откуда вы предложили бы начать?

– Ну, точно не знаю. С протоков в районе озер Алое и Грязное, например. Наверное.

В аэропорту уже ждали заказанные Сельмой билеты. Рейсом «Голландских королевских авиалиний» Сэм и Реми долетели из аэропорта Луи Армстронг в Новом Орлеане до Атланты, а оттуда отправились в Амстердам. Последний перелет, в Берлин, был совсем

коротким, и на следующее утро они приземлились в 11:20 в берлинском аэропорту Тегель. Альбрехт Фишер ждал их.

Фишер был высокий, худой, со светлыми волосами, уже кое-где тронутыми сединой, и с некогда светлой, а теперь неизменно сильно загорелой от долгого пребывания на солнце кожей. На его лице поражали глаза без ресниц. Фигуру облегало короткое серое спортивное пальто, довольно поношенное, а на шее болтался темно-синий шарф. Фишер пожал Сэму руку и расцеловал Реми в обе щеки. И только когда они направились к выходу из терминала, Альбрехт Фишер заговорил о своей находке:

– Простите, что так мало сказал вам по телефону. Думаю, вы сами все поймете, когда увидите привезенное в Германию.

– Значит, сама находка не из Германии? – спросил Сэм.

– Нет, – ответил Фишер. – Еще там я почувствовал: за нами наблюдают. Мне нужно было провести лабораторные исследования и осмотр, но этим я не решался заняться там. И поэтому вернулся сюда. Коллеги в «Гумбольдте» и в Свободном университете предоставили мне свои лаборатории. Спал я в кабинете сотрудника, который сейчас в отъезде, а душем пользовался в химической лаборатории.

– А почему вы не отправились в свою лабораторию в Гейдельберге?

– Пытаюсь сбить с толку тех, кто интересуется моим исследованием. За работой у меня все время возникает какое-то странное чувство. Я теперь верю: когда за человеком следят, он это чувствует.

Фишер подвел их к своей машине и отвез в отель «Адлон-Кемпински». Пока Сэм регистрировался, Реми наслаждалась красотой отеля: роскошные ковры, изящная мебель, сводчатый потолок, но еще она заметила – Альбрехт Фишер непрерывно наблюдает за людьми, входящими в вестибюль и выходящими из него. Он был взбудоражен, горел нетерпением, но одновременно боялся. Сэм отправил коридорного с багажом в их номер, присоединился к Реми и Фишеру и спросил:

– Поднимемся в номер?

Реми отрицательно покачала головой:

– Полагаю, лучше посмотреть, что нам покажет добрый профессор.

Лицо Альбрехта прояснилось:

– Да, конечно. Я понимаю, вы устали после перелета, но я молчал о находке долго, чуть не сошел с ума. И лаборатория близко.

Сэм и Реми переглянулись, и Сэм согласно кивнул:

– Тогда конечно. Идемте.

Они вышли из отеля; швейцар остановил для них такси и открыл дверцу. Альбрехт дождался, чтобы дверца закрылась, и только потом сказал:

– Университет Гумбольдта, пожалуйста.

Таксист провез их всего несколько кварталов, к памятнику Фридриха Великого перед главным корпусом университета на Унтер-ден-Линден.

Они быстро вошли в здание, которое как будто целиком занимали научные лаборатории – двери с дымчатыми стеклами и номерами на них. За некоторыми открытыми дверями виднелись молодые люди в лабораторных халатах, расхаживающие между черными шкафами с экранами или стоящие у химических приборов и счетчиков, центрифуг и спектрометров. Проходя мимо, Сэм заглядывал во все лаборатории. Реми взяла его за руку и тихо произнесла:

– Я знаю, ты вспоминаешь счастливые дни учебы в колледже.

– О чем вы? – спросил Альбрехт. – Я всегда считал, что американские студенты только пьют пиво и ходят на вечеринки.

– Сэм учился в Калтехе. Там сначала работали в лабораториях, а уже потом пили пиво и ходили на вечеринки.

– А я вспоминаю некоторых студентов этого университета. Здесь учился один очень перспективный студент, такой Альберт Эйнштейн.

Реми заметила:

– А до него здесь учились Гегель, Шопенгауэр и братья Гримм.

– Сегодня нам нужны знания, Реми, по истории и по физической археологии, – сказал Альбрехт.

Он остановился у темной лаборатории, достал ключ и открыл дверь. Они вошли, профессор включил флуоресцентное освещение и указал:

– Это здесь.

В комнате вдоль боковых стен выстроились черные шкафы и с полдюжины столов из нержавеющей стали. На одном столе стоял полированный деревянный гроб.

– Кто умер? – спросила Реми.

– Я зову его Фридрихом. – Профессор подошел к столу. – В документах я указал, что это мой двоюродный прапрадед Фридрих фон Шлехтер. Когда я его нашел, то не хотел вызывать лишнее любопытство, поэтому

купил в ближайшем городе гроб и нанял гробовщиков, они уложили «прадеда» в гроб. Потом я оформил необходимые документы и перевез в Берлин для похорон. – Он открыл крышку.

Внутри находился потемневший от времени скелет, несколько обрывков чего-то, похожего на истлевшую кожу, и ржавый кусок металла, как будто от лезвия меча.

Сэм и Реми заглянули внутрь. Сэм произнес:

– Да у него в пути отвалилась голова.

Реми пригляделась внимательней:

– Это произошло не в пути. Посмотрите на этот позвонок. – Она показала на верхнюю часть шейного позвонка, где не хватало большого куска. – Это от топора или меча.

– Очень хорошо, – отозвался Фишер. – Когда проведешь с ним много времени, начинаешь лучше понимать, кто он. Исходя из степени износа коренных зубов и хорошего состояния костей, я бы сказал: ему от тридцати до сорока лет. Если вы посмотрите на его левые лучевую и локтевую кости, увидите еще несколько следов. Очевидно, это зажившие раны. Разумеется, причиной его смерти стало обезглавливание. Но имеющиеся следы говорят о нем больше. Это был воин. Очевидно, он дрался каким-то двуручным оружием, противник ударил его по предплечью. Или он пользовался щитом и получил удар из-за него. Но он выжил, и рана затянулась.

– Кстати о мечах и щитах, – сказала Реми. – Вы провели углеродное исследование?

– Да. Использовали осколок бедра на полоске кожаных ремней с фрагмента обуви, а может, ножен. Исследование показало: сохранилось 82,813 процента углерода-14. Я также исследовал останки индивидов, находившихся рядом. Результат тот же самый, он указывает примерно на 450 год нашей эры.

– Четыреста пятидесятый! А где это место? – поинтересовался Сэм.

– В нескольких милях к востоку от Сегеда. В Венгрии.

– Ого! – воскликнула Реми. – И вы полагаете, Фридрих лишь один из многих?

– Да. Сколько их, я пока не знаю. Поле битвы – это, по существу, очень большое массовое захоронение. Место, где находятся тела, ниже окружающей местности; их похоронили обычным путем, или положение изменилось со временем. Я обнаруживал останки на расстоянии в несколько сотен ярдов. Вот, смотрите. – Фишер подошел к следующему

столу и разложил на нем другую карту, вычерченную вручную, с нанесенной на нее «решеткой». – Это река Тиса, а вот здесь в нее впадает Муреш. Вот в этом месте на решетке видно, где я нашел Фридриха, а вот здесь я нашел другого индивида, на той же глубине.

– Кем они могли быть?

– Склонен предположить – это гунны. В то время в районе Сегеда была крепость гуннов. Но когда начиналась война, они сворачивали лагерь и отправлялись воевать. Они сражались с остготами, визиготами, римлянами – и из Рима, и из Константинополя, с аварами, галлами, аланами, скифами, фракийцами, армянами и многими малыми народами, которых поглотили в ходе своих завоеваний. В разное время они объединялись с теми или иными из этих племен против других. Выяснить, кто именно принимал участие в этой битве, будет нелегко и займет много времени.

– Конечно, – согласился Сэм. – Трудно многое сказать о битве, увидев всего два скелета.

– Совершенно верно, – подтвердил Альбрехт. – Хочется быстрей вернуться и начать раскопки. Но есть проблемы.

– Какие? – спросила Реми.

– Площадка большая – обширное открытое поле; при коммунистическом правительстве там было колхозное поле, но уже больше десяти лет ничего не возделывается. Рядом проходит дорога. В нескольких милях – Сегед, современный процветающий город. Если о раскопках станет известно, невозможно будет остановить людей, которые начнут откапывать артефакты себе на память. А истории о находках древних сокровищ в местах античных поселений способны привлечь тысячные толпы. И за день все погибнет.

– Но пока все держится в секрете, – сказал Сэм. – Верно?

– Я только надеюсь, что у меня разыгралось воображение. Но во время раскопок в Сегеде несколько раз складывалось впечатление: за мной шпионят.

– Такое сейчас не редкость, – подтвердила Реми.

– О чем вы?

Сэм пояснил:

– Когда мы были в Луизиане, за нами, там, где мы ныряли, все время следили. Исследовательская группа какой-то компании «Консолидейтед энтерпрайзис».

– Не похоже на археологию. Скорее какой-то бизнес-конгломерат.

– Точное определение, – согласился Сэм. – Их бизнес-план, по-видимому, таков: держаться поближе к перспективному объекту, потом оттеснить тех, кто его нашел, и заняться самим.

– Сэм заставил их пешком идти за нами в болота, а потом одолжил их лодку.

Альбрехт усмехнулся:

– Ну, вы славитесь умением находить золото и драгоценности. А я всего лишь бедный профессор, изучающий людей, живших давно; для них сокровищем был добрый урожай ячменя. Я исследовал эту местность в поисках следов римских поселений. Когда-то это была провинция Рима. А главная причина, почему меня заинтересовало данное место, конечно, в том, что там нет никаких построек.

– Вы имеете представление, кто шпионил за вами в Сегеде? – спросил Сэм.

– Однажды кто-то вломился в мой номер в отеле. Записки у меня были с собой. Мои вещи обыскали, но ничего не взяли. Однако несколько дней подряд я видел большую черную машину с четырьмя рослыми восточноевропейцами в темных костюмах. Три или четыре раза в день я замечал: они следят за мной, иногда смотрят в бинокли и фотографируют.

– Похоже на полицию, – сказал Сэм. – Может, они подозревали вас в каких-то противозаконных действиях – например, вы вывозите из страны Фридриха? Если они знали, что вы археолог, им нужны были сведения обо всех найденных вами артефактах.

Альбрехт с провинившимся видом опустил глаза:

– Я виновен в вывозе Фридриха контрабандой. Но если бы я провел лабораторные исследования в Венгрии, известие о моей находке тут же разошлось бы повсюду. Держать находки в тайне – стандартная процедура. Всякий, кто преждевременно сообщает о своих открытиях, находит раскоп разграбленным, а все научные и исторические ценности уничтоженными. А это место ценнее многих. Возле найденных мной останков людей сохранилось оружие и доспехи, с которыми они умерли. Есть и фрагменты ткани, но в основном кожа и мех. И все это было бы утрачено!

– Конечно, мы уважаем вашу тайну, – сказал Сэм. – И готовы помочь, чем сможем.

– Мы умеем хранить тайны, – подтвердила Реми. – Но может быть, стоит попросить Сельму подумать об этом? Мы воспользуемся ее помощью, она умеет предвидеть, что нам понадобится знать.

– Разрешаете? – спросил Сэм. – Это означает, что будет в курсе весь наш штат, но больше никто.

– Конечно, – ответил Фишер. – Чем больше хороших умов на нашей стороне, тем лучше. А сейчас я хочу убрать Фридриха.

– После того, как мы распакуем багаж и пойдем на ужин. Надеюсь, вы заглянете в наш отель, мы вместе поужинаем, – сказала Реми.

– Вы уверены, что не хотите побыть наедине?

– Мы хотели бы подробнее поговорить о вашем открытии, – пояснила она.

– С радостью, – согласился Альбрехт. – В котором часу?

– В восемь вечера.

– Хорошо. Я немного побуду здесь, все закрою и приготовлюсь. Буду у вас к восьми.

Обменявшись рукопожатием с профессором, Сэм и Реми вышли из здания, миновали огромную конную статую Фридриха Великого и пошли по Унтер-ден-Линден. В западном конце улицы они видели Бранденбургские ворота и рядом с ними отель «Адлон-Кемпински». Шагая по тротуару под липами прочь от университета, они проходили мимо знаменитых улиц: Фридрихштрассе, Шарлоттенштрассе. Оставили позади русское посольство, а затем, недалеко от их отеля, – венгерское.

Вечер был прекрасный, и Реми, высоко задирая голову, смотрела по сторонам.

– О чем ты думаешь? – спросил Сэм.

– Просто гадаю, почему за нами следят.

Глава 4

Берлин, Германия

– Где они? – спросил Сэм.

– Подожди несколько секунд, – тихо произнесла Реми. – Потом оглянись – на семь часов. Там молодая светловолосая женщина, с ней высокий мужчина с бритой головой. – Реми на ходу коснулась своих блестящих рыжих волос. – Блондинка в Берлине, да? Что может быть удивительней? – Она осталась недовольна своим жестом. Достала из

сумочки маленькое зеркало и притворилась, будто разглядывает себя и поправляет выбившуюся прядь. – Эта женщина из луизианской группы. И мужчина… Да, он тоже. Их фотографии есть в ноутбуке, который мы стащили у них с лодки. Как им удалось так быстро добраться до Берлина? Мы прилетели всего несколько часов назад, а ведь они не знали, куда мы направляемся.

Сэм пожал плечами:

– Может, у них есть корпоративный самолет.

– Не наняться ли нам в «Консолидейтед энтерпрайзис»? Интересно, какие еще у них льготы?

– Не вовремя они появились.

– Что, по-твоему, мы должны делать?

– Допустим, спросим немецкого адвоката, законно ли следить за нами.

– Давай, – согласилась Реми. – Альбрехт так старается сохранить свое открытие в тайне! Не хочется, чтобы идиоты, которых мы привели за собой, что-нибудь узнали. А их можно депортировать?

– Я предпочел бы, чтобы они остались в Германии, а не поехали в Венгрию.

– Хорошая мысль, – отозвалась Реми. – Давай поговорим об этом с Альбрехтом за ужином.

– Я хотел бы кое-что сделать.

– Что?

– Я вижу только двоих. Надо разделить их.

– После всех ныряний и перелетов я часок отдохнула бы в баре отеля.

Они пошли дальше. У входа в отель «Адлон-Кемпински» Реми поцеловала Сэма и прошла в вестибюль. Сэм сделал несколько шагов и обернулся, желая убедиться, что блондинка последовала за ней. Он увидел, как рослый бритоголовый мужчина неожиданно остановился и сделал вид, будто смотрит в другую сторону. Сэм отправился дальше.

Он быстро прошел мимо Бранденбургских ворот и завернул в Тиргартен, большой городской парк. Тропа под деревьями привела его к Хауптбанхофу – огромному сверкающему металлическому зданию самого крупного в Европе двухэтажного железнодорожного вокзала. Он вошел внутрь, рослый мужчина с бритой головой двигался за ним на некотором расстоянии. Сэм смешался с толпой пассажиров и купил билет на С-бан, через город. Он появился на нужной платформе, как раз

когда двери открылись, вошел в вагон и убедился – преследователь сел в другой вагон. Как только двери начали закрываться, он выскочил, пробежал по платформе, спустился по эскалатору к перрону поездов дальнего следования «Восток-Запад» и несколько минут стоял у эскалатора, высматривая высокого мужчину с бритой головой.

Убедившись, что хвоста нет, Сэм по эскалатору поднялся на наземный уровень, оставил Хауптбанхоф позади, нашел удобную скамью в тени и принялся наблюдать за выходом из вокзала.

Прошло минут двадцать, прежде чем появился высокий. Глядел он мрачно, больше не искал Сэма и смотрел в землю, сунув руки в карманы плаща. После того как бритоголовый оказался довольно далеко, Сэм встал и двинулся за ним.

Мужчина направился куда-то к северу от Аль-Моабита; не останавливаясь, он дошагал до отеля «Тиргартен» и вошел. Сэм выбрал небольшой бар на противоположной стороне улицы, сел за столик у окна и стал наблюдать за отелем. Здание четырехэтажное, не больше шестидесяти номеров. К столику подошла официантка, Сэм улыбнулся и показал на мужчину за соседним столиком; мужчина пил пиво, и официантка принесла Сэму то же самое.

Минут через десять в отель вернулась блондинка. Сэм продолжал наблюдать. Он увидел, как эта женщина появилась в окне четвертого этажа, открыла его и задернула занавеску. Когда он уже допивал пиво, дверь отеля открылась и один за другим вышли четверо членов группы из Луизианы. Трое мужчин и женщина с короткими темными волосами. Они разделились на пары и пошли в одну сторону.

Идя за ними по Тиргартену, Сэм подумал: «Они напоминают компанию молодых бухгалтеров, закончивших работу и решивших вместе выпить». И не удивился, поняв, что их цель – отель «Адлон». Когда преследователи подошли к отелю, двое мужчин направились в соседний ресторан. Двое, похожие на семейную пару, вошли в отель и остановились посреди вестибюля. Держались они несколько неуверенно, оглядывались и рассматривали куполообразный потолок с перекрещивающимися балками. Сэм вошел за ними, быстро проследовал в лифт и поднялся на четвертый этаж – следующий за тем, где был номер Фарго, вышел из лифта и спустился по лестнице.

Он постучал, Реми открыла дверь. Она была в изумрудно-зеленом платье от Донны Каран; Сэм восторгался этим платьем, даже видя его на вешалке, а на Реми оно выглядело волшебно: кожа ее светилась, глаза казались ярче и больше, чем обычно.

– Ого! Мне снится, будто я женился на женщине, которая выглядит точно как ты. Надеюсь, я не проснусь.

– Лесть всегда тебя выручает. И к тому же не забудь: я два часа прихорашивалась. Так каков результат твоей слежки за шпионами времен холодной войны?

– Я выполнил задачу, и новости плохие, – ответил он. – Вся группа, все шестеро здесь. Двое сейчас наблюдают за вестибюлем, еще двое ужинают через улицу. Они, вероятно, будут во второй смене. Не думаю, что до утра мы увидим лысого и блондинку.

– Хорошо, – сказала она. – Теперь моя очередь тревожиться, пока ты принимаешь душ и переодеваешься. Костюм и белая рубашка в том шкафу. Альбрехт придет через полчаса.

– Верно. Пока тревожишься, может, снова позвонишь Генри и спросишь, не знает ли он хороших адвокатов в Германии и Венгрии?

– Я это уже сделала; он не знает, пришлет мне мейл с рекомендациями своего друга, когда мы будем ужинать. Кстати, я умираю с голоду. А ты? Я мечтаю о копченом гусе, шампанском и марципановом торте с тех пор, как услышала разговор об этом в баре.

– Перестань. А то я окончательно оголодаю.

Сэм принял душ и переоделся. Шел девятый час. Когда Альбрехт опаздывал уже на пятнадцать минут, Сэм позвонил на его сотовый, но телефон был отключен и отсылал на голосовую почту. Сэм позвонил портье, чтобы узнать, не приходил ли его друг, потом в ресторан – вдруг тот ждет там.

– Будем надеяться, что он увлекся своим другом Фридрихом и забыл о времени. Если он попросил коллег провести углеродный анализ, возможно, ждет результатов и это его отвлекло, – озабоченно предположил Сэм.

– Попробуем позвонить домой.

Реми достала телефон и позвонила.

– Привет, Реми!

– Привет, Сельма! Мы как будто потеряли Альбрехта.

– Что значит «потеряли»?

– Он должен был прийти к нам в отель полчаса назад, но не пришел, не позвонил и не отвечает на звонки. Я подумала, может, он оставил вам сообщение, но, видимо, не оставил. Нет ли у вас других его номеров? Он остановился в кабинете одного из профессоров Университета Гумбольдта.

– Только домашний и номер кабинета в Гейдельберге.

– Вероятно, это тупик.

– Я могу еще что-нибудь сделать?

– На самом деле да. Постарайтесь что-нибудь узнать о компании «Консолидейтед энтерпрайзис».

– Американская компания?

– Я кое-что читала; там говорится: их головная контора в Нью-Йорке, но здесь мы видим шестерых их людей.

– Займусь этим.

– Спасибо, Сельма. Они как будто следят за нами. И если они подстерегли Альбрехта, то у нас возникнут сложности. Он немного параноик и может отправиться во Францию, чтобы сбить их со следа.

– Дам вам знать, кто они и что они.

– Спокойной ночи, Сельма! – Реми снова спрятала телефон в сумочку и повернулась к Сэму. – Ничего. Есть еще идеи?

– Ну, у тебя есть два варианта – оставаться здесь и хранить нетронутой свою красоту или наденешь что-нибудь практичное, и мы пойдем искать его.

Реми пожала плечами:

– Я уже показала себя во всей красе единственному парню, на которого хочу произвести впечатление. Брось последний взгляд, а потом я надену джинсы и кроссовки.

– Прости!

Она сбросила туфли на шпильках, открыла небольшой холодильник, взяла шоколадный батончик и откусила.

– Вот. Поужинай, пока я переодеваюсь. – Она отдала ему батончик и повернулась, чтобы он мог расстегнуть молнию на платье.

Через несколько минут Сэм и Реми быстро шли по Унтер-ден-Линден к Университету Гумбольдта. На улице было людно, горожане и туристы прогуливались под двойным рядом лип и наслаждались вечером в начале лета. Сэм в четвертый раз оглянулся через плечо и сказал:

– Не вижу преследователей.

Реми ответила:

– Вероятно, они знали, что у нас зарезервирован столик в ресторане, отмеченном мишленовскими звездами, и решили: по меньшей мере три следующих часа мы будем заняты.

– Ты тревожишься?

– Все больше и больше, – сказала она. – Альбрехт Фишер – не рассеянный профессор, привык руководить факультетом, читать лекции, писать и способен создавать грандиозные умозрительные конструкции, опираясь на немногочисленные факты. Он не из тех, кто просит друзей прилететь к нему через полмира, а потом забывает о них.

– Не будем гадать, – остановил ее Сэм. – Мы почти пришли.

Они добрались до лабораторного здания, куда несколько часов назад их привел Альбрехт. Наружная дверь по-прежнему оставалась открытой. Кое-где в лабораториях на верхних этажах горел свет. Они дошли до лаборатории Альбрехта, в ней было темно.

– Мы могли разминуться с ним, – предположила Реми.

– Скорее всего нет. Я разглядывал толпу, чтобы заметить преследователей. Но он мог заглянуть куда-нибудь, чтобы переодеться к ужину, и мы не знаем, с какой стороны он пришел бы.

Сэм осторожно коснулся дверной ручки, та повернулась. Он открыл дверь, протянул руку и включил свет. Гроб с останками Фридриха исчез. Лабораторные столы, прежде стоявшие двумя аккуратными рядами, были хаотично сдвинуты, а два перевернуты. Два стула, похоже, кто-то швырнул через комнату. Пройдя в глубь лаборатории, Сэм и Реми увидели большие пятна крови и след, ведущий к выходу. На полу лежал шарф Альбрехта. Сэм поднял его и сунул в карман пальто.

Реми достала телефон, быстро набрала номер и поднесла трубку к уху.

– Полиция? – спросил Сэм.

– Да. В Германии у них номер 1-1-0. – Она услышала фразу на немецком и сказала: – Здравствуйте. Я могу говорить с вами по-английски? Хорошо. Полагаю, нашего друга похитили. Выкрали. Мы с мужем должны были встретиться с ним в отеле в восемь вечера. Он не пришел, и сейчас мы в его лаборатории в Университете Гумбольдта. Здесь кровь на полу, мебель перевернута и кое-чего не хватает. – Она слушала. – Меня зовут Реми Фарго. Спасибо. Мы будем ждать у входа в здание.

Сэм и Реми выключили свет, вышли из лаборатории и спустились ко входу. Раздался вой европейских сирен. Они звучали все ближе. Открыв дверь, Фарго увидели: со стороны Фридрихштрассе показалась

полицейская машина. Она остановилась перед зданием, вышли двое полицейских.

– Здравствуйте, господа! – произнес Сэм. – Вы говорите по-английски?

– Я немного, – ответил один из полицейских. – Вы герр Фарго?

– Да. А это моя жена Реми. Пожалуйста, идемте с нами. Увидите, что мы обнаружили.

Он и Реми провели полицейских в лабораторию и включили свет. В комнате полицейские как будто успокоились – теперь чувствовали под собой прочную почву: здесь произошло преступление и они главные. Разглядывая следы насилия, полицейские задавали вопросы и делали заметки:

– Как зовут вашего друга? Он профессор «Гумбольдта»? Если он профессор в Гейдельберге, почему лаборатория у него здесь? Какова природа его работы? Был ли у него соперник, который мог бы сделать такое?

Сэм вздохнул:

– Когда профессор Фишер находился в Венгрии, он заметил: за ним следят, за ним ездили четверо в машине. Он не знал, кто они такие.

– Что-нибудь еще?

– Мы только сегодня прилетели из Штатов, из Луизианы, из археологической экспедиции в Мексиканском заливе. Там шесть человек, которые работают на компанию «Консолидейтед энтерпрайзис», следовали за нашей лодкой туда, где мы ныряли, а потом вывели из строя наше оборудование. Сегодня утром, выйдя из отеля, мы заметили двоих из этих шести. Они следили за нами.

– Как нам их найти?

– Они остановились в отеле «Тиргартен», – сообщил Сэм. – На четвертом этаже.

Полицейские несколько секунд совещались, потом говоривший по-английски кому-то позвонил, наконец сказал:

– Мы бы хотели, чтобы вы поехали с нами.

– Куда?

– В отель «Тиргартен».

Когда они приехали в отель «Тиргартен», там уже стояли шесть полицейских машин и их ждал офицер. Полицейские, приехавшие с Сэмом и Реми, называли его гауптманом. Он представился:

– Мистер и миссис Фарго? Я капитан Кляйн. Мои подчиненные уже беседуют с американцами, возможно похитившими вашего друга.

Сэм сказал:

– Мне несколько неловко от мысли, что эти люди похитители. Да, они вели себя неэтично, но не похоже, что их метод – насилие.

Капитан Кляйн пожал плечами:

– По вашим словам, они испортили ваше оборудование и, вероятно, подвергли опасности вашу жизнь. Иногда преступники процветают, потому что не похожи на типичных преступников. Скоро узнаем.

Рация Кляйна затрещала. Он произнес в аппарат:

– Ja? – Мужской голос что-то проговорил, и Кляйн коротко ответил. Потом сказал Сэму и Реми: – Вашего друга в их номерах нет. Мои люди обыскивают другие места: подвал, кладовые, прачечные, офисы и так далее.

– А как насчет образцов? – спросила Реми. – У них нет законных оснований владеть древними артефактами или останками. Они в Европе всего несколько часов.

– Вы можете опознать предметы, если видели их?

– Некоторые, – ответила она. – Профессор Фишер показывал нам скелет древнего воина, там были также ржавые части меча или кинжала, часть кожаных ножен или ремня. И у него имелась карта с «решеткой», на которой показано, где он это нашел.

– А где он это нашел?

– Где-то в Венгрии, – сказал Сэм. – Капитан, я был бы благодарен, если бы описание находки и ее местонахождение не предали огласке. Профессор Фишер держал все это в тайне. Если новость распространится, раскопкам будет грозить опасность. Я лично гарантирую: обо всех находках будет сообщено правительству и получены все разрешения.

– Спасибо за откровенность. Постараюсь не разглашать полученную информацию. – Опять затрещала рация, и капитан стал слушать. – Danke. – Сэму и Реми он сказал: – Наверху готовы к нашему приходу.

Сэм, Реми и гауптман Кляйн поднялись в узкой кабине лифта на четвертый этаж и подошли к открытой двери. Там их ждал полицейский. Они вошли. В комнате находились шестеро американцев, их Сэм и Реми впервые увидели на лодке в Луизиане. Трое сидели на диване, трое – за маленьким столиком у окна. Теперь, когда они оказались близко, а комната хорошо освещена, Сэм увидел красные пятна – укусы москитов, несколько солнечных ожогов и множество царапин, оставленных ветками густой растительности.

– Вы узнаете этих людей? – спросил Кляйн.

– Да, – кивнула Реми.

– Я тоже, – подтвердил Сэм.

Капитан Кляйн сказал:

– Как вы и предсказывали, у них удостоверения сотрудников «Консолидейтед энтерпрайзис» в Нью-Йорке. С сожалением должен сообщить: все они здесь. Я надеялся, один или двое из них будут с вашим пропавшим другом.

Молодая блондинка встала из-за стола и сердито спросила:

– Что делают здесь эти люди?

– Мистер и миссис Фарго сообщили об исчезновении своего друга. Вы их знаете?

– Да, – ответила она. – Они угнали нашу лодку и бросили нас в болотах Луизианы. Мы могли там погибнуть.

– А теперь они в чужой стране добились того, что вы задержаны по обвинению в очень серьезном преступлении. На вашем месте держался я бы от них подальше.

– *Ложному* обвинению! – воскликнул высокий мужчина с бритой головой. – Я требую нашего адвоката.

– Ложны или истинны обвинения, но задержание есть задержание, – подчеркнул Кляйн. – Мы просто пытаемся установить одну группу подозреваемых. Поверьте, вы еще скажете нам спасибо, что мы задерживаем вас сейчас. Похищение всемирно известного немецкого ученого – серьезное обвинение. Наверное, вы бы не хотели, чтобы вас судили за это в Берлине. – Кляйн отошел от них и поманил Фарго.

Они вышли в коридор и закрыли дверь. Кляйн сказал:

– Мои люди тщательно обыскали их номера. Не нашли ни костей, ни ржавых предметов, ни записок или карт.

– Я не думаю, что именно эти люди похитили Альбрехта Фишера, – начал Сэм. – Мы видели: двое из них шли за нами по Унтер-ден-Линден до нашего отеля. Потом мы видели: четверо остальных подошли к нашему отелю и разделились. Они как будто не действовали против Альбрехта, но могли схватить его вскоре после нашего ухода из лаборатории.

– Возможно, это группа наблюдателей, участвующих в более масштабном заговоре, – предположил Кляйн. – Они по-прежнему не могут объяснить, почему преследовали вас и следили за вами. Очевидно, это конкуренты, пытающиеся украсть открытие Альбрехта Фишера. Я сейчас отведу их в участок и попробую определить, что им нужно.

– Мы определенно не возражаем, – согласилась Реми.

– Мы также попросили официальные власти следить за нашей границей в поисках профессора. Но если он провел в руках похитителей несколько часов, его уже могли увезти. – Кляйн проницательно посмотрел на них. – Да вы и сами это поняли. Вы тоже уезжаете из Берлина, верно?

Сэм ответил:

– Кто-то похитил Альбрехта Фишера и украл его заметки, образцы и фотографии. Не знаю кто – друзья этих людей или какие-то третьи лица. Но я знаю, куда его отвезут.

– В таком случае желаю удачи! Будь он моим другом, я поступил бы так же. Доброй ночи!

Глава 5

Сегед, Венгрия

В тот же вечер Сэм и Реми выписались из отеля «Адлон-Кемпински» и на такси отправились на Хауптбанхоф, где днем Сэм ушел от хвоста. Они сели на поезд, идущий на юг по штадтбану – городской железной дороге, но доехали только до аэропорта Шёнефельд и успели на самолет в Будапешт. До аэропорта Ферихедь полтора часа лета. Оттуда на поезде добрались до будапештского вокзала Ньюгати и пересели на другой поезд, который должен был увезти их за сто семьдесят километров, в город Сегед у южной границы.

Выйдя утром из здания вокзала, они увидели длинный ряд такси, ожидающих пассажиров. Сэм оставил сумки Реми, а сам прошел вдоль шеренги машин, спрашивая у каждого шофера: «Вы говорите по-английски?» Если шофер качал головой или удивлялся, то он переходил к следующему. К четвертой машине прислонился смуглый худой мужчина с печальными карими глазами и щеточкой усов. Трое

других таксистов слушали его рассказ и смеялись. Услышав вопрос Сэма, он поднял руку и спросил:

– Вы просто любопытствуете или действительно говорите по-английски?

– Говорю, – ответил Сэм.

– Хорошо. Тогда вы сможете поправлять меня, если я допущу ошибку.

Его английский был превосходен. Легкий акцент свидетельствовал – языку он учился у британца.

– Мне кажется, вы можете поправлять меня, – сказал Сэм.

– Куда вас отвезти?

– Во-первых, в наш отель. А потом мы хотели бы посмотреть город.

– Хорошо. Значит, в отель «Сегед».

– Откуда вы знаете?

– Это хороший, респектабельный отель, а вы кажетесь разумными людьми. – Таксист положил их сумки в багажник и повел машину. – Вы не пожалеете, если у вас найдется время осмотреть Сегед. Это родина лучших колбасок и лучшей паприки.

– Мне нравится архитектура. Здания очень интересных цветов, в основном пастельных; стиль барокко со всеми его отличительными особенностями делает их особенно примечательными, – поделилась наблюдениями Реми.

– Отчасти это хорошо, а отчасти плохо, – сказал шофер. – Сначала плохое: в марте 1879 года река – это Тиса, вон там, – разлилась и уничтожила весь город. Потом хорошее: люди начали думать над тем, что строят.

– И все получилось. Для города со ста семьюдесятью пятью тысячами жителей – грандиозно!

– Вы читали путеводители.

Реми пожала плечами:

– Способ скоротать время в поезде.

Шофер остановился перед входом в отель, достал из багажника сумки Фарго, поставил у входа и протянул Сэму карточку.

– Вот моя карточка. Меня зовут Тибор Лазар. Можете спросить обо мне у администратора; вам скажут: я надежен и честен. Здесь работают два моих двоюродных брата.

– Спасибо, – поблагодарила Реми и спросила: – Нам позвонить, когда мы будем готовы, или вы подождете?

– Я подожду здесь.

Швейцар уже занес их сумки в вестибюль. Они зарегистрировались и пошли в свой номер.

Сэм сел на кровать и стал в своем айпаде рассматривать гугл-карту.

Реми шепотом поинтересовалась:

– Что ты ищешь?

– Поле. Мы знаем, рано или поздно похитители отведут Альбрехта к его находке, чтобы он показал им, где копал.

– Ты нашел поле на карте?

– Пытаюсь. Оно на восточном берегу Тисы, к северу от реки Муреш. Я помню, это недалеко от места слияния рек. Альбрехт использовал его, чтобы ориентироваться по карте.

– Я тебе кое-что скажу. Когда мы были в лаборатории и спросили Альбрехта, можно ли поделиться подробностями с Сельмой, я сфотографировала на телефон карту, чтобы Сельма знала, о каком месте речь. – Реми достала телефон и показала снимок карты.

Сэм поцеловал ее в щеку:

– Отлично! – Он позвонил Сельме и включил громкую связь.

– Сельма слушает. Выкладывайте.

– Привет, Сельма! Вы получили от Реми снимок карты?

– Да. Полагаю, это место, где работал Альбрехт.

– Верно, – подтвердил Сэм. – Он разрешил ввести вас в курс дела, поэтому Реми сфотографировала карту и отправила снимок. Проблема в том, что вчера вечером Альбрехт не пришел к нам на ужин, его похитили из лаборатории в Берлине. Полиция следит за самолетами и железной дорогой, но боюсь, эти люди увезли Альбрехта раньше, чем мы сообщили о похищении.

– Это были люди из «Консолидейтед энтерпрайзис»?

– Не знаю. Едва ли они могли чем-то заслужить пожизненное заключение в тюрьме чужой страны. Здешние полицейские задержали их на время, и нам это выгодно.

– Вы сейчас в Сегеде?

– Да.

– Я на компьютере сопоставила карты рек, чтобы понять, где копал Альбрехт. Я знала, вам это понадобится.

– Нам действительно это нужно, – произнесла Реми. – Никто не стал бы похищать Альбрехта ради выкупа. Он небогат, только умен. Им надо, чтобы он привел их на раскопки и, возможно, поделился всеми данными.

– Чем я могу помочь?

Сэм попросил:

– Во-первых, вышлите мне по электронной почте обычную карту дорог с обозначенным раскопом Альбрехта.

– Получите через минуту.

– Обычные преступники не похищают профессоров. Нам нужно знать, кто заинтересован в раскопках в той области, законных и незаконных.

– Я проверю через Интерпол, кто в последнее время занимался контрабандой артефактов из Венгрии и вообще из Центральной Европы. Свяжусь также с кураторами музеев и антикварами. Если я правильно запомнила дату, это 450 год нашей эры?

– Верно. И еще одно. – Сэм достал карточку, которую дал ему таксист. – Пожалуйста, проверьте таксиста из Сегеда по имени Тибор Лазар. Он ждал у вокзала, когда мы приехали, и говорит по-английски, как среднестатистический лондонец. Посмотрите, так ли он хорош.

– Сделаю. Еще один вопрос к Интерполу.

– Спасибо, – сказала Реми. – А мы здесь тем временем постараемся привлечь к себе внимание.

– По-вашему, это хорошая мысль?

– Ну, в данный момент – единственная, – ответила Реми. – Если мы будем делать то, что делал Альбрехт, тогда те, кто заметил его, как-нибудь отреагируют.

– Будем надеяться, что отреагируют они иначе. Передам вам информацию, как только добуду. Карта уже у вас на айпаде, место раскопок отмечено. До свидания! – закончила разговор Сельма.

Сэм выключил айпад. Реми задала вопрос:

– Готов к экскурсии?

– Жду с нетерпением.

Они вышли на улицу, их ждал таксист Тибор, он открыл для них дверцу и, когда они сели на заднее сиденье, поинтересовался:

– Хотите посмотреть город?

– Да, – ответил Сэм. – Можно начать с реки?

– Конечно, – отозвался таксист. – Нынче хороший год, с Тисой все благополучно: ни наводнений, ни засух, ни разлития химикалий выше по течению. В прошлом году все это мы получили.

Сэм смотрел на свой телефон: на экране была карта Сельмы.

– Река, похоже, большая.

– Она протекает по северу Венгрии, примерно тысячу километров по Украине и впадает в Дунай на границе с Сербией. С древних времен это очень важная река. Здесь, в южной части обширной равнины, редко выпадают дожди. Но вода льется с Карпатских гор, с Украины, а Муреш течет из Румынии и приносит растаявший снег и дожди с гор Трансильвании.

– Наверно, с древних времен русло реки менялось? – предположила Реми.

– Много раз. Река медленная, извилистая, сильно петляет по равнине. Но человек ничего не оставляет в покое. В 1846 году граф Иштван Сеченьи начал выпрямлять ее, сократил Тису до тысячи километров, ликвидировав петли. И теперь есть около шестисот километров сухого русла. В конце девятнадцатого века начались попытки усовершенствовать реку. Может, было еще что-то, чего я не помню или о чем не слышал. Но в 1937 году поняли: нужно заняться уничтоженными частями. Теперь река течет прямо, но наводнения по-прежнему бывают – и даже хуже прежнего. Протоки забиты илом. Но всякий раз, когда рождаются новые политики, они берутся за реку.

– Вы сможете проехать по вон тому мосту впереди и показать нам другой берег реки?

– Конечно, – ответил Тибор. – Мы называем эту сторону Уй-Сегед – Новый Сегед. Старый город весь на западном берегу.

– А восточная сторона действительно новая?

– Она, конечно, всегда была здесь, но город рос преимущественно на пустых местах.

Машина проехала по низкому, недавно выкрашенному металлическому мосту. Фарго смотрели вниз, на реку.

– Проедем несколько миль по этому берегу?

– Конечно, – ответил Тибор. – Сегодня прекрасный солнечный день. Наш город самый красивый в Венгрии.

Они ехали довольно долго, наконец Сэм понял: они на местности, обозначенной на карте Альбрехтом. Это было обширное заброшенное поле, заросшее люцерной.

– Что это за земля справа от нас? – спросила Реми.

– Это? Да просто старая ферма. Раньше здесь пасли скот. В моем детстве, при коммунистах, это была часть большого фермерского коллективного хозяйства. С тех пор Венгрия участвует в программе очищения Дуная, принятой и соседними странами. Ферму закрыли. Слишком много грязи и отходов у реки.

– Можно остановиться и посмотреть?

– Разумеется. – Тибор съехал на обочину и остановился.

Сэм и Реми немного прошли по полю.

– Что ж, пришли, – констатировала Реми, – но я никого не вижу.

– Никаких следов недавних раскопок, – заметил Сэм. – Должно быть, Альбрехт, уезжая, засыпал раскоп, и его никто не потревожил.

– А если Альбрехт убедил похитителей, что его находка в другом месте?

– Сомневаюсь. Сельме понадобились только очертания реки, чтобы найти место, а ведь Альбрехт знал – когда он был здесь, за ним следили. У меня очень сильное ощущение: его держат где-то здесь поблизости. Его должны были привезти сюда, чтобы он показал им раскоп и объяснил, что искать, или чтобы показывать ему найденное.

– Вероятно, это так. Но как нам его найти?

Сэм посмотрел поверх головы жены и произнес:

– Похоже, наблюдатели нашли нас.

Реми обернулась и увидела большую черную машину, та остановилась выше на дороге, шедшей по этому берегу вдоль реки. Человек с острым зрением разглядел бы в машине несколько голов над сиденьями. Реми достала телефон и сняла несколько участков поля, реки, а потом и дороги, где стояла черная машина.

– Альбрехт упоминал большую черную машину с четырьмя людьми, – сказал Сэм. – Как думаешь, твой телефон разберет на таком расстоянии номер?

– Надеюсь, но у меня такое чувство, будто нам предстоит взглянуть на этот номер поближе, – ответила Реми.

Они вернулись к такси. Тибор спросил:

– Вы знаете людей в той черной машине?

– Нет, – ответил Сэм. – А вы?

– Едва ли. Минуту назад я видел блеск. Один из них разглядывал нас в бинокль. Я правильно назвал этот предмет? – И он поднес к глазам руки, сделав кольца из пальцев.

– Да, правильно, – улыбнулась Реми. – Их, вероятно, просто удивляет, что это мы делаем на старом скотном выгоне.

– Хорошо.

Тибор тронул машину с места, развернулся на сто восемьдесят градусов и через несколько минут поехал по мосту через реку. При этом он то и дело поглядывал в зеркало заднего обзора.

– Вы уверены, что не знаете их?

– Абсолютно, – ответила Реми. – Мы впервые в Венгрии.

Они проехали на площадь Мучеников, казненных после поражения революции 1848 года, осмотрели площадь Героев, здание парламента Венгрии, площадь Иштвана Сеченьи – весь центр города. Район утопал в цветах, деревьях, а здешние барочные здания казались нереальными.

Тибор перевозил их с места на место, и Сэм и Реми постоянно видели черную машину. Когда они неожиданно остановились в центре города, машина едва не поравнялась с ними. Реми сделала еще один снимок через заднее окно.

Тибор заметил это и поделился:

– Такие люди напоминают мне жизнь при коммунистах. Тогда похожие на них граждане не работали, а только следили за другими и докладывали куда следует.

– Хотела бы я знать, кому эти докладывают о нас, – поинтересовалась Реми.

– Интересно, сможем ли мы это узнать, – ответил Сэм. – Скажут нам в полиции, чья это машина, если мы сообщим ее номер?

– Думаю, да, – произнес Тибор.

Реми увеличила снимок, сделанный через заднее окно, достала из сумки листок бумаги, переписала номер и протянула листок Сэму.

– Я удвою вашу плату, если узнаете. Вот номер, – Сэм над сиденьем протянул листок Тибору.

Тот поставил машину на стоянку у отделения полиции и исчез внутри.

Сэм набрал номер своего дома и сказал:

– Привет, Сельма!

– Привет, Сэм! Я как раз собиралась вам сообщить то, о чем вы спрашивали.

– Давайте отложим. Сейчас пришла минута, когда мы должны знать, хороший или плохой парень Тибор Лазар.

– У меня есть предварительный ответ. Он не делал ничего такого, что привлекло бы внимание полиции или Интерпола. Владеет небольшим домом и маленькой таксомоторной компанией. Никаких указаний на то, что это какое-то прикрытие. В компании три машины, все – его собственность. Он слишком беден, чтобы быть нечестным.

– Отлично, – отозвался Сэм. – Спасибо, Сельма.

Тибор вышел минут через двадцать, сел на свое место, и машина тронулась. Выезжая с парковки и двигаясь вперед, он назвал:

– Бако.

– Бако?

– Арпад Бако.

– Вы знаете, кто он? – спросила Реми.

– Я расскажу о сведениях из полиции, пока мы едем. – Тибор подъехал к реке и повернул на юг, увеличив скорость, посмотрел в зеркало заднего обзора, как будто ожидал, что за ними следят. – Начнем с вас. Вы Сэмюэль и Реми Фарго из Ла-Хольи, штат Калифорния.

– Это мы знаем. – Реми улыбнулась.

– А вы знаете, что это известно местной полиции? Она действует согласно указанию центральных органов власти. Ее попросили присматривать за вами: когда вы выходите из отеля, когда возвращаетесь и так далее. Полиция считает: вы здесь ищете древние сокровища. Вы охотники за сокровищами?

– Мы – историки-любители, – ответил Сэм. – Сделали несколько открытий в воде и на суше. Но самые важные наши находки сработаны из дерева, бронзы или стали и драгоценны тем, что раскрывают прошлое. Да, некоторые наши находки действительно были из золота и

драгоценных камней. Но считать нас просто охотниками за сокровищами – большое упрощение.

Реми добавила:

– Мы никогда не грабим раскопы, как делают охотники за сокровищами. Мы регистрируем найденное место у властей страны, где обнаружена находка, получаем разрешение на раскопки и сообщаем обо всем найденном. В большинстве случаев наши находки передаются государству.

Тибор сказал:

– Говорят, вы очень богаты. Это правда?

Реми улыбнулась:

– Это не ложь. Просто недопонимание. Сэм инженер. Несколько лет назад он изобрел аргоновый лазерный сканер, способный на расстоянии распознавать смешанные металлы и сплавы. Мы взяли в банке кредит, столько денег, сколько нам согласились дать, и основали компанию по выпуску и продаже таких лазеров. Если бы мы потерпели неудачу, то за целую жизнь не расплатились бы с долгами. Но компания процветала. Мы были единственными в этом деле. Крупные производители начали предлагать нам продать свою компанию. Однажды мы получили подходящее предложение, тогда ее продали. Все это произошло до того, как начали искать древние тайны.

– Значит, вам очень повезло, – констатировал Тибор.

– Да, до сих пор нам везло, – согласился Сэм. – И хотелось, чтобы везло и дальше. А стоит поговорить с полицией, если нас в чем-то подозревают?

– Лучше не надо, – предостерег Тибор. – Полиция пока вами не интересуется, пусть так и остается.

– Неужели за нами следили четверо полицейских?

– Нет. Это люди Арпада Бако.

– А кто он такой?

– Я чересчур плохо владею вашим языком, чтобы описать его. Могу сказать: он злой и алчный. Но мало того. Он вор. Он свинья, пес, крыса, змея, таракан! – Следующие две фразы Тибор произнес по-венгерски, потом смолк.

– Плохо, – посерьезнела Реми. – Настоящий зоопарк.

– Простите, – громко произнес Тибор. – Я его ненавижу, ненавидел еще до того, как родился, а с тех пор стал ненавидеть гораздо сильней.

– Тогда расскажите нам о нем что-нибудь такое, что мы могли бы понять, – попросила Реми. – Чем он зарабатывает на жизнь?

– Он унаследовал семейные бизнесы. Среди них самый крупный – фармацевтическая фабрика. Фармакология, понимаете? Производство таблеток, вакцин и всего такого.

– Понимаем.

– Большая компания. Многие, как я, считают: она так разрослась благодаря наркотикам, их продавали тем, у кого единственная болезнь – страсть к наркотикам.

Сэм спросил:

– Вы говорите, ненавидели его еще до того, как родились. Что это значит?

– Моя семья и его семья сотни лет – по разные стороны баррикад. Его семья действовала против революции 1848 года, из-за них членов моей семьи арестовали за государственную измену. Во время Второй мировой войны эта семья переметнулась на сторону нацистов ради возможности конфисковывать землю и предприятия. Они донесли на моего двоюродного деда, потому что он владел фермой, понравившейся Бако, и того пытали и расстреляли. Следующее поколение Бако стали коммунистами ради привилегий, которыми они пользовались, и управляли черным рынком. Когда это правительство пало, они подкупили новую власть, чтобы завладеть фармацевтическим предприятием. Всякий раз, когда мир переворачивается, Бако оказываются наверху и идут по головам. Арпад худший из худших. Он был в машине, когда его шофер сбил моего второго сына. Машина Бако шла быстрее ста километров в час. Бако потом наплел, что мой сын был карманником, украл что-то и бежал по улице, не глядя по сторонам. И пятеро его людей подтвердили это.

Сэм спросил:

– Достаточно ли вы его ненавидите, чтобы помешать ему получить то, что он хочет? А то и наказать его?

– Я? Да я, Тибор, обеими руками ухватился бы за такую возможность.

– Вчера в Берлине похитили нашего хорошего друга, немецкого археолога. Он сделал здесь открытие и повез находку в Берлин на исследование, потому что боялся: он видел этих четверых, они следили за ним.

– Понимаю, – сказал Тибор. – Бако один из тех, кто утверждает, будто они прямые потомки гунна Аттилы. Несколько лет назад такие люди обратились к правительству с просьбой считать их особой народностью. Это все алчность.

– Алчность? Не понимаю, – сказала Реми.

– Это все из-за могилы. Бако хочет найти захоронение гунна и захапать.

– Могилу гунна Аттилы? – спросила Реми. – Тем хуже для него. Это одно из крупнейших известных захоронений, еще не найденное. А он случайно не родственник еще и Чингисхана?

– Пока нет.

Реми повернулась к Сэму:

– Как думаешь, что нам делать?

– А что можно сделать? – спросил Тибор. – У Бако не просто деньги. У него своя небольшая армия, которая охраняет его самого, его дома и предприятия. Он, несомненно, способен убить человека, чтобы помешать ему найти захоронение, или похитить, если решит, что его можно использовать.

Сэм негромко сказал:

– Мы не собираемся сидеть сложа руки.

– А как вы намерены действовать?

– Найдем нашего друга и увезем, – ответила Реми.

Тибор помолчал и потом задал вопрос:

– На самом деле?

– Да, – ответил Сэм. – Профессор вызвал нас, полагая, что ему потребуется помощь. И не ошибся.

– Сэм, – повернулась к мужу Реми. – Может, не стоит…

– Нет, я уверен – Тибор наш человек, Реми. Тибор, полагаю, мы своего добьемся, но нам нужен венгр, храбрый и ненавидящий Бако. Мы хорошо оплатим вашу работу и ваше время. Если вас арестуют, мы наймем лучших адвокатов. Это будет нетрудно, ведь им придется защищать и вас, и нас.

– Мне сперва стоит показать вам этого человека. Едем в мой гараж за другой машиной.

– Подождите, – остановил его Сэм. – Я хотел бы вначале избавиться от людей, следящих за нами. Позвольте мне вести. Если я успею повредить машину, то заплачу за ремонт и за все связанные с этим неудобства.

Тибор скептически посмотрел на него, но затормозил и пустил Сэма за руль, а сам пересел на пассажирское место. Сэм сделал быстрый «полицейский» разворот, потом еще раз повернул налево и оказался позади черной машины. Тибор ухватился за приборный щиток и нажал на несуществующий тормоз.

– Вам понравится ездить с Сэмом, – засмеялась Реми. – В четырех странах ему запрещено водить.

Сэм увеличил скорость и обогнал черную машину. Та кинулась догонять их, Сэм свел левые колеса с дороги на пыльную обочину и поднял в воздух облако пыли и гравия. Водитель черной машины безуспешно попробовал свернуть, чтобы разминуться с этим облаком, и чуть не потерял управление, машину стало бросать из стороны в сторону.

– Он не очень хорошо водит, – сказал Сэм. – Есть поблизости село и городок с узкими улицами?

– Примерно через две мили очень старая деревня. Она слишком далеко от реки, и наводнения ее не разрушили.

Сэм еще быстрее погнал автомобиль по прямой ровной дороге, но эта дорога больше устроила черную машину – она стала уверенно догонять Сэма. Он оттягивал этот миг, виляя из стороны в сторону, вставая на середину, чтобы не дать поравняться с собой. Впереди показалась деревня, он вдруг резко свернул на встречную полосу. Черная машина шла по правой. Сэм нажал на тормоза, и черная машина пролетела мимо.

Сэм не спеша благополучно свернул на главную улицу деревни, миновал несколько каменных зданий и повернул направо, в проулок такой узкий, что такси едва проходило между домами.

– Осторожней, осторожней! – умолял Тибор.

В конце проулка Сэм остановился.

В заднее стекло Сэм, Реми и Тибор увидели, как черная машина пронеслась мимо проулка.

– Теперь посмотрим, достаточно ли они сердиты или нужно рассердить их еще больше! – азартно произнес Сэм.

Черная машина с визгом затормозила. Быстро сдав назад, она принялась тоже сворачивать в проулок. Сэм выехал из проулка на небольшую открытую площадь и вышел.

– Садитесь за руль, – бросил он Тибору, потом вернулся к выезду из проулка, и взялся за ручки тачки с камнями и приготовился катить ее к выезду.

Но не успел. Послышался удар, потом треск, визг. Вдруг все стихло. Сэм бросил тачку, побежал к такси и прыгнул на заднее сиденье к Реми. Тибор сдал назад, чтобы заглянуть в проулок. Они с Фарго увидели: черная машина застряла между двумя первыми домами. Зеркало было разбито, бока машины стиснуты кирпичными стенами. Мотор ревел, пронзительно, надсадно лязгал металл, но автомобиль не двигался с места. Тибор миновал ряд домов, выехал на дорогу, и они помчались обратно.

Такси подъехало к зданию, похожему на небольшой склад. Там стояли пятеро мужчин в комбинезонах и рабочей одежде.

– Те двое, одетые поприличнее, – указал Тибор, – мои родные братья, остальные двоюродные. – Тибор вышел, поговорил с братьями и вернулся с двумя из них.

Третий вывел из гаража фургон и оставил с работающим мотором. Все улыбались, пожимали руки и жестами показывали – рады знакомству. Тибор сел за руль фургона, Сэм и Реми – сзади. Они удивились, когда к ним подсел еще один человек. Он представился:

– Меня зовут Янош. Я буду фотографировать.

– Спасибо, – улыбнулась Реми и шепотом спросила у Сэма: – Что фотографировать?

Янош сфотографировал ее и сказал:

– Добро пожаловать!

Тибор вывел фургон из восточной части деревни и поехал дальше по травянистой равнине. Через пять миль они увидели большой комплекс с пятью рядами белых зданий. Здания в основном были низкими, длинными прямоугольниками без окон. Янош нацелил фотоаппарат и принялся щелкать и автоматически перематывать пленку. Пока ехали вдоль высокой решетчатой ограды с колючей проволокой поверху, он продолжал снимать. Миновали охраняемые ворота, похожие на въезд на военную базу, вплоть до вооруженных охранников в серых боевых мундирах.

Реми спросила:

– Зачем охрана?

– Якобы тут для изготовления новых лекарств применяют наркотики и конкуренты могут украсть их тайны. Но истинная причина другая – Бако может здесь вытворять что угодно, и никто ни о чем не спросит.

На протяжении всей поездки Сэм внимательно все рассматривал, но ничего не говорил.

Когда фургон вернулся в гараж, Сэм попросил листок бумаги и принялся давать задания Тибору:

– Я составлю список того, что нам нужно, и дам вам денег на покупку. Если чего-нибудь не найдете, скажите, я закажу авиадоставку. – Продолжая говорить, он начал писать. – Четыре серых мундира, как те, что на людях Бако. Четыре пистолета с двумя запасными обоймами к каждому и кобуры на черных ремнях. Их оружие показалось мне чешским CZ-75s. Если в Венгрии есть похожая модель, то хорошо. Черные сапоги, четыре пары, высотой до середины икры. Сапоги должны быть начищены, а форма выглажена. И помните – один комплект для Реми, так что нужен размер поменьше. И еще черный собачий поводок и ошейник.

– Что-нибудь еще? – спросил Тибор. – Кроме ошейника?

– Собака.

– Собака? Какой породы?

– Я бы хотел немецкую овчарку. Можно ротвейлера или добермана. Собака должна быть служебной, иметь хорошее чутье, быть обученной и беспрекословно подчиняться.

– В Сегеде есть человек, который натаскивает собак.

– И он ваш двоюродный брат, верно? – спросил Сэм.

– Не все мои братья. Этот – двоюродный брат моей жены. Я узнаю, есть ли у него сейчас хороший пес.

– Можете взять с собой Реми, чтобы она выбрала собаку?

– Могу, но эти собаки знают команды только на венгерском языке. А Реми не говорит по-венгерски.

– Я могу выучить венгерские слова, которые поймет собака, – сказала Реми.

– Все собаки разговаривают с Реми, – сообщил Сэм и посмотрел на Тибора. – Вы с Яношем готовы участвовать? Приняли решение?

– Я предпочел бы похитить Бако и обменять его на вашего друга.

– Если не получится, испробуем что-нибудь еще.

Глава 6

Сегед, Венгрия

Реми Фарго стояла у ворот сетчатой ограды учебной площадки, на которой работали несколько немецких овчарок. Она спросила у двоюродного брата жены Тибора:

– Как зовут этого?

– Дилкош, – ответил он. – Это значит «убийца».

– А этого?

– Хашфель. Сокращение от «хашфельмецё». Это значит «потрошитель».

Она подошла ближе к воротам и протянула руку к засову.

– Мисс, вам туда не надо.

– Конечно надо. Почему им не доверять мне, если я доверяю им? – Реми вошла в ворота и закрыла их за собой. Уверенно подходила к каждой собаке, давала понюхать руку, гладила густую шерсть на холке и шла дальше. Она заметила самого крупного пса на площадке, чепрачного окраса – с черной головой, спиной, хвостом и желтым подпалом. Он сидел отдельно и наблюдал за происходящим. Но теперь пошел к Реми, а на остальных не реагировал.

– А ты кто такой? – спросила она у пса. Он глядел ей прямо в глаза, сел перед ней и понюхал протянутую руку. Она наклонилась, погладила его.

Хозяин собак произнес:

– Его зовут Золтан. Это значит «султан».

– Большой парень, – восхитилась Реми. – Босс.

– Да, мисс. Обычно с незнакомыми людьми он так себя не ведет. – И тут же поправился: – Вообще ни с кем так себя не ведет.

– Он меня понимает. И знает, что такие мне нравятся. – Реми наклонилась и заговорила с собакой: – Как думаешь, Золтан? Хочешь сегодня ночью поработать со мной?

Она как будто получила ответ. Когда она выпрямилась, пес встал и пошел рядом с ней к воротам, и она вывела его. Двоюродному брату жены Тибора она сказала:

– Этот. Пожалуйста, научите меня нужным командам на венгерском.

Дневная смена на «Дьодьсересети Таршашаг Бако» закончилась раньше, чем к воротам комплекса подъехал новый фургон службы безопасности. В темноте фонарь над сторожевым помещением горел ярко. Из-за ограды появились двое вооруженных охранников. Молодой охранник встал за Яношем, водителем, и смотрел мимо него в фургон, а второй, постарше, стоял рядом с Тибором со стороны пассажирского сиденья. Сэм решил, что начальником будет Тибор: он мог говорить в случае необходимости. У Тибора на правом рукаве красовались нашивки, а на кепи – золотая звезда; у остальных – никаких знаков различия.

Когда стражник задал какой-то вопрос, Тибор дал заранее подготовленный ответ: они привезли собаку-ищейку, поскольку одна из лабораторий сообщила, что в нее кто-то заходил. Когда охранник задал второй вопрос, Тибор как будто отыскал в глубине своего сознания высокопоставленного офицера. Он презрительно посмотрел на охранника и устало ответил. Тот начал говорить что-то еще, но Тибор холодно и сердито перебил его, показал на ворота и закричал по-венгерски то, что могло означать только «Открывай! Ты тратишь мое время!».

Охранник, стоявший сбоку от Яноша, смотрел в глубину фургона, улыбаясь Реми. От крика Тибора он вздрогнул и тут же услышал грозное ворчание и увидел в окне огромную овчарку с оскаленными зубами. Парень отскочил, ушел на пост и привел в действие механизм открывания ворот.

Янош въехал на территорию и повел машину по асфальтовой дороге, у первых зданий повернул; два охранника у ворот перестали видеть фургон. Здесь машина остановилась, и все вышли. Первыми Реми и большой пес, за ними Янош и Сэм; Тибор все время держался чуть в стороне, как строгий сержант у марширующего взвода. Вместе они выглядели очень внушительно и профессионально. Оправдалась предусмотрительность Сэма: все были в выглаженных мундирах, с одинаковым оружием, в одинаковых сапогах, поясах и головных уборах. На плече Реми висела черная сумка. Она потрепала Золтана по голове, произнесла несколько слов по-венгерски, из сумки достала шарф, потерянный Альбрехтом в лаборатории, и дала собаке понюхать. Потом приказала:

– Вадасат! След!

Золтан начал принюхиваться, бегая туда-сюда по асфальту между зданиями. Казалось, поначалу он растерялся, но потом рванулся вперед, потащив за собой Реми. На бегу она еле слышно говорила с ним по-английски:

– Давай, мальчик. У тебя такой прекрасный большой нос – найди Альбрехта.

Остальные двигались в нескольких ярдах за ней, оставляя Золтану возможность иногда возвращаться, однако пес уверенно бежал вперед, опустив голову и поворачивая ее из стороны в сторону; впрочем, ни одно место его не заинтересовало.

Сэм спросил:

– Он не взял след?

Реми ответила:

– Запах у него в голове, и сейчас он ищет. Просто надо позволить ему снова учуять нужный запах.

– Посмотрите туда, – указал Янош.

На краю комплекса, дальше всех от дороги, стояло низкое прямоугольное здание, обнесенное собственной решетчатой оградой с колючей проволокой поверху. Внутри первой ограды была вторая, из четырех туго натянутых проводов.

Сэм предупредил:

– Эта ограда под током. – Он показал надпись на венгерском языке. – Что тут написано?

– «Опасно. Исследовательская лаборатория инфекционных заболеваний. Вход только по пропускам и только в защитных костюмах. Сигнал тревоги включается автоматически».

– Думаете, это действительно лаборатория? – спросил Янош. – Если бы я кого-нибудь похитил, то поместил бы его именно в таком месте.

– Приведи Золтана, – попросил Сэм жену.

Реми подвела пса к воротам. Тот послушно принюхался и побежал дальше.

Они продолжали идти и, повернув за угол, нос к носу столкнулись с двумя охранниками, одетыми точно так же, как они. У охранников через плечо висели автоматы «АК-47». Стоявший ближе к Сэму фонариком осветил их лица.

Занятия дзюдо помогли Сэму отреагировать мгновенно. Рука его, мелькнув, словно нападающая змея, выхватила фонарик из руки охранника и направила луч света в лицо второго.

Тибор, изумленный не меньше охранников, опомнился быстро. Он громко и резко заговорил по-венгерски, и это не было комплиментом: Сэм и Реми поняли, что он говорит о внешнем виде охранников и их выучке. Взяв фонарик, Тибор осветил их и увидел, что они небриты;

потом показал на пуговицы кителя, которые не блестели. Не понравилось ему и как начищена обувь. Наконец, издав последний грозный рык, он знаком отпустил их.

– Прекрасная работа, – похвалил Сэм.

– Спасибо. Но вы заметили – мы здесь всего десять минут, и уже дважды нас останавливали люди с автоматами?

– Это обнадеживает, – усмехнулся Сэм. – Для честной фармацевтической компании здесь слишком хорошая охрана. Будем надеяться, среди охраняемых есть и Альбрехт Фишер.

Неожиданно большой пес устремился вперед. Поводок в руке Реми натянулся и сильно потащил ее.

– Мы взяли след, – доложила она.

Золтан тащил Реми по дороге между двумя зданиями без окон; остальные не отставали. Сэм и Янош двигались по обеим сторонам Реми и смотрели внимательно, нет ли препятствий; руки их сжимали пистолеты.

Они дошли до строения в самом дальнем углу комплекса; это здание походило на служебное помещение или на склад, но обнесенное решеткой с собственной стальной дверью и кодовым электронным замком. Золтан подошел к этой решетке и обнюхал ее, пытаясь пройти внутрь; он все больше возбуждался, попробовал пролезть под оградой, потом встал на задние лапы, положив передние на решетку.

– Ül[5], Золтан! – скомандовала Реми. – Jo€ fice[6]. – Она потрепала севшего Золтана, а остальным сообщила: – Мы на месте.

– Можно постучать или подождать, пока придет кто-нибудь с карточкой и откроет, – сказал Сэм.

– Я постучу, – решила Реми. – Скройтесь с глаз и возьмите с собой Золтана.

Трое мужчин и собака отошли в тень, а Реми подошла к решетке и нажала кнопку рядом с щелью для карточки. Внутри громко прозвенел звонок.

В стальной двери на уровне глаз открылось оконце, потом закрылось. Стальная дверь отворилась. Показался мужчина в обычном сером мундире и что-то спросил по-венгерски. Реми рассмеялась, как будто он сказал что-то забавное. Мужчину явно заинтересовало неожиданное появление красивой женщины. Реми ласково улыбнулась ему; он нажал кнопку на внутренней стене здания и открыл дверь в решетке.

Когда Реми вошла, рядом с ней из темноты вдруг материализовался Золтан. Мужчина рефлекторно попытался закрыть дверь, но Золтан оказался проворнее и кинулся вперед, опередив Реми.

Пес с глухим рычанием стиснул челюсти на предплечье мужчины, и тот невольно вскрикнул. Сэм плечом оттолкнул закрывающуюся дверь, и они втроем: он сам, Тибор и Янош – ворвались. Янош закрыл дверь.

– Ül! – крикнула Реми Золтану. – Сидеть!

Мужчина, чью руку сжимал Золтан, опустился на пол. Золтан разжал челюсти и тоже сел.

– Jo€ fice, – похвалила пса Реми. – Хороший мальчик.

Охранник по-прежнему сидел на бетонном полу; Янош отобрал у него оружие и взял его на прицел.

– Сэм!

Все повернулись и увидели в пустом здании нишу, похожую на шкаф для инструментов, забранную стальной решеткой от пола до потолка. За решеткой стоял Альбрехт Фишер.

– Альбрехт! – воскликнул Сэм. – Этот охранник единственный?

– Нет, на дежурстве еще двое. Оба вооружены. Они вышли несколько минут назад за кофе.

Все направились к клетке, и Сэм сказал Тибору:

– Вероятно, это ваши друзья с фонариком и в плохо начищенной обуви.

За решеткой у Альбрехта стояла кровать с металлической сеткой, на ней тонкий матрац, словно койка в военной казарме, и биотуалет. Альбрехт был в том же костюме, что в Берлине; костюм казался грязным и потрепанным, на рубашке темнели пятна крови.

– Приведите охранника, – произнес Сэм.

Янош что-то сказал сидящему охраннику, тот встал и подошел к решетке. Золтан следовал за ним и изредка глухо рычал.

– Возьмите у него ключ, – распорядился Сэм.

Тибор перевел приказ на венгерский, но охранник пожал плечами и что-то ответил. Янош посадил его и пояснил:

– У него нет ключа. – Он подошел к столу у двери и порылся в ящиках, нашел второй замок с ключом в нем.

Сэм попытался вставить ключ в первый замок, тот не подошел, тогда Сэм сказал:

– Велите ему снять мундир и обувь. – И добавил: – Вы тоже раздевайтесь, Альбрехт.

Оба послушались, и Сэм продолжил:

– Альбрехт, отойдите и спрячьтесь за чем-нибудь прочным. Когда я выстрелю в замок, время пойдет. Придется действовать быстро. Альбрехт оденется, как мы, а этого парня оставим в клетке. Потом сразу вернемся к фургону и уберемся отсюда. Если кто-нибудь из охраны схватится за оружие, стреляйте первыми.

Все спрятались за деревянными ящиками, Реми усадила с собой Золтана.

Сэм выстрелил в замок, раздался громкий лязг. Теперь никто не терял времени зря. Янош втолкнул охранника в клетку и усадил на кровать. Альбрехт облачился в мундир, пока он старался обуть сапоги, Тибор быстро подпоясал его ремнем и защелкнул пряжку. Сэм запер клетку на второй замок.

Все побежали к выходу. Когда Реми рванула дверь, громко затрещал звонок. Она вздрогнула, Золтан заворчал, но Реми что-то шепнула псу, и он затих.

– Должно быть, вернулись наши друзья в начищенных ботинках. Надо их впустить, – решил Сэм.

Тибор подошел туда, где стражник нажимал на кнопку, открывая дверь, прочел табличку и кивнул. Все отошли в стороны и встали спиной к стене, наизготове с оружием. Тибор нажал на кнопку, а Реми распахнула дверь.

Вошли двое; в руках у них были бумажные пакеты с кофе, автоматы на спине. Как только они очутились внутри, Сэм и Янош вмиг встали за их спинами и приставили пистолеты к затылкам.

Тибор отдал несколько приказов, двое поставили кофе, положили на пол автоматы и легли на живот. Янош снял с их поясов наручники и приковал к стальному столбу, поддерживавшему крышу.

Вышли сначала Реми с Золтаном, за ними Сэм, следом Тибор и Янош с автоматами охранников в руках. Когда Сэм вопросительно взглянул на стволы, Тибор произнес:

– Пусть лучше будут у нас, чем у них.

Группа шла быстро, свободным строем, по дороге между зданиями туда, где остался фургон.

На дороге слева от них, за домами, послышался гул грузовика, потом на мощеной площадке за наружной высокой решетчатой изгородью показался второй грузовик. Беглецы и собака остановились позади здания, используя его как укрытие, и ждали, пока грузовик не проехал вдоль изгороди. Сэм и Реми приблизились к углу здания и выглянули, чтобы увидеть, куда он делся. В открытом кузове на скамьях вдоль бортов сидели человек пятнадцать, все в серых мундирах, все с «АК-47»; автоматы они держали между ног стволами вверх.

Когда грузовик проехал, Сэм вернулся к остальным.

– Через ограду не перебраться.

Неожиданно слева от них за рядом построек послышался топот. Сэм, Реми и Золтан бросились к воротам, остальные за ними.

– Нельзя, чтобы нас загнали в тупик! – крикнул Сэм. – Нужно их опередить!

Все прибавили скорость и быстро оказались перед корпусом лаборатории инфекционных болезней с предостерегающей надписью. Сэм сказал Тибору:

– Пройдите вперед и постарайтесь задержать этих парней. А я им дам новую пищу для размышлений. – Он подождал, пока остальные зайдут за угол и скроются из виду, потом вернулся к лабораторному корпусу и прижался к изгороди.

Прозвучал сигнал тревоги, завыла электрическая сирена. Над воротами вспыхнули красные огни, зажглись прожекторы, освещая пространство перед зданием. Сэм побежал по дороге.

От соседнего корпуса бежали шестеро охранников. Один вскинул автомат; Сэм укрылся за углом здания, выставил из-за угла пистолет и один глаз, пять раз выстрелил. Двое упали, а трое потащили их в безопасное место. Последний из шести, лежа на земле, прикрывал их огнем из «АК-47», поливая пулями место, где только что был Сэм. Но Сэм уже несся к следующей мощеной дороге.

Теперь вдоль построек к лаборатории инфекционных заболеваний двигались несколько групп. Грузовик, который привез охранников, стоял в пятидесяти ярдах перед Сэмом. Сэм обогнул его сзади, проскочил вдоль левого борта, распахнул дверцу, под прицелом пистолета выволок водителя из кабины, забрал из его кобуры пистолет, уложил на землю, сковал наручниками, снятыми у него же с ремня, и прыгнул на его место за руль.

Сэм включил зажигание, на первой скорости повернул налево, потом направо и увидел бегущих по тротуару Золтана, Реми, Яноша, Тибора и Альбрехта. Он переключил передачу; грузовик пошел чуть быстрее. Тибор повернулся к грузовику и вскинул автомат. Сэм помигал фарами, замахал рукой из окна и крикнул:

– Это я! Садитесь!

В следующую секунду Реми очутилась рядом с Тибором, и тот опустил автомат. Четверо побежали к грузовику, а Сэм ехал им навстречу. Наконец все забрались в кузов. Сэм повел машину.

Золтан бежал за грузовиком и скулил. Кузов оказался для него слишком высок, он не смог запрыгнуть. Реми заколотила по крыше кабины:

– Стой, Сэм!

Он остановился. Реми выскочила, подбежала и открыла дверцу кабины:

– Прыгай, Золтан!

Большой пес вскочил прямо на сиденье, Реми тоже запрыгнула и захлопнула дверцу.

– Гони! – выдохнула она.

Грузовик начал набирать скорость, а Реми опустила боковое стекло и выставила наружу пистолет.

Сэм вел машину по дороге между зданиями. Теперь они проезжали в центре комплекса, с обеих сторон тянулись дома. Перед ними на дорогу выбежал взвод охранников, они на ходу приготовились к стрельбе, но Сэм включил фары, а Тибор с Яношем, стоя в кузове за кабиной, открыли огонь. Одного ранили, остальные понеслись в укрытие.

– Придется идти на таран ворот, – решил Сэм. – Скажи всем, пусть держатся.

Реми встала на сиденье, высунулась в окно и крикнула:

– Тараним ворота!

Тибор и Янош прислонились к кабине, сменили магазины у автоматов и посмотрели вперед. Реми держала пистолет обеими руками и тоже смотрела вперед.

Сэм левой рукой выхватил пистолет.

– Надо проехать быстро. Хорошо бы не дать охранникам поднять головы, пока мы не уберемся подальше от их огня.

– Хороший план… действуй, – поддержала она.

– Знаю, среди нас ты единственный чемпион по стрельбе, но лучше не высовывайся. Ты ведь еще и моя единственная жена…

– Очень мило.

– …На данный момент.

Золтан недоуменно переводил взгляд с Сэма на Реми.

Сэм добрался до последнего угла, сбавил скорость на повороте и поехал мимо фургона, в котором они прибыли сюда. Тотчас двое, прятавшиеся в фургоне, распахнули дверцы. Сэм, Реми и остальные были все-таки далеко, чтобы попасть в них; двое выскочили из кузова, выхватили пистолеты и принялись стрелять вслед беглецам.

– Если бы дверцу фургона открыл кто-то из нас, нам была бы крышка, – заметила Реми.

Приближаясь к воротам, Сэм перешел с третьей передачи на четвертую. Дежурившие охранники перекрыли выезд, и теперь там незваных гостей поджидали пять или шесть человек. Сэм подумал: они уверены, никто не осмелится пробить ворота, и, следовательно, не готовы. Автоматы у них висели за спиной, и эти люди не сделали ничего, чтобы создать дополнительную преграду, хотя у ворот стоял второй грузовик.

– Небольшое изменение плана, – предупредил Сэм, включая фары. – Вели парням лечь.

– Ложись! – крикнула Реми.

Трое мужчин легли на пол кузова; братья смотрели в разные стороны с оружием наготове; Альбрехт, лежащий посредине, смотрел вверх.

Подъезжая, Сэм продолжал увеличивать скорость. Когда до ворот оставалось двадцать пять ярдов, Реми, опираясь на локоть одной руки, выстрелила, держа пистолет в другой; охранник у караульного помещения упал, и Реми еще несколько раз выстрелила по остальным, пытавшимся сорвать автоматы со спины. Сэм выстрелил по ним семь раз, но он владел пистолетом хуже Реми и знал, что лишь усилил их стремление укрыться.

Сэм чуть изменил направление, прошел всего в трех футах от стоящего грузовика и ударил машиной не по воротам, а прямо по изгороди. Она была такой высокой, что крыша кабины прошла под балками, к которым крепилась колючая проволока. Грузовик промял секцию решетки длиной сорок пять футов, нижние ее звенья коснулись земли, решетка опрокинулась, и грузовик проехал по ней.

Охранники открыли огонь, но осыпали градом пуль караулку, неподвижный второй грузовик и соседние здания. Как только грузовик с

беглецами вырвался за изгородь, Сэм с неровной земли выехал на дорогу. Братья Лазар обстреляли охранников у ворот так, что охранники не рискнули высунуть головы из укрытий.

Сэм быстро вел грузовик по дороге. На повороте он немного сбросил скорость, потом снова увеличил. Когда проехали несколько миль, Тибор постучал по крыше кабины и крикнул Сэму:

– Сейчас поведу я! В этом грузовике нельзя ездить по городу. Я знаю, куда ехать.

Сэм остановил грузовик, уступил место Тибору и перебрался в кузов. Тибор вел машину так же быстро, не доезжая Сегеда, свернул на узкий проселок, несколько раз повернул – Сэм даже не понял, сколько здесь поворотов, – и оказался перед гаражом, из которого они выехали.

Тибор завел машину в гараж, и все покинули ее. Золтан выпрыгнул из кабины и спокойно сел.

– Искренне благодарю всех! – воскликнул Альбрехт. – Если бы вы не рискнули своими жизнями, то я лишился бы своей. Уверен. Я вам обязан жизнью!

– Нужно сделать все возможное, чтобы нас не поймали, – сказала Реми. – Я зацепила пятерых, не меньше. А кое-кого из них, возможно, убила.

Сэм спросил:

– А как же фургон? Его смогут выследить?

– Я его одолжил, – ответил Тибор.

– У кого?

– С одной парковки.

Сэм приказал:

– Всем переодеться в обычную одежду.

Беглецы принялись по очереди смывать остатки пороха и пыль с лиц и рук, затем вышли в обычной одежде и обуви. Альбрехт надел то, что подобрал для него Тибор. Сэм спросил:

– Нельзя ли утопить грузовик в реке? Я знаю, это плохо для рыбы, зато уничтожатся все отпечатки пальцев.

Тибор ответил:

– Грузовик сейчас поведет Янош. Мы потом отвезем вас троих в отель.

Реми, Сэм и Альбрехт устроились на заднем сиденье такси Тибора, а Золтан лежал у них на коленях. Они ехали за украденным грузовиком, пока Янош не свернул к небольшой роще у реки. Он оставил мотор работать, выжал сцепление, выскочил из кабины и смотрел, как грузовик по инерции проехал несколько ярдов, набирая скорость, автомобиль преодолел возвышение на самом берегу, затем тяжело плюхнулся вниз, вода тотчас залилась в кабину. Наконец машина скрылась под поверхностью.

Янош подбежал к такси, открыл пассажирскую дверцу и сел рядом с братом. Легковушка рванула с места. Следующую остановку они сделали у дома брата, инструктора-кинолога. Реми с Золтаном вышла и открыла ворота на площадку. Собаки проснулись от непривычных звуков и запахов новых людей, залаяли было, но узнали Золтана и затихли. Реми наклонилась, прижалась лицом к собачьей морде и что-то прошептала.

Когда она вернулась в такси, Сэм спросил:

– Что ты ему сказала?

– Я сказала, наверно, никогда больше его не увижу, но всегда буду помнить, какой он смелый, и я его люблю.

– И что он ответил?

– «Хочешь, пока ты не ушла, я укушу этого дурака?» Он меня тоже любит.

– Кажется, мы с ним оба ревнуем, – хохотнул Сэм.

Такси тронулось, через некоторое время Тибор подвез их к отелю. Когда они вышли из машины, Сэм протянул таксисту чек:

– Возьмите, Тибор. Я выписал его раньше, чем мы выехали. Завтра или послезавтра отнесите его в банк «Креди Сюисс», там запросят подтверждение у нашего банкира в Соединенных Штатах, но деньги будут на вашем счете.

– Вы уезжаете из Венгрии?

– Пока нет. Но я подумал: если с нами что-нибудь случится, лучше пусть он будет у вас.

Тибор пожал плечами, не глядя сунул чек в карман и сказал:

– Спасибо. Еще одно. В отеле выразите недовольство своим номером, попросите, чтобы вас переселили.

– Я как раз собирался это сделать, – ответил Сэм. – Позвоню вам через пару дней. – Он посмотрел вслед отъезжавшему такси.

Отъехав от отеля, Тибор достал чек и протянул Яношу:

– Я не могу вести и одновременно читать. Что там написано?

– Распоряжение выплатить Тибору Лазару сто тысяч долларов. Похоже, это очень много форинтов.

– Да уж! – выпучил глаза Тибор.

Сэм, Реми и Альбрехт подошли к дверям отеля, но Альбрехт остановился перед входом, чтобы никто не подслушал, и сообщил друзьям:

– Меня похитил безумец Арпад Бако. Он считает, мы ищем могилу гунна Аттилы.

– Полагаю, это вполне возможно. Одно из тех великих сокровищ, которое так и не нашли, – сказала Реми.

– Скорее всего, никогда не найдут, – произнес Альбрехт.

Сэм пожал плечами:

– По крайней мере, нас похищают и обстреливают не из-за горстки мелочи. – Он открыл дверь и пропустил всех в вестибюль, но обернулся и внимательно осмотрел улицу, особенно темные места, где мог бы прятаться человек.

Глава 7

Сегед, Венгрия

Сэм, Реми и Альбрехт сидели в гостиной нового номера на верхнем этаже отеля. Все приняли душ, переоделись и доедали поданный в номер ужин: свежий хлеб, творог керезет и сосиски. К еде подали бутылку венгерского мерло «Балатон Баррик 1991».

– Я, конечно, солгал, – начал Альбрехт. – Я не собирался рассказывать известному гангстеру об одном из крупнейших открытий последних десятилетий. – Он покачал головой. – Честно говоря, я так и не установил, что именно я открыл. Не успел ни провести исследования, ни проконсультироваться с коллегами до того, как меня похитил Бако.

– Что же вы ему сказали?

– Что искал в этой местности следы оккупационных римских войск. Говорил убежденно, я ведь всегда искал в Европе следы римлян. Когда они разбивали лагерь, всегда окапывали его, и устройство этих лагерей одинаково повсюду от Англии до Сирии. Здесь – бывшая Паннония, до появления гуннов римское владение.

– И это его устроило? – спросила Реми.

– Он сумасшедший, а сумасшедшего ничто не способно устроить. Ему нужны погребальные дары гунна Аттилы. Он считает себя его наследником. Если не в буквальном смысле, то в духовном несомненно. И ищет здесь сокровища. В Венгрии мальчикам до сих пор дают имя Аттила. А мы находимся на южной равнине, где Аттила воздвиг свою крепость.

– Возможно, я не очень хорошо помню, но разве сами гробы не драгоценны? – задала вопрос Реми.

– Да, они часть клада, – подтвердил Альбрехт. – Предположительно снаружи железный гроб, в нем серебряный, а внутри серебряного – гроб из чистого золота. Но и сами гробы могут быть заполнены драгоценными коронами, оружием и украшениями, принадлежавшими всем царям, вождям и епископам, которых победил Аттила. А это, должно быть, большая груда.

– Да, история говорит о целой груде, – согласился Сэм. – Груде…

– Сэм! – произнесла Реми.

– Сэм, вероятно, прав, – поддержал Альбрехт. – Единственный современный отчет о смерти Аттилы принадлежит Приску, послу Восточной Римской империи у гуннов. Приск описал траур и погребение, но не упоминул о сокровищах. О них впервые упоминул Иордан восемьдесят лет спустя. Он выходец из какого-то варварского племени, возможно остготов. Люди полторы тысячи лет искали эти сокровища, но никто ничего не нашел. – Несколько мгновений Альбрехт молчал. – Но никакие соображения вероятности, никакие доводы разума не остановят Арпада Бако. Он убежден: ему суждено найти захоронение Аттилы. И одержим стремлением помешать всем остальным найти его.

– Давайте отстранимся и посмотрим на это издали, – предложила Реми. – Есть ли вероятность, что ваша находка имеет какое-то отношение к могиле?

– Я еще в самом начале работы, но предполагаю – едва ли, – ответил Альбрехт. – Действительно, углеродный анализ датирует находку примерно 450 годом нашей эры, а Аттила умер в 453-м. И битва здесь, в центре территории гуннов, вполне может иметь отношение к его смерти. После смерти Аттилы наступил хаос. У его троих сыновей были свои группы сторонников, а у его полководцев свои царства и армии. Между ними могли происходить никем не описанные битвы. – Он пожал плечами. – Единственное, что я могу сказать с уверенностью: эти останки не принадлежат римлянам. При них нет более совершенного оружия римлян; они не использовали ни гладиусы – короткие мечи с

широкими лезвиями, ни скутумы – большие щиты, из которых римляне выстраивали заграждение перед нападающими.

– Значит, тела могли принадлежать гуннам, а могила появилась в результате сражения.

– Слишком рано что-нибудь исключать, даже это. И если кто-нибудь найдет могилу, то в ходе поисков чего-то другого.

– Давайте займемся уже совершенным вашим открытием, – сказал Сэм. – Нам нужно обеспечить вам возможность спокойно закончить раскопки.

– А как это сделать? Мы убили людей Бако.

Сэм улыбнулся и спросил:

– Аттилу это волновало бы?

– Вероятно, нет.

– Значит, не стоит беспокоиться и Бако. Не исключено, он попытается сохранить данное происшествие в тайне – ведь он не скажет полиции, что кто-то выкрал у него того, кого он сам похитил. Сейчас ваши раскопки – лучший способ узнать что-нибудь новое. Он захочет, чтобы вы продолжали работу.

– Он слишком опасен. Нельзя начинать работу, пока он здесь.

– Да неужели? Вы знаете кого-нибудь из хороших венгерских археологов?

– Нескольких. Доктор Энико Харшани – профессор университета здесь, в Сегеде. И доктор Имре Полгар. Я собирался проконсультироваться с ними, но меня похитили. Они отлично знают историю здешних мест.

– Так позвоните им сейчас же. Нам нельзя замалчивать раскопки. Напротив, надо привлечь к ним как можно больше внимания. Задействовать как можно больше людей – пусть будут здесь и помогают воплощать проект. Три иностранца, ведущие раскопки в глуши, рискуют. Пятьдесят или сто местных жителей и несколько ученых на раскопках – это экспедиция.

– Студенты и аспиранты, конечно. – Альбрехт посмотрел на телефон. – Позвоню им… забыл. У меня нет записной книжки с их номерами. Они также помогут с охраной раскопа.

– Позвоните Сельме и объясните ей, что вам нужно. Там сейчас день, и она не спит, – предложила Реми, затем зевнула, взглянув на часы. – Я

выбираю для нас с Сэмом ту спальню и иду спать. Можете взять себе вторую, Альбрехт. Удачи со звонками!

На следующий день Альбрехт, Сэм, Реми, профессор Энико Харшани и профессор Имре Полгар стояли у автобуса Тибора Лазара. Они наблюдали, как шестеро аспирантов, каждый из которых руководил десятью студентами, разбивают поле на квадраты, забивают колышки и связывают их веревками. Поодаль еще трое профессоров из Венгерской академии наук рассматривали образцы почвы.

– В европейском подзоле средний темп роста почвенного слоя – дюйм за пятьдесят три года, – сказал один из них. – Здесь следует ожидать роста почвы в тридцать дюймов. Но равнина плоская. И нужно учитывать постоянные наводнения.

Другой уточнил:

– Это может добавить до тридцати дюймов аллювиальной почвы.

– Как часто Тиса разливалась с 450 года?

– Я бы сказал, каждые сто или сто пятьдесят лет. Допустим, десять раз. И самое последнее наводнение как будто было сильнее прочих. Худшим, несомненно, стало наводнение 1879 года, уничтожившее город Сегед. Разумно ожидать, останки находятся не глубже шести футов и не ближе тридцати дюймов к поверхности.

Сэм увидел, как Тибор вошел в автобус, поэтому ушел от остальных. Тибор сел на переднее сиденье и достал газету. Сэм поприветствовал:

– Доброе утро, Тибор! Как дела?

– Двое моих двоюродных братьев на дороге в этом конце и еще два – в том. Они вооружены, у них есть телефоны, чтобы предупредить нас. В миле отсюда стоит фургон с шестью людьми – они будут в состоянии быстро подъехать к любой группе. Это братья моей жены.

– Здо€рово! – восхитился Сэм. – Нужно обеспечить безопасность землекопам. Спасибо.

– Вам спасибо.

– За что?

– Вы позволили хоть что-то отнять у Бако. И ваш чек оказался настоящим.

– Ваша помощь была настоящей. Вы спасли Альбрехту жизнь.

– Это вы спасли Альбрехта. Я только сказал: «Делайте, что я говорю, или этот сумасшедший вас убьет».

– Должно быть, убедительно сказали.

Тибор внимательно посмотрел на него и задал вопрос:

– Вы задумали что-то еще. Что?

Сэм улыбнулся и ответил:

– Чтобы раскапывать поле, я не нужен. Но пожалуй, могу кое-что предпринять, чтобы обмануть Бако и дать возможность спокойно здесь всем работать.

– Арпад Бако – большой человек. Вы видели одно из его предприятий. У него есть деньги и власть, богатые и влиятельные друзья повсюду. Вам стоит поостеречься.

– Ему нужна могила гунна Аттилы, как вы и предполагали.

Тибор рассмеялся:

– А не источник юности? Не лестница в небо?

– Я уверен, история вам знакома. Считается – Аттилу с сокровищами похоронили в тайном месте и повернули реку Тису, чтобы она затопила это место.

– Конечно. Нам всем рассказывают об этом в детстве, – отозвался Тибор. – Арпад Бако, наверно, был единственным ребенком, который в это поверил. К тому же сейчас протяженность Тисы тысяча километров, а раньше она была еще длинней. Ее выпрямили, часть отрезали, а все болотистые земли осушили.

– В этом-то вся прелесть, Тибор. Мы с Реми найдем захоронение. И заставим Бако следить за этим.

– Хотелось бы присоединиться.

– Добро пожаловать на борт! Кстати о лодках. У кого-нибудь из ваших родственников есть лодка?

– Не у родственника, у друга. Он одолжит ее нам за… да за так.

– Вы действительно хотите участвовать?

– Вы же только что рискнули жизнью, спасая друга, которого сторожили много вооруженных людей, да еще заплатили мне целое состояние за мою помощь. Дружить с вами довольно прибыльно.

На следующее утро тридцатифутовая рыбачья лодка «Маргит» со скоростью пять узлов шла против ленивого течения по Тисе. Иногда она замедляла ход и начинала пересекать реку наискось. «Маргит» что-то

тащила на буксире, но с берега невозможно было определить, что именно, – предмет едва поднимался над поверхностью.

Наблюдатель с острым зрением мог бы разглядеть: на борту пятеро людей – рулевой, двое вахтенных, мужчина, управлявший тем, что лодка тащила на буксире, и стройная рыжеволосая женщина, которая непрерывно следила за экраном ноутбука. В открытую дверь каюты был виден компьютер на полке.

Не прошло и часа, как по дороге вдоль реки двинулся грузовик с закрытым матерчатым кузовом.

В кузове на скамьях вдоль бортов сидели четверо. Один использовал фотоаппарат с длиннофокусным телеобъективом, в оптические прицелы смотрели двое стрелков, а четвертый держал видеокамеру с сильными линзами. Все это было смонтировано так, что смотрело сквозь отверстия в материи кузова. Предводителя группы звали Габор Шекели. Он сидел сразу за шофером и мог наблюдать за действиями остальных.

Зазвонил его сотовый, он отозвался по-венгерски:

– Да? – Послушал и сказал: – Спасибо. – Положил телефон и обратился к остальным: – Мужчина на корме с тросом в руках – Сэмюэль Фарго. Ночью ему доставили по воздуху оборудование: металлический детектор, прибор для ночного видения и морской магнитометр «Джиометрикс Джи-882», регистрирующий малейшие изменения напряженности магнитного поля Земли, особенно из-за железных предметов.

– Железный гроб, – сразу произнес человек рядом с ним.

Габор не стал подтверждать эту догадку.

– Женщина, должно быть, его жена Реми Фарго. Они остановились в городском отеле «Центральный».

Третий человек предложил:

– У нас ружья с прицелами. Можно легко перестрелять их прямо из грузовика.

– Пока не будем, – остановил Габор Шекели. – Фарго – опытные охотники за сокровищами. За ними числятся ценные находки в Азии, в Швейцарских Альпах… повсюду. У них есть лодка и оборудование для поисков.

– Подождем, пока найдут?

– Да. Вот что мы сделаем. Когда они найдут внешний железный гроб, мы начнем действовать – раньше, чем они поднимут его на поверхность.

С ними произойдет несчастный случай, а мы найдем могилу. Мистер Бако станет героем, ведь он вернет стране национальное достояние.

В лодке на реке Реми Фарго наблюдала за показаниями магнитометра на экране своего ноутбука и вдруг воскликнула:

– Это безумие!

Сэм спросил:

– В чем дело? Ничего не видишь?

– Напротив. Все вижу. Дно реки усеяно металлом, вижу что-то похожее на затонувшие лодки, якорные цепи, пушки, балласт, мусор, куски арматуры в бетоне, за последние пять минут я обнаружила два велосипеда, якорь и что-то похожее на старую металлическую печь.

Сэм рассмеялся:

– Достаточно, чтобы пробудить интерес. Если заметишь что-то погребенное на глубине десяти футов и похожее на железный гроб, стоит приглядеться внимательней.

– Мы ведь все равно будем нырять, что бы ни нашли?

– Чем больше мы будем делать такого, что заставит Бако и его людей считать, будто мы близки к цели, тем вероятнее они отвлекутся от Альбрехта и остальных.

– Конечно, нетрудно запутать Бако, заставить его досадовать, но не будьте слишком самоуверенны, – предостерег Тибор. – У него достаточно людей, чтобы делать много черных дел сразу.

Несколько дней с помощью магнитометра они исследовали дно реки. Каждый вечер отправлялись в центр города, повидать Альбрехта и его команду в лаборатории, специально для этого снятой.

– Это несомненно поле битвы, – сообщил им Альбрехт.

– А что же еще? – заметила Энико Харшани. – На данный момент мы нашли останки шестисот пятидесяти шести взрослых мужчин; все они были убиты одновременно и захоронены там, где погибли.

Имре Полгар продолжил:

– У многих, а то и у большинства, следы серьезных, но заживших ран. Мы обнаружили трещины, удары, рассечения, затронувшие кости. Это были профессиональные бойцы. Их скорее следует называть не солдатами, а воинами.

– И кто они? – спросила Реми.

– Гунны, – ответил Альбрехт.

– Несомненно, гунны, – согласилась Энико Харшани. – До сих пор только они.

– Откуда вы знаете? – спросил Сэм. – По ДНК?

Альбрехт провел их вдоль длинной линии стальных столов, на них двойным рядом лежали останки.

– Не существует определенной ДНК гуннов. Основная их группа в первом и втором веке вышла из Центральной Азии. По дороге на запад они заключали союзы или сражались, побеждали и поглощали встречные племена и царства. Так вот, когда гунны появились здесь, на равнинах Венгрии, у многих индивидов по-прежнему были общие с монголами гены. Но существовали и похожие на скифские, фракийские или германские. Этих людей объединял не общий этнос, а общая цель. Все равно что выделять ДНК пирата семнадцатого века.

– Как же вы их идентифицировали?

– Это были всадники. Они передвигались, сражались, ели и иногда даже спали на лошадях. По некоторым изменениям в костях скелета видно: эти люди всю жизнь проводили верхом. Но есть и более определенные указания.

– Какие? – спросил Сэм.

– Гунны не были просто конниками. Это были верховые лучники. В Азии они разработали тактику наступления с помощью луков и стрел. – Профессор очень осторожно взял в руки кусок почерневшего дерева с глубокими надрезами. – Вот он. Это составной лук, и вид его вполне узнаваем и отличен от других. Посмотрите на вырезы на концах, куда надевается петля тетивы. Они неподвижные, не гибкие. И это не просто деревянная палка, лук состоит из нескольких склеенных слоев, их всегда семь, некоторые изготавливаются из рога, а место, за которое берутся рукой, – из кости. Лук короткий, чтобы можно было стрелять с лошади, но придает стреле очень большую скорость. Вероятно, это лучший из существующих образцов гуннских луков. До сих пор мы нашли четыреста фрагментов.

– С кем бились гунны? – спросил Сэм.

– Боюсь, это более трудный вопрос. Жертвы лежат по всему полю. Никакого деления на племена, их просто засыпали землей там, где они пали. У всех оружие, каким пользовались гунны, в основном составные луки. Еще длинные прямые обоюдоострые мечи в ножнах, висящих на поясе, а также короткий меч или кинжал, заткнутый за пояс

горизонтально. Брюки из козьих шкур и меховая рубашка. У некоторых кожаные жилеты.

– Остается много загадок и тайн, – поделился доктор Полгар.

– Кое-что я вижу уже сейчас, – сказала Реми. – Поле битвы никто не грабил.

– Это одно, – подтвердила доктор Харшани. – Хорошо сделанный меч – большая ценность. Составной лук из дерева, кости и рога требует тщательных приготовлений и очень опытного мастера. Такой лук изготавливают целую неделю, а потом месяц высушивают, чтобы затвердел. Такие вещи не бросают.

Реми показала на ближайший скелет:

– И раны необычные? Однотипные, не как в бою.

– Да, – согласился Альбрехт. – Гунны были лучниками, но мы не нашли ран, оставленных стрелами. Нет наконечников, торчащих из костей тела или черепов. И не видно ран, типичных для битв того периода. Ни отрубленных рук, и на ногах нет ран, от которых истекают кровью. Каждая рана – серьезное, смертельное повреждение. Почти четыреста тел обезглавлено, и много таких глубоких рассечений горла, что разрублены позвонки.

– Мне все это представляется массовой казнью, – сказал Сэм. – Мы не видим противников, ведь убийцы засыпали землей жертв и ушли.

– Похоже на то, – согласилась Реми. – Но если эти люди имели такое хорошее вооружение, почему они дали себя убить?

– Мы не знаем, – ответил Альбрехт. – Работа только началась, зададимся этим вопросом, когда откопаем остальные тела.

На следующее утро Сэм и Реми приехали на пристань, где стояла «Маргит» с магнитометром. Тибор сидел, с интересом читал газету. Увидев их, он произнес:

– Сэм! Реми! Вы должны увидеть эту статью.

– О чем она? – спросила Реми.

Тибор расстелил газету на палубе, чтобы все могли рассмотреть. На первой полосе красовались фотографии шестерых людей, похожие на снимки для паспорта, на которых человек смотрит прямо в объектив. Реми наклонилась к газете.

– Сэм! Это они, люди из «Консолидейтед энтерпрайзис». – Она повернулась к Тибору. – Что говорится в статье?

– Полиция Сегеда арестовала шесть человек с американскими паспортами по подозрению в вооруженном нападении неделю назад на фармацевтическую фабрику Бако. При нападении были убиты восемь охранников компании Бако.

– Восемь? – переспросил Янош. – Должно быть, пятерых уложили мы, а трое оставалось в здании… Бако, вероятно, сам их убил.

– Похоже, – сказал Сэм. – Я был уверен, эти пятеро ранены… ну, почти все пятеро… а троих в здании мы вообще не трогали.

– Что делать? – спросила Реми. – Нельзя допустить, чтобы этих идиотов обвинили в убийстве.

Сэм взял телефон и набрал номер дома в Ла-Холье. В трубке прогудело один раз.

– Привет, Сэм! Что случилось?

– Привет, Сельма! Шестерых из «Консолидейтед энтерпрайзис», по-видимому, отправили в Сегед следить за нами. Здесь их арестовали за нападение на фабрику Бако. Но скорее всего, когда это произошло, они еще сидели под арестом у капитана Кляйна в Берлине.

– Вы хотите, чтобы я их выручила?

– Сформулируем так. Я не расстроюсь, если они проведут в тюрьме, скажем, тридцать дней. Если бы их обвинили в восьми убийствах, я чувствовал бы себя ужасно, а Реми постаралась бы, чтобы мне стало еще хуже.

– Это точно, – подтвердила Реми.

– Слышали?

– Слышала, – ответила Сельма. – Судя по полученной мной информации о «Консолидейтед», они ужасные люди, но уголовного наказания пока не заслуживают. Я позвоню капитану Кляйну в Берлин и узнаю факты, необходимые для их оправдания, но не стану передавать в контору «Консолидейтед» в Нью-Йорке, пока положение не станет угрожающим для вас. Подходит?

– Отлично. Спасибо, Сельма. – Сэм выключил телефон и посмотрел на Реми. – Надеюсь, мы сейчас не сделали нас единственными подозреваемыми.

– Нас? Едва ли стоит об этом тревожиться, – сказала Реми. – Ты не забыл? У местной полиции приказ держать нас под присмотром. Если они нас арестуют, то им многое придется объяснять.

– Она права, – согласился Тибор.

– Я к этому уже привык, – ответил Сэм.

Студенты и преподаватели работали, и раскоп все расширялся. На следующей неделе появились адвокаты. Охранники Тибора увидели их первыми и позвонили Тибору на лодку.

С полдюжины людей приехали на двух больших черных машинах. Все в безупречных белых рубашках, темных костюмах, полосатых галстуках. Они старались идти так, чтобы пыль не попала на их начищенные итальянские туфли.

Один из них, старше, ниже и полнее прочих, вышел вперед, подошел к светловолосой студентке, которая просеивала землю через грохот – решетку в деревянной раме, – чтобы найти мелкие предметы. Он повелительным тоном произнес:

– Позовите ваше начальство.

– Преподавателей?

– Они преподаватели? – спросил он. – Тогда передайте им, что занятия закончились, да поторопитесь.

Студентка побежала по узкой дорожке между грудами земли туда, где Альбрехт Фишер, Энико Харшани и Имре Полгар совещались с одетыми в хаки коллегами. Девушка передала им известие, и все они зашагали по дорожке.

Первой подошла Энико Харшани.

– Здравствуйте, – приветствовала она. – Я доктор Харшани. Чем могу быть полезна?

Старший мужчина в костюме ответил:

– Меня зовут Донат Тот, я адвокат. У меня судебный запрет на проведение раскопок на этой территории. – И он подал ей документ.

Вторая женщина в группе преподавателей взяла его, просмотрела и сказала:

– Я доктор Моника Восс, региональный директор государственного Агентства культурного наследия. Мы выдали разрешение этой группе проводить раскопки.

Альбрехт Фишер предъявил документ казенного вида. Донат Тот взял его, взглянул и передал другому человеку в костюме; этот второй тоже просмотрел документ и передал дальше. Когда документ вернулся, Донат Тот сказал:

– Документ устарел. Теперь это земля моего клиента. Сегодня он вступает во владение.

– Это собственность города Сегеда, – возразила доктор Восс.

– Мой клиент, господин Арпад Бако, сделал городу Сегеду очень выгодное предложение, и оно было принято. – Он предъявил еще несколько документов.

Доктор Восс просмотрела эти бумаги, потом взяла ручку и что-то написала на одном из них. Она объяснила:

– Агентство культурного наследия объявляет продажу недействительной.

– Вы не можете это сделать.

– Уже сделала.

– Не можете! Сделка оплачена наличными!

– Заберите их обратно. Всякая территория, где имеются культурные ценности, находится в распоряжении Агентства. Так говорится в 64 статье закона о сохранении культурного наследия.

– А кто сказал, что в этой земле есть культурные ценности?

– В этом законе дано определение понятия «культурные ценности»: это любые предметы, возраст которых превышает пятьдесят лет, в том числе найденные при археологических раскопках. Я видела здесь такие находки, и местные чиновники не могут отменить мое решение.

– Я обращусь в суд.

– Другие уже обращались. И проиграли. И вы проиграете.

Двое молодых адвокатов подошли к Донату Тоту и что-то озабоченно принялись ему шептать. Он отмахнулся:

– А что помешает мне разорвать это разрешение?

Один из советников виновато произнес:

– Три года тюрьмы, господин Тот.

Донат Тот швырнул разрешение преподавателям; лист упал на землю. Один из студентов подобрал его, сдул пыль и протянул Альбрехту Фишеру. Мужчины в черных костюмах вернулись к своим машинам, сели в них, развернулись и уехали. В это время на такси подъехали Сэм, Реми, Янош и сам Тибор за рулем.

Когда группа с лодки услышала новость, Тибор сказал Сэму и Реми:

– Победить юристов Арпада Бако не значит победить самого Арпада Бако.

Сэм ответил:

– Мы должны выиграть больше времени для археологов.

– Больше – это сколько?

– Альбрехт считает: они закончат через неделю, – сообщила Реми. – Они нанесли на карту положение всех тел, а большинство сфотографировали и изъяли. Он полагает: за неделю они успеют все забрать из раскопа.

Сэм несколько мгновений молча смотрел на раскоп, потом заговорил:

– Вот как мы поступим. Завтра выберем место, перестанем плавать туда-сюда по реке, бросим якорь и начнем погружения. На следующий день мы будем делать то же самое на том же месте. Пусть видят: мы ныряем с маркерами.

– А что потом? – спросила Реми.

– Будем нырять. Будем делать все, что положено делать тем, кто собирается вытащить что-то тяжелое и ценное. Придется арендовать земснаряд, установленный на барже. Привлечем бульдозеры и грузовики и начнем строить дорогу на берегу к месту, перед которым ныряем.

Тибор спросил:

– Вы уверены, что хотите убедить Бако, будто нашли клад?

– Я хочу убедить его, что мы знаем, где клад, но надо еще много сделать, чтобы его поднять.

– Хорошо, – согласился Тибор. – Начну со своего дяди Гезы. Он владеет строительной компанией, и всегда найдутся рабочие, готовые подзаработать.

На следующий день Реми и Сэм стояли на палубе «Маргит» в гидрокостюмах; на корме лежали баллоны со сжатым воздухом и другое оборудование. Они установили буйки, вывесили красный полосатый флаг – показать проходящим судам, что тут работают водолазы, – и начали погружение.

Вместе исследуя дно реки, они нашли множество металлических предметов: сломанные трубы, якорные цепи, несколько стогаллоновых бочек из-под неведомой жидкости, которая давно просочилась сквозь проеденные ржавчиной дыры. Наряду со знакомыми были и такие, определить назначение которых не удавалось: насквозь проржавевшие

круглые, длинные или плоские металлические объекты. Названия и назначения этих объектов давно забылись, но для Сэма и Реми они представляли большой интерес. Все, что выглядело старым и загадочным, являлось ценной находкой. Они сложили такие объекты в груду на дне под лодкой и вынырнули.

На берегу в кузове грузовика сидели те, кто следил за Фарго уже несколько дней, к пяти обычным наблюдателям присоединился Арпад Бако. Пятеро встали и, вытянувшись, молчали, пока Бако в телескоп смотрел на ныряльщиков. Бако был рослым мускулистым мужчиной с курчавыми волосами, падающими ему на лоб, а сзади – на воротник белой рубашки. Костюм ему шил личный портной, его Бако привез из Италии. Глаза у него были темные, внимательные и настороженные.

Габор Шекели, старший группы, заговорил:

– Видите, господин Бако? Теперь они заняты совсем другим. Возможно, это плавание по реке должно было отвлечь нас от настоящей операции.

– Они поняли: могила близко, – сказал Бако. – Аттилу похоронили возле Тисы, а потом повернули реку, чтобы скрыть могилу. Вы же знаете.

– Только прикажите, и мы их перестреляем. У нас есть оружие, мы покончим с ними за несколько секунд и уйдем.

– Не будь дураком, – ответил Бако. – Гроб сейчас под двадцатью футами осадков. Внешний гроб из железа, а внутренние – из драгоценных металлов. Поэтому они так тщательно готовятся: ныряют, привязывают к нему тросы и цепи, готовятся поднять, потом перетащат с баржи на грузовик и вывезут по этой дороге. До тех пор пройдет еще несколько недель, и это встанет им в миллионы долларов. Пусть трудятся.

На глазах у Бако и Шекели люди на барже опустили к воде плечо электрической лебедки и трос. Несколько раз трос дернули снизу, и лебедка потащила что-то со дна. Вскоре показалась большая нейлоновая сеть, с нее лилась вода. В сети громоздились ржавые предметы, определить их назначение было невозможно.

Арпад Бако возбужденно переступал с ноги на ногу и воскликнул:

– Смотрите! Смотрите! Они что-то поднимают!

– Похоже на груду ржавого хлама.

– Пятнадцать столетий пролежало под водой! – закричал Бако и сильно дернул Шекели за руку. – Нам нужно все, что оставили гунны. Эти придурки вкалывают за нас. – Он по-прежнему сжимал кулаки. – Следите за ними! Ничего не упускайте! – Он повернулся к человеку с

фотоаппаратом: – Снимай все, что они поднимают. Пока втаскивают гроб на баржу, они работают на нас. А когда втащат, можете остановить их.

Глава 8

Сегед, Венгрия

– Все готово, – доложил Альбрехт. – Мы раскопали всю «решетку». Артефакты и останки изъяты из раскопа, должным образом упакованы и каталогизированы. Через несколько дней мы переправим их в Будапешт на временное хранение, пока в местном музее готовят для них место.

– Большое достижение для нескольких недель, – похвалила Реми.

– Мы знали, у нас нет возможности работать несколько лет, и благодаря моим венгерским коллегам и их студентам нам ежедневно помогали не меньше пятидесяти подготовленных людей, а частенько и сотня.

– По-видимому, именно это и обеспечило вам безопасность, – отметил Сэм. – Трудно совершить преступление при таком количестве народа.

– Сколько всего воинов вы нашли? – спросила Реми.

– Ровно тысячу. – Альбрехт внезапно отвернулся и посмотрел на лежавщий на столе скелет.

– Вы хотели сказать «примерно»? – настаивала Реми. – Неужели произвели окончательный подсчет?

– Нет, ровно тысячу, – повторил Альбрехт.

Сэм и Реми переглянулись.

– Это наверняка неспроста, – произнес Сэм.

– Конечно, – еле слышно ответил Альбрехт, все еще глядя на скелет, затем неохотно поднял голову. – Прежде чем утвердить это число, мы с Имре и Энико снова их пересчитали. Согласно нашему теперешнему взгляду, это был какой-то особый отряд. Гунны не делили воинов на сотни и тысячи, как римляне. Но мы полагаем: для каких-то особых нужд они создавали такие отряды. Командир мог сказать: «Мне требуется тысяча человек для разведки и еще тысяча для набега».

– Надеюсь, я не слишком самонадеянна, – начала Реми, – но после вашего звонка мы с Сэмом много прочли о гуннах. И я подумала: может, вы уходите от самого вероятного объяснения, опасаясь, что вас лишь поманит надежда на его истинность?

Альбрехт вздохнул:

– Ухватиться за объяснение, на которое вы намекаете, мы не хотим из-за последствий. Такая версия не только подстегнет Арпада Бако, но и породит в обществе золотую лихорадку. Задумайтесь об этом.

– А вы задумайтесь о фактах, – парировала Реми. – Ровно тысяча человек, все гунны, убиты одновременно в один и тот же день 450 года. В самом центре владений гуннов, где у них сотни тысяч союзников и ни одного врага. И не в бою погибли.

– А еще их похоронили со всем имуществом и оружием, – дополнил Сэм. – После смерти тела не были обесчещены или изуродованы. Я полагаю, Реми права. Это личная охрана Аттилы. Их отправили похоронить Аттилу и сокровища в неизвестном месте, потом отвести реку, чтобы она текла над могилой; ее никто не должен был найти. А когда они вернулись, их убили, чтобы они не разболтали, где могила.

– Чтобы повернуть реку, нужно не меньше тысячи человек, – продолжила Реми. – Им требовалось перекопать одну из излучин, чтобы выпрямить русло.

Сэм сказал:

– Все они были вооружены, все – закаленные воины с рубцами на месте старых ран. Почему они дали убить себя и даже не вынули мечей? Только в том случае…

– …Если они были фанатично преданными Аттиле телохранителями, – подхватила Реми. – Они всегда знали: умрут вместе со своим вождем.

– Да, это имеет смысл. Тогда все совпадает, – согласился Альбрехт. – Но признание данной версии станет ужасной ошибкой. Сокровища могилы Аттилы могут стоить миллиарды. Гунны, точно гигантская метла, вымели Азию и Европу от Заволжья до Сены и забрали все ценное с собой. Если объявить, что мы нашли останки людей, похоронивших Аттилу, весь этот район перекопают за год. Будут уничтожены другие бесчисленные невообразимо ценные артефакты, но никто не подойдет ближе к месту захоронения, чем сейчас. Лучше держаться старой версии: телохранители должны были увезти отсюда тело и сокровища.

– Вы ученые, – сказал Сэм. – Я знаю, вы не сумеете дать фальшивое описание находки. Как только появится публикация, все сразу поймут то, что поняли мы с Реми.

Альбрехт посмотрел в пол и покачал головой:

– Арпад Бако считал: я вот-вот дам подтверждение мифу о сокровищах Аттилы. Неужели я должен объявить, что он был прав?

– Но ведь вы работаете не ради сокровищ, – возразила Реми. – Вы раскрываете тайны истории. И сами сказали: к сокровищам это никого не приблизит. Просто подтвердит один исторический факт – стражников убили.

– Знаю, – согласился Альбрехт. – Просто не хочу помогать преступнику, который меня похитил, обнаружить одно из величайших сокровищ древности.

– Ну ладно, – решил Сэм. – Теперь, когда ваша находка в безопасности, мы с Реми будем собираться домой. Вы можете предавать огласке какие хотите сведения и по своему расписанию. Но должен напомнить: великие тайны рано или поздно выходят на свет. Не только вы и остальные археологи видели это. Сотни студентов тоже, большинство еще не настолько владеют своей специальностью, чтобы правильно истолковать увиденное. Но пройдет несколько лет, многие из них заинтересуются и начнут собственные поиски.

Альбрехт в отчаянии развел руками:

– Что я, по-вашему, должен делать?

– То, что в конце концов всегда делают ученые, – ответила Реми. – Продолжают смотреть, думать без предубеждения и толковать увиденное.

– Вы правы, – кивнул Альбрехт. – Я это знаю, и мне стыдно за мои долгие сомнения. Пожалуйста, не покидайте нас. Если вам удастся сдержать Бако и его людей еще несколько дней, мы успеем переправить находки в Национальный архив.

Наутро работа на реке продолжилась. Сэм и Реми опять погрузились в мутную воду. А родственники и друзья Тибора принялись прокладывать прямой путь от берега к дороге. Весь день Сэм и Реми освобождали русло реки от ржавых предметов разного размера и формы, поднимая их на баржу. В конце дня, как обычно, они переправили все найденное с лодки в грузовик и увезли на склад университета Сегеда; все находки тщательно укрыли брезентом, и наблюдатели Арпада Бако не могли удовлетворить свое любопытство.

Вечером Сэм и Реми присоединились к Альбрехту и его коллегам, изучавшим находки из раскопов. Останки воинов ученые осматривали, фотографировали вместе с их имуществом и укладывали в деревянные ящики, чтобы доставить в Музей древностей, часть Будапештского исторического музея, размещенного в огромном дворце Каройи.

Сэм и Реми ходили между столами, где лежали для изучения и съемки скелеты, которые еще не рассматривали профессионалы. Сэм

неожиданно остановился, наклонился к скелету и изогнул шею, чтобы увидеть череп под другим углом.

– Что не так? – спросила Реми.

– Ты когда-нибудь пыталась заставить человека хранить тайну?

– Конечно, – ответила она. – Все девочки учатся этому в шестом классе.

– И у тебя получалось?

– Нет. Если предупредить девочку, что ты поделилась с ней секретом, то этот секрет сразу становится ценностью, а подчас и предметом торговли. Когда человек говорит, что знает тайну, значит, он хочет ее раскрыть. Это приглашение приставать к нему, пока он не поделится.

– Здесь тысяча человек, владевших тайной. Неужели ни один ничего не рассказал?

– Нужно отдать гуннам должное, – ответила Реми. – Они знали: обезглавленному говорить трудно. У нас в шестом классе такого не было.

– Конечно. Пусть даже эти люди знали: их убьют – у них наверняка были родственники, которым они хотели помочь. Я верю в их фанатичную преданность Аттиле, но ведь к тому времени он уже был мертв. Без Аттилы гунны превратились в слабо связанную федерацию. Неужто ни один из этих парней не захотел подстраховаться?

– Очевидно, нет, иначе в истории появился бы другой парень с кучей драгоценностей.

– Вероятно, ты права, – согласился Сэм.

Они снова пошли вдоль столов со скелетами. Десяток, второй десяток, сотня.

– Подожди, – остановилась Реми. – Посмотри на этого.

Сэм вместе с ней подошел к скелету. На шее у него блестела золотая гривна, похожая на кельтское ожерелье. Рядом лежал меч в ножнах, отделанных серебром. Кости были облачены в жилет из овечьей шкуры. Снаружи еще сохранилось несколько клочков меха, а вся внутренняя поверхность кожи стала темно-коричневой.

Через грудную клетку мимо позвоночника тянулось что-то похожее на ряд букв, а ниже какая-то сложная большая фигура. Реми указала:

– Похоже на печать, да? А это какой-то рисунок.

– Странно, – заметил Сэм. – Если он носил жилет, из-под него этой штуки не было видно.

– Приск писал, что гунны носили кожаную одежду до тех пор, пока она не распадалась прямо на них. Увидеть это стало возможно, только когда воин превратился в скелет.

Сэм поднял руку и позвал:

– Альбрехт! Уделите нам минуту?

Альбрехт пересек просторное помещение и присоединился к ним. Ученый посмотрел на скелет, потом наклонился, вертя головой, чтобы увидеть жилет меж ребрами, и наконец негромко выдохнул:

– О нет!

Реми спросила:

– Похоже на письмо?

– Это письмо, – подтвердил Альбрехт. – Надо снять жилет, чтобы увидеть все.

Они осторожно подняли верхнюю часть скелета, оставив отрубленную голову на брезенте. Сэм держал торс, а Реми и Альбрехт стягивали жилет с плеч, а потом с рук. Уложили его на брезент. Альбрехт внимательно разглядывал буквы.

– Это готский. Один из раннегерманских языков, на нем говорила, вероятно, половина войска Аттилы.

– Можете что-нибудь прочесть?

– Могу прочесть почти все, – ответил Альбрехт. – Некий знатный гот по имени Вульфила примерно ко времени гибели Аттилы перевел на готский язык Библию, поэтому у нас есть словарь и грамматика этого языка. Он схож с другими германскими языками. По-английски говорят have, по-немецки haben. А по-готски haban. В целом готский сохранял то, что утратил немецкий. А сейчас прочту этот текст: «Два дня и половина на север, половина дня на запад. Он там, где луна четвертой ночи шире всего». Понятия не имею, что за луна четвертой ночи.

– А я имею, – сказал Сэм. – Лунный цикл состоит из двадцати восьми дней. Если начинаешь цикл с новолуния или с полнолуния, на четвертую ночь всегда полумесяц.

– Посмотрите на рисунок, – указал Альбрехт.

– Это убывающий полумесяц, – пояснил Сэм. – Поднят освещенный левый край.

– Думаете, это календарь? – спросил Альбрехт.

– Нет, – сказала Реми. – Этот парень – обманщик. Он не мог рассказать, но сделал карту. Полумесяц – это форма излучины, которую они перекопали, чтобы отвести реку. Он рассказывает нам, где похоронен Аттила.

Глава 9

Сегед, Венгрия

Супружеская пара находилась у себя в номере, а на экране компьютера Реми была Сельма Уондраш.

– Мы с Венди и Питом много раз проводили сравнения, измеряли углы, неоднократно рассчитывали и уверены: нашли место, указанное на жилете. Римские солдаты в ту пору успевали за день пешком пройти двадцать пять миль. Гунны-всадники при желании, вероятно, могли вдвое быстрее преодолевать такое расстояние. Но на этот раз они несли тяжелый груз, и мы возвращаемся к двадцати пяти милям. Это означает: расстояние вдоль реки к северу шестьдесят миль и на запад – двенадцать миль. С помощью аэрофотоснимков и спутниковых снимков мы действительно нашли сухое русло с накоплением осадков на его западной, или внешней, стороне. Последующее выпрямление и укорочение Тисы не только осушило данное место, но и значительно отдалило его от нынешнего русла.

– Вы рассуждаете так же, как мы, – подчеркнул Сэм. – Груз должен был весить несколько тонн, поэтому его поставили на телегу, которую везли скорее всего волы. Они двигались по равнине к востоку от реки, где не нужна дорога, и, вероятно, до самого конца держались там, чтобы их не было видно с реки. Скорее всего, они рассылали во все стороны группы всадников, желая убедиться в отсутствии ненужных свидетелей.

– Согласна, – кивнула Сельма. – Сопоставив карту западной части с аэрофотоснимками, мы получили координаты 46 градусов 25 минут 55 секунд северной широты и 19 градусов 29 минут 19 секунд восточной долготы. Это примерно в ста тридцати милях к югу от Будапешта.

– Что там?

– Ну, могло быть хуже, – усмехнулась Сельма. – Не собор и не атомная электростанция. Институт виноградарства в Кишкунхалаше. Часть «хал» означает «рыба». В Средние века город окружали озера, по-видимому, питаемые водами реки. Они давно исчезли, но память о них сохранилась, как и песчаная почва, на которой прекрасно растет виноград.

– Как туда попадает современный человек?

– Из Сегеда по 55-й дороге, потом повернуть на 53-ю.

– Мы дадим вам знать, когда поймем, что делать, – сказал Сэм. – Мы развернули бурную деятельность на Тисе, чтобы люди Бако думали, будто мы уже нашли могилу под водой.

– На вашем месте я продолжала бы в том же духе, – поддержала она. – Арпада Бако подозревали в трех убийствах, кроме сына Тибора Лазара. Желаю вам доброй охоты. Если вам придет в голову, чем я могу помочь, сразу звоните.

– Обязательно.

На следующее утро Сэм и Реми, как обычно, отправились на Тису и большую часть дня ныряли, притворяясь, будто что-то нашли. Только с наступлением темноты Сэм, Реми и Альбрехт увидели – на восьмилетнем «Мерседесе»-седане приехал Тибор.

– Это ваша машина? – спросил Сэм.

– Личная? – переспросил Тибор. – Нет. Она моя, но мы используем ее как такси. У нас некоторые клиенты не хотят, чтобы на машине был знак такси. Мы возим их в рестораны и на приемы. По венгерскому закону уровень алкоголя в крови человека за рулем должен быть нулевым, поэтому их нужно возить. А сам я хожу пешком. Мне машина не нужна.

Сэм погрузил в кузов металлический детектор, три лопаты с короткими черенками, прибор для ночного видения и вместе с остальными сел в седан. Тибор поехал на север вдоль реки, в пути иногда внимательно глядел в зеркало заднего обзора.

– За нами следят? – спросила Реми.

– Не думаю, – ответил Тибор. – Но на сельских дорогах трудно сказать. Когда кто-то выезжает за вами из города, он, вероятно, так и будет ехать за вами до следующего города. И в темноте вы будете видеть только его фары. А сейчас тот, кто все время едет за нами, водит машину, как моя бабушка. Нам следует опасаться смелых и безрассудных.

Сэм предложил:

– В следующем городе давайте повернем обратно и посмотрим, последует ли он за нами.

– Хорошая мысль, – ответил Тибор.

В следующем городе он подкатил к ресторану, объехал его по узкому извилистому переулку, где могла пройти только одна машина, и снова выехал на дорогу у ресторана. Впереди они не заметили никакой машины, но и за ними подозрительные машины отсутствовали, поэтому почувствовали себя спокойнее.

Весь остальной путь Сэм с помощью GPS в своем телефоне указывал Тибору дорогу. Увидев, что они подъезжают к краю огромного виноградника у города Кишкунхалаш, он сказал:

– Выключите фары.

Дорога впереди погрузилась в темноту, машина остановилась. В лунном свете слева стал виден слегка вогнутый подъем, похожий на амфитеатр. Ряды виноградных лоз на деревянных шестах, связанных для прочности проволокой, уходили вдаль. Сэм, Альбрехт и Реми вышли из машины, достали из багажника металлодетектор, прибор ночного видения, лопаты с короткими черенками и острыми штыками, предназначенными для песчаной почвы, и беззвучно закрыли багажник. Сэм наклонился к окну Тибора:

– Ждите нас так, чтобы вас не было видно, и не отключайте телефон. Если увидите, что кто-то идет или что начинает всходить солнце, звоните.

– Впереди лесок. Я подожду там. – Тибор медленно развернулся и исчез в темноте.

Трое перелезли через низкую изгородь и прошли около половины пути по холму-амфитеатру. Здесь Сэм включил детектор и начал поиски. Пригнувшись, чтобы оставаться незаметным, он шел между рядами лоз, останавливался в конце ряда, поворачивал и возвращался по соседнему проходу.

Альбрехт и Реми на противоположных концах рядов пригнулись и в специальные очки смотрели, не появятся ли люди. Время от времени они переходили на инфракрасное видение, чтобы определить тепло тел приближающихся, потом возвращались к обычному ночному. Никаких фонарей они не включали и не издавали ни звука, слышался только ровный шелест листвы от ветра и шорох шагов Сэма между рядами лоз.

Сэм методично двигался от верха полумесяца к плоской равнине. Полумесяц обозначал бывшее русло реки, там вода замедляла течение. Наслоения, принесенные водой, утолщались на середине полумесяца, к концам они становились тоньше.

Вдруг показания металлодетектора изменились. Сэм видел, как пошла вверх стрелка. Он сделал несколько шагов, и стрелка опустилась. Пройдя еще немного, он получил такие же данные. Выпрямившись, он помахал остальным и снова нагнулся. Альбрехт и Реми покинули свои посты и подошли к нему.

– Нашли? – шепотом спросил Альбрехт.

– Это может быть что угодно, – ответил Сэм. – Я знаю только: эта штука металлическая и очень большая.

Реми встала, прошла в конец ряда и вернулась с лопатами. Все немного отошли друг от друга и начали копать. Почва оказалась песчаной. Работа шла успешно, и вскоре они уже были на глубине пяти футов. Теперь, чтобы выбросить почву, ее приходилось поднимать выше плеч. Лопата Сэма звонко ударилась о металл. Минуту спустя Реми наткнулась на ровную твердую поверхность.

Отложив лопаты, они руками принялись убирать землю с металлической плиты. Это был плоский прямоугольник примерно шесть футов длиной и три – шириной. Альбрехт прошептал:

– Ржавчина. Это не чистое железо. Возможно, крышка саркофага.

– Расчистим по сторонам, чтобы лучше видеть, – предложила Реми.

Сэм и Реми принялись копать по бокам плиты, Альбрехт занялся длинной стороной. Они работали молча; волнение заставляло их действовать быстрее и старательнее. Вскоре все они натолкнулись на твердую поверхность по сторонам металлической плиты. Как будто камень.

– Попробуем ее сдвинуть, – сказал Сэм.

Все встали по одну сторону плиты и попробовали сдвинуть ее лопатами. Напряглись, постарались втиснуть штыки лопат под плиту и нажали. Плита сдвинулась на долю дюйма.

– Пошла. Давайте выкопаем рядом яму и сдвинем ее туда.

Они расширили раскоп на три фута и освободили место для плиты, затем снова принялись толкать, но безрезультатно.

– Попробуем иначе. – Сэм выбрался из ямы и подошел к ближайшему ряду лоз; там к деревянным стойкам гвоздями была прибита удерживающая лозы проволока. Он внимательно разглядывал гвозди и некоторые выдергивал пальцами, одни положил в карман, другие вернул в отверстия.

– Сколько тебе нужно? – спросила Реми.

– Тридцать или сорок. Но гнутые не бери.

Альбрехт и Реми принялись помогать ему, и наконец Сэм остановился:

– Этого хватит, чтобы проверить теорию.

Все вернулись к яме.

– Теперь попробуем лопатами приподнять край плиты. Достаточно четверти дюйма.

Они приподняли плиту; Сэм, держа лопату в левой руке, наклонился и начал вставлять гвозди в зазор между плитой и каменным основанием. Вставив один гвоздь, он смог без особого напряжения просунуть еще двадцать. То же самое они повторили с другим концом плиты. Альбрехт похвалил:

– Хорошая теория. Посмотрим, достаточного ли размера ваши ролики.

Сэм наклонился к краю плиты и легко сдвинул ее, используя гвозди как ролики. Все трое в очках ночного видения заглянули внутрь. Альбрехт ахнул:

– Я не ожидал такого! Похоже на каменную комнату!

– Будем надеяться, это не бомбоубежище, – сказала Реми. – И не отстойник.

– Я вижу часть пола, – отозвался Сэм. Он снял ремень и надел его на лопату, застегнув пряжку. – Беритесь за оба конца и держите, а я спущусь и попробую спрыгнуть.

Реми положила руку ему на плечо:

– Сэм, я на восемьдесят фунтов легче тебя. – Она взялась за конец ремня и села на край отверстия, затем оттолкнулась, спустилась, как по канату, на несколько футов и повисла на ремне на вытянутых руках. И прыгнула в темноту.

Они услышали негромкий звук – ее ноги коснулись пола. Реми молча прошла в ту часть каменного помещения, которая им не была видна.

– Реми, не молчи, – попросил Сэм. – Просто мне надо знать, что там нет окиси углерода или старого нервно-паралитического газа.

– Помещение пусто!

– Хочешь сказать, здесь уже побывали грабители?

– Не думаю, – ответила она. – Грабители могил неаккуратны. Постой. Тут валяется один большой кусок железа, такой темный, ржавчины почти нет. И на нем что-то вырезано. Похоже на латынь.

– Моя основная специальность – Древний Рим, – заявил Альбрехт. – Я должен это увидеть.

– Вот. Держите, – Сэм протянул ремень. – Делайте точно, как Реми.

Альбрехт взялся за ремень, сел на край и спустился немного, повис и спрыгнул.

Сэм сложил все три лопаты, обвязал их ремнем, затянул и свесил с угла в отверстие, потом спустился сам.

Стены помещения были сложены из грубых прямоугольных блоков речного песчаника, скрепленных раствором, так что вода в помещение не проникала.

Альбрехт стоял рядом с Реми и смотрел на большой кусок железа, который когда-то обожгли и глубоко врезали в него латинские буквы.

– Можете перевести? – спросил Сэм.

– «Ты нашел мою тайну, но не разгадал ее. Знай же: сокровища погребают в печали и никогда – в радости. Я хоронил сокровища не однажды. Пять раз хоронил я сокровища в могилах. Чтобы найти последнее, ты должен найти первое. Пятое – там, где был потерян мир».

Сэм сказал:

– Реми, у твоего телефона есть вспышка. Сфотографируй.

– Но кто-нибудь может увидеть.

– Ну, если не хочешь тащить этот кусок металла в Сегед, придется рискнуть.

Она сняла очки, подняла телефон и сделала снимок. Потом сказала:

– Пошлю Сельме, как только выберемся на поверхность и установим связь.

И тут они услышали наверху шаги и замолчали, затаив дыхание. Послышался негромкий мужской голос. Кто-то засмеялся, как закашлялся.

Сэм подпрыгнул, ухватился за конец ремня и потянул. Лопаты упали ему в руки с легким металлическим звяканьем, но Сэм надеялся – наверх звук не ушел. Он, Альбрехт и Реми сжались в глубине помещения, подальше от входа, ожидая, что чужаки пройдут мимо или приблизятся к яме и начнут ее рассматривать.

И тут у них на глазах металлическая плита шевельнулась и сдвинулась, а щель, в которую пробивался лунный свет, совсем исчезла.

Глава 10

Кишкунхалаш, Венгрия

Наверху принялись забрасывать плиту землей, закапывая каменный склеп. Вначале земля шумно падала на крышку, потом этот звук ослаб, но было ясно: наверху засыпают проделанное ими отверстие выкопанной землей.

Сэм прошептал:

– Не двигайтесь и старайтесь использовать меньше кислорода.

Трое сидели на полу, прислонившись к каменной стене, и ждали. Прошло полчаса, потом час.

– Ты что-нибудь слышишь? – прошептала Реми.

– Нет. Кажется, они ушли. – Сэм поднялся и встал под плитой. – Думаю, мы сможем выбраться.

– Как? – спросил Альбрехт.

– Мы копали на глубину примерно восемь футов. Ширина ямы восемь футов, длина – десять, то есть ее объем – шестьсот сорок кубических футов. А это помещение шириной десять футов, длиной – десять и десять – глубиной. Это дает тысячу кубических футов. Можно позволить земле падать сюда. Будем разбрасывать ее по каменному полу, а когда поверхность поднимется, выберемся.

– Как просто! – восхитился Альбрехт. – Вы мыслите, как римлянин.

– Надеюсь, они не оставили наверху охрану, – негромко заметила Реми.

Альбрехт ответил:

– Я бы сказал, у нас есть шанс. Мы делаем примерно шестнадцать вдохов в минуту, поглощая около двадцати четырех литров воздуха. Лучше начать.

– Верно, – согласилась Реми. – Давайте поднимем Сэма, чтобы он дотянулся до плиты.

– Нет, – возразил Сэм. – Чтобы поднять меня, нужны вы оба, а я могу один поднять вас обоих. Я упрусь в стену, а вы встанете мне на колени, потом на плечи. Протолкните штыки лопат между стеной и металлической плитой и постарайтесь сделать отверстие в один-два дюйма. Этого хватит.

– Он прав, – поддержал Альбрехт. – Вдвоем мы сделаем больше, чем он один.

Сэм выбрал место, уперся спиной в стену и опустился на колени. Альбрехт и Реми разулись. Альбрехт взял лопату и встал Сэму на ногу, а потом на плечо. Реми – на вторую ногу и плечо. Они вставили лопаты в

щель между плитой и каменным входом. Чтобы рычаг действовал сильнее, они взялись за самые концы черенков. Реми произнесла:

– На счет три. Один… два… три.

Сэму не пришлось ждать, чтобы разобраться, сработает ли его план. Тонкая песчаная почва, которая делала это место таким подходящим для винограда, немедленно начала сыпаться в узкое отверстие. Вскоре она сыпалась непрерывной лентой прямо у них перед глазами.

Реми спрыгнула с плеча Сэма и помогла спуститься Альбрехту. Сэм выпрямился и отступил от падающей земли. Когда ссыпавшаяся груда поднималась на фут, ее разбрасывали по помещению. Шли минуты, уровень пола продолжал повышаться, и, ступая на него, они поднимались все выше к отверстию.

Земля заполняла помещение, и оставалось все меньше места для воздуха. Когда насыпавшийся слой приподнялся на четыре фута, Сэм взял лопату и стал ее штыком расширять отверстие между камнем и металлической плитой; он скреб по сторонам щели, и вниз падало все больше земли.

Реми спросила:

– Что ты делаешь?

– Пытаюсь ускорить процесс, пока воздуха не стало слишком мало. Я расчистил несколько дюймов и освободил место, туда мы теперь можем сдвинуть плиту.

Трое встали в футе друг от друга и принялись лопатами сдвигать плиту. Плита поехала на роликах, закрыла сделанное ими отверстие и продвинулась дальше. По другую сторону появилось более широкое отверстие, и земля посыпалась быстрее.

– Отдохните, – предложил Сэм.

Реми и Альбрехт сели, а Сэм принялся разбрасывать землю. Теперь поверхность поднималась быстрее. Когда до потолка оставалось четыре или пять футов, поток остановился. Сэм поднял лопату и штыком убрал последний слой земли. В отверстие ударил солнечный луч, осветив частички пыли в воздухе.

Все сняли инфракрасные очки и моргали от солнечного света. Все прислушались, но звуков людей наверху не было. Изредка щебетали птицы, перелетая с лозы на лозу. Склеп наполнился свежим воздухом.

Все собрались под отверстием и начали расчищать место для плиты. Когда плиту откатили, появилась возможность Реми выбраться. Она вылезла наружу и крикнула вниз:

– Тут еще раннее утро! Я никого не вижу. Дайте лопату!

Сэм просунул инструмент в отверстие, и Реми поработала, а потом скомандовала:

– Продвиньте плиту еще на несколько дюймов.

Сэм и Альбрехт еще подвинули плиту и смогли выбраться сами.

– Не могу поверить, – охнул Альбрехт. – Мы выбрались!

Они принялись забрасывать плиту землей, но ее было мало. Сэм осмотрелся.

– Слышите?

– Машина, – ответила Реми.

Все нырнули в углубление. Реми высунула голову и посмотрела.

– Подождите. Это же такси Тибора!

Машина подъехала, вышел Тибор и спросил:

– Почему вы не позвонили? Нашли?

– Объясним позже, – ответил Сэм. – Сейчас давайте уносить ноги отсюда. И не в сторону Сегеда.

Все сели, и машина тронулась:

– Поеду другой дорогой, через Будапешт.

– Отлично, – одобрил Сэм. – Нам нужно понять, что означает это послание. Мы их опережаем. Эти люди начнут раскапывать помещение, надеясь, как и мы, найти могилу.

– А там не могила? – спросил Тибор.

– Там больше, чем могила, – ответил Альбрехт. – Гораздо, гораздо больше. Далеко до Будапешта?

– Около пятидесяти миль. Доедем за час, если наддать.

– Тогда наддайте, – сказал Сэм. – По дороге все расскажем.

Глава 11

Дорога в Будапешт, Венгрия

Тибор намного превышал разрешенную скорость, но ранним утром других машин почти не было. Альбрехт сидел рядом с Тибором на пассажирском месте, супруги Фарго – на заднем сиденье.

– Мы с Реми хотим поискать эти пять сокровищ, – сказал Сэм. – Не хотите примкнуть?

– Это дело всей моей жизни, – ответил Альбрехт. – Конечно, я участвую.

– Пять? – переспросил Тибор. – Пять сокровищ? Я пять раз за.

– Но как нам продолжать? – спросил Альбрехт.

Сэм ответил:

– Я уже немного об этом подумал. Прежде всего нужно расшифровать найденное послание и убедиться, что мы его верно поняли.

– К счастью, это всего лишь латынь. – Альбрехт взял газету, оставленную Тибором, и записал на полях перевод: «Ты нашел мою тайну, но не разгадал ее. Знай же, сокровища погребают в печали и никогда – в радости. Я хоронил сокровища не однажды, а пять раз. Чтобы найти последнее захоронение, следует найти первое. Пятое – там, где был потерян мир». Здесь он говорит о самом последнем своем сокровище.

– Где это может быть? – спросила Реми. – Место, где был потерян мир?

– Есть несколько хороших вариантов, – ответил Альбрехт. – Помните, для Аттилы мир означает пространство между Уральскими горами и Атлантическим океаном.

– Давайте позвоним Сельме, – предложила Реми. – Может, она вместе с Питом и Венди сумеет разобраться. – Она нажала кнопку на своем телефоне.

Раздался гудок, потом голос Сельмы:

– Привет, Реми!

– Привет, Сельма! Прошу вас принять участие в очень важном обсуждении. Получили латинскую надпись, я вам послала ее электронной почтой?

– Да, – ответила Сельма. – Похоже на головоломку, на ее начало. Вы собираетесь отправиться за всем этим?

– Да, – сказал Сэм. – Прежде всего нам нужно знать, где «мир был потерян». Альбрехт сейчас нам сообщил, что есть несколько вариантов. Продолжайте, Альбрехт.

– Ну, конечно, если Альбрехт… – начала Сельма.

Альбрехт перебил:

– Мы позвонили, чтобы вы подтвердили факты, и, конечно, нам нужно ваше мнение. Знание истории и ее принципов дает нам определенное преимущество. Но мистер Бако много десятилетий одержимо изучал жизнь Аттилы, поэтому, вероятно, знает огромное количество деталей. В обычной жизни любитель и профессионал могут стать сильными конкурентами.

– Вы сказали, что двояко толкуете фразу «мир потерян», – напомнила Реми. – Каковы они?

– Во-первых, это битва 451 года, во Франции у Шалон-ан-Шампани, в которой Аттила сражался с римлянами. Гунны прошли на запад через всю Германию и большую часть Франции, грабя и разрушая города. Предводительствуемые Флавием Аэцием римляне со многими союзниками попытались остановить продвижение гуннов, поэтому противники встретились на равнине у Шалона. Обе стороны потеряли много людей, но победителя не оказалось. Это место, куда Аттила дальше всего прошел на запад. Одержи он победу, Париж бы захватили – а затем, возможно, всю Францию. И правил бы Аттила огромным пространством от Урала до океана.

– А во-вторых? – спросила Сельма.

– Эта история немного сложнее, – продолжил Альбрехт. – Началась она на год раньше, в 450 году. Гонория, сестра римского императора Валентиниана Третьего, жила в изгнании в Константинополе, восточной римской столице, потому что шестнадцати лет от роду забеременела от слуги. Ей предстояло выйти замуж за римского сенатора, которого она не любила. И она решила просить о спасении гунна Аттилу. Тот определенно усмотрел в этой просьбе брачное предложение. Он верил: брак принесет ему в приданое половину Римской империи.

– А Гонория хотела именно этого? – спросила Реми.

– Вряд ли это имело значение, потому что ее брат Валентиниан не собирался такого допускать. Он поспешил вернуть сестру в Западную Римскую империю, в Равенну, к своему двору. Аттила с войском двинулся на юг, вошел в Северную Италию и захватил Падую, Милан и много других городов. Во главе огромной армии затем отправился в Равенну, заставив Валентиниана и его двор бежать в Рим.

– Аттила пошел за ним?

– Да. Но южнее озера Гарда, у Мантуи, с ним встретилось посольство. Его составляли знатные римляне, а возглавлял его Римский Папа Лев Первый. Они умоляли Аттилу о милосердии, просили пощадить Рим. Историки говорят, что Аттила повернул назад, в Венгрию.

– И это все?

– Я же сказал, история сложная. Северную Италию Аттила захватил почти без сопротивления. Он не был христианином и не прислушался бы к просьбе Папы. Италия лежала у его ног. У римлян в тот момент не было армии, сравнимой с армией гуннов. Конечно, именно размеры этой армии сделали невозможным завоевание Рима. В Италии тогда царил страшный голод. К тому же свирепствовала эпидемия. Источники позволяют предположить – это, вероятно, была малярия. Если бы Аттила пошел дальше на юг, ему нечем стало бы кормить армию, а многих выкосила бы болезнь. Поэтому он ушел, но собирался вернуться.

– И вы считаете, это и есть место, «где был потерян мир»?

– Да, – подтвердил Альбрехт. – Он уже получал ежегодную дань от Восточной Римской империи. И контролировал бо€льшую часть Европы, от Урала до середины Франции. Если бы он захватил Западную Римскую империю и при этом узаконил свое положение браком с сестрой императора, с его точки зрения он покорил бы весь мир.

– Альбрехт специалист, но если мое мнение чего-то стоит, то я искренне с ним согласен.

– Это год спустя после битвы во Франции, – сказал Сэм. – Полагаю, в конце жизни он не назвал бы битву своей последней потерей и не обратил бы внимания на то, что не взял Рим, хотя тот сам шел к нему в руки.

– Совершенно верно, – согласился Альбрехт. – Битва во Франции, окончившаяся вничью, очень важна. Но завладеть Римом означало завладеть миром.

– Аттила говорит, что закопал сокровище. Значит, оно в Италии.

– Место, где был потерян мир, – скорее всего там, где он остановил свою армию и повернул домой, – снова заговорил Альбрехт. – Мы тщательно исследуем этот вопрос, но это, должно быть, недалеко от озера Гарда вблизи Мантуи.

– Хорошо, – отозвался Сэм. – Теперь начинается гонка. Арпад Бако раскопает склеп в надежде найти наши трупы. А найдет сообщение, прикажет его перевести и направится туда же, куда и мы.

– Если так же поймет сообщение, – добавила Реми.

– Правильно. Так каков план? – спросил Тибор.

– Тогда оснований заполучить Альбрехта у Бако теперь еще больше, чем раньше, – начал излагать Сэм. – Истолкование древних записей становится критически важным. Поэтому мы отправим ближайшим рейсом Альбрехта в Калифорнию, чтобы он мог работать вместе с

Сельмой в нашем исследовательском центре в Ла-Холье. Для нас чрезвычайно важно каждый час знать, где Арпад Бако и его люди и что они делают. Единственный из нас, кто может это узнавать, – Тибор; поэтому он вернется в Сегед и подберет себе помощников. Мы с Реми самолетом полетим из Будапешта в район к югу от озера Гарда и начнем поиски. Есть другие предложения?

– Нет, – ответил Альбрехт. – Все правильно.

– Для меня будет честью работать с вами, Альбрехт, – произнесла Сельма. – Хорошо, господа. Билеты будут ждать вас в Будапеште, в аэропорту Ферихедь. Кроме вас, Тибор. Может, я слишком самонадеянна, но лучше бы вам добраться домой другим путем.

– Спасибо, Сельма. Я так и сделаю.

– И, Сельма…

– Да, Сэм?

– Постарайтесь переслать Тибору спутниковый телефон с записанными вашим и нашими номерами.

– Сделаю немедленно, – послышалось стремительное щелканье клавиш. – Заодно, раз уж я этим занялась, пришлю новые телефоны и вам.

– Хорошая мысль, – улыбнулся Сэм.

– И не забывайте, – предупредила Реми. – Несколько часов назад люди Бако пытались похоронить нас заживо. Нужно постоянно оглядываться.

Глава 12

Сегед, Венгрия

Арпад Бако сидел в своем кабинете, с видом на Тису и на мост. За мостом он наблюдал огни города Сегеда. Ему казалось, что каждый раз, когда он смотрит на огни, те становятся ярче и все больше удаляются. Он был в хорошем настроении и даже подумал: «Надо бы устроить какой-нибудь праздник. Такие моменты нельзя упускать. Габор Шекели и его люди принесли хорошие новости с виноградника на 53-й дороге у Кишкунхалаша».

Американской паре и Альбрехту Фишеру каким-то образом удалось разобраться в изгибах и поворотах Тисы, исчезнувших со времен Аттилы, и найти могилу! Шекели получил сообщение от своей группы наблюдения в три часа ночи, но у него хватило ума подождать в доме Бако до семи утра, когда тот проснулся.

Группа наблюдения преследовала седан Тибора Лозара до самого виноградника, используя маячок, который сумели прицепить к его машине. Наблюдателям удалось догнать машину и обнаружить Фишера и супругов Фарго в могиле Аттилы. Они быстро приняли решение – не стали их вытаскивать, просто опять закрыли отверстие тяжелой металлической плитой, засыпали землей и уехали. Теперь нужно подождать: пусть люди в могиле задохнутся.

Бако с трудом верил в свою удачу. Ему достались могила Аттилы и величайшие в древней истории сокровища. А еще в этой могиле смогли замуровать единственных людей, способных помешать ему завладеть сокровищами. Сегодня ночью Арпад Бако выиграл главный в своей жизни приз. Но вот уже опять вечер. Где Шекели пропадает так долго?

Зазвонил телефон. В тишине кабинета звук казался очень громким. Бако достал телефон из кармана пиджака.

– Да?

– Это Габор Шекели, господин Бако.

– Хорошо. Я жду.

– Новости… неожиданные, – начал Шекели. – Мы разрыли могилу… она почему-то заполнена землей. Мы начали копать, привлекли больше людей и всю землю вынули. Нет ни сокровища, ни тела Аттилы. И никогда не было. Люди Аттилы закопали там металлический лист с латинской надписью. Я сфотографировал надпись и послал вам снимок по электронной почте.

Бако повернулся на стуле, включил компьютер и спросил:

– Где Фарго и профессор Фишер?

– Их там не было, сэр. Наверно, сумели освободиться. Это объясняет, почему подземное помещение завалено землей. Когда помещение заполнилось, они…

– Если вы уверены, что там больше ничего нет, снова завалите склеп землей, чтобы никто его не мог найти. Не дай бог, если еще кто-то возьмется искать могилу.

– Да, господин.

– А потом приезжайте сюда, в мой кабинет. У меня будут для вас новые распоряжения.

– Да, господин.

Бако увидел присланное Шекели электронное письмо «без темы», открыл его, скачал приложение, и появился снимок. Он увеличил фото до размеров двухфутового экрана. Грубая потемневшая поверхность была глубоко изрезана, и отчетливо виднелись буквы. Бако учился в отличной школе. Конечно, вряд ли он наслаждался чтением трудов Ливия и Светония, но данный текст был написан примитивным латинским языком солдат. Бако смог сам перевести:

– «Ты нашел мою тайну, но не разгадал ее… Пятое – там, где был потерян мир». – Бако рассмеялся и нанес удар кулаком в воздух над столом. – Пять сокровищ!

Он станет одним из богатейших людей в Европе. В голове роились мысли. Конечно, он знает, где был потерян мир. Все знают. Там потерпел поражение Аттила, поле битвы, на котором Аэций вместе с визиготами остановил продвижение Аттилы к Риму.

Тут он вспомнил кое-что неприятное: его враги были заперты в каменном мешке вместе с сообщением, нацарапанным на металлическом листе. Но выбрались оттуда живыми. И теперь торопятся к Шалону. Нельзя терять ни минуты!

Бако взял телефон и набрал 33 – код Франции, а потом частный номер. Номер телефона Этьена Леклерка.

– Алло?

– Этьен!

– Привет, Арпад, – устало отозвался тот. – Я ужинаю. Что случилось?

– Есть уникальная возможность. Я установил местонахождение одного из кладов Аттилы. Он там, где ты без труда сумеешь мне раздобыть его. Но туда уже торопятся другие люди, чтобы забрать клад первыми.

– Значит, ты собираешься выиграть гонку усилиями местного уроженца? Сколько я за это получу?

– Треть сокровищ, но я должен увидеть все целиком – что будет найдено, – до того, как мы его разделим. – Бако живо представил себе, как Этьен Леклерк пожимает плечами.

– Oui, bien sûr[7]. Но мне нужна точная информация, где этот клад. Не собираюсь перекапывать половину Франции. Сколько конкурентов и кто они?

– Американская супружеская пара Сэм и Реми Фарго. Охотники за сокровищами, любители. К ним присоединился немецкий профессор археологии по имени Альбрехт Фишер. Я пошлю тебе по мейлу их фотографии. И еще венгр, водитель такси Тибор Лазар. Вряд ли

привлекут еще кого-нибудь, они обязательно приедут во Францию забрать сокровища и исчезнуть.

– Где же найти эти сокровища?

– Сначала скажи, ты согласен? Принимаешь мои условия?

– Мы вместе все посмотрим и разделим пополам.

– Я сказал – одна треть!

– Ты сказал «разделим». Для меня это значит – разделим поровну. Я беру на себя весь риск и выполняю всю работу. И делаю это на территории своей страны.

– Хорошо. У нас нет времени на споры, а денег там столько – нам за всю жизнь не потратить. Бери половину. Но все тобой узнанное должно оставаться тайной.

– Oui.

– Сокровище погребено на месте битвы на Каталаунских полях близ Шалон-ан-Шампани. Ищи закопанный склеп на восточном склоне высокого каменного выступа посреди поля близ Марны. Могилу может обнаружить металлоискатель.

– Сделаю, дружище. Когда добудем сокровище, я тебе позвоню.

– Ладно, – согласился Арпад. – А когда появятся Фарго и остальные, решите и эту проблему.

– Досадно будет, если они погибнут от несчастного случая… впрочем, и так бывает. Если это произойдет, я рассчитываю на дополнительную денежную компенсацию. Люди, способные на такие «подвиги», стоят недешево.

– Буду ждать. Спасибо, Этьен. – Бако закончил разговор и положил телефон во внутренний карман пиджака. Он чувствовал себя великим полководцем, который только что отправил на дальний фланг битвы отряд иностранных наемников, искусно перехитрив противника. А заманив того в ловушку, начнет действовать решительно, даже жестоко, как Аттила.

Он подумал об Этьене Леклерке. Настоящий гангстер, а не законопослушный бизнесмен. Зарабатывает несколькими видами деятельности – Бако знает какими: отмывание денег, переплавка украденных драгоценностей в золотые слитки, торговля краденым, подделка нескольких валют и обмен их на евро, контрабандный ввоз поддельных лекарств Бако из Венгрии во Францию. Наверняка есть и другие дела, о чем Бако не знает. У Леклерка десятки приспешников,

дилеры, контрабандисты и просто гангстеры, и все они во Франции, недалеко от места битвы, где был потерян мир.

Великие завоевания достигаются не одними сражениями, но довольно часто умными союзами. Аттила понял бы это и узнал в нем родственную душу, достойную называться его наследником.

Глава 13

Верона, провинция Брешия, Италия

Сэм и Реми прилетели в Рим, а оттуда в Верону. Они забрали машину, заказанную для них напрокат Сельмой, и проехали тридцать миль к западу от города до курортного поселка Пескьера-дель-Гарда на южном берегу озера Гарда. Когда приехали, Реми отложила путеводитель, который читала в пути, и предложила:

– Давай выйдем у пристани и прогуляемся.

Южный конец озера окружали пологие холмы. Перед большой пристанью мягко покачивались изящные яхты, их алюминиевые мачты напоминали стрелки метрономов. Сэм и Реми слышали тихий шелест оснастки под теплым летним ветерком. Маленький городок действительно имел вид отпускника. Если смотреть отсюда, он словно весь состоял из яхт и отелей.

– Что пишут в путеводителе? – спросил Сэм.

– Озеро – самое большое в Италии, тридцать пять миль в длину. Верхний конец окружен горами, но здесь, внизу, много пляжей. Вода поступает сюда с севера, а вытекает тут, у Пескьера-дель-Гарды, в виде реки Минчо, которая дальше впадает в реку По.

– Значит, мы близко, – отметил Сэм. – В тексте, пересланном нам по электронке Альбрехтом, говорится: Папа Лев Первый с посольством встретился с Аттилой южнее озера Гарда, где река Минчо впадает в По.

Они прошли по каменистому пляжу мимо нескольких причалов и кафе. Здания здесь были преимущественно двух– и четырехэтажными, старыми, выкрашенными белой, розовой и желтой красками. Вокруг старой границы города проходила кирпичная, шестнадцатого века, стена с дорожкой по верху. За стеной они увидели парковку и сад, где цветами было написано «Пескьера-дель-Гарда», а за ним располагался пешеходный квартал с кафе и магазинами.

– Как будем искать место? – спросила Реми.

– Обычным способом. Начнем с того, что здесь существовало в 452 году.

– Город основан в первом веке, так что, когда явился Аттила, поселению уже стукнуло триста лет.

– Тогда это была деревушка на берегу озера. И тут как гром среди ясного неба появляется гунн Аттила с огромным войском всадников. По пути сюда он опустошил всю Северную Италию.

– Жители, наверно, начали спасаться бегством и не присматривались к нему, – заметила Реми. – Я бы точно не стала.

– Я тоже. Тогда беженцы основали Венецию. Люди прятались на острове от пришедшего с севера Аттилы. А когда он ушел, остались там.

– Ну, ладно, умник, – продолжила Реми. – Окрестные города изменились. Но местность, где река вытекает из озера, должна быть прежней.

– Логично.

– Итак, Аттила и его пятьдесят или сто тысяч воинов с их лошадьми и фургонами явились на юг с добычей, награбленной на севере Италии. Они разбили лагерь к югу отсюда, там, где Минчо впадает в По. Затем сюда прибыло римское посольство, которое возглавляли Папа Лев, консул Авин и префект Тригеций. Что сказали друг другу стороны, так и осталось неизвестным. Все рассказы об этом – только предположения. Тогда в Италию пришел голод, гунны не могли разжиться пищей. К тому же бушевала эпидемия, многие воины заболели. Марций, новый император Восточной Римской империи, начал наступление на Дунае, угрожая крепостям гуннов. По этим причинам Аттила и его люди вернулись на север, отказавшись от замысла отобрать Гонорию у брата и получить власть над Римской империей.

– Подумаем минуту, – начал Сэм. – Он возвращается домой, но надеется через год-другой вернуться и завоевать Рим. Он нагружен добычей из Северной Италии. И приберегает сокровища для снабжения войска в следующем походе. Где можно их спрятать?

– Там, где его лагерь, – ответила Реми. – Там, где он дальше всего зашел на юг. Это и есть отличное место для спокойного тайного сокрытия сокровищ. А если он хочет использовать их для снабжения армии, то лучше всего годится дорога на Рим.

– Верно.

– Итак, договорились. Это там, где Минчо впадает в По?

– Полагаю, да. Точка его поворота и должна быть местом, где он потерял мир.

– Начнем с западного берега Минчо. Если спускаться от озера Гарда, эта сторона менее гористая, так что таков более разумный путь.

– Хорошо, – согласился Сэм. – Пойдем-ка зарегистрируемся в отеле. По дороге скажем Сельме, пусть вышлет нужное нам оборудование.

На пути к машине Реми позвонила Сельме в Калифорнию, включила громкую связь.

– Привет, Реми!

– Привет, Сельма! Мы в Пескьере-дель-Гарда и, пожалуй, знаем, где начать поиски. Но нам нужен ручной магнитометр и хороший металлоискатель.

– Ждут в вашем отеле. Я заказала по две штуки.

– Спасибо, Сельма, – поблагодарила Реми.

– Я увидела снимок большой металлической плиты и поняла: вам понадобится металлоискатель. Если нужно что-нибудь еще, дайте знать.

– Дадим. Альбрехт уже прибыл?

– Еще нет. Самолет прилетает через два часа. Пит и Венди встретят его. Мы приготовили для него комнату и установили компьютер.

– Спасибо, Сельма, – произнес Сэм. – Приступим к поискам сегодня же во второй половине дня.

Реми добавила:

– Если что-нибудь найдем, сразу позвоним. Бако еще ничего не предпринимал?

– В данную минуту вы в безопасности. Тибор сообщил: Бако и его люди в Сегеде. Если они поняли смысл сообщения, то не торопятся лететь в Италию.

– Это лучшая новость дня, – улыбнулась Реми.

– Рада помочь. Позвоню, если что-нибудь изменится, – и Сельма повесила трубку.

Фарго поехали в отель – белое здание, окруженное яркими пляжными зонтиками, отчего казалось, будто они в нескольких милях от Адриатического моря. Зарегистрировавшись и осмотрев снаряжение, Сэм и Реми отправились к портье, сорокалетней женщине в сшитом на заказ костюме с логотипом отеля на левом лацкане.

– Чем могу помочь? – спросила она, блеснув стеклами слегка тонированных очков.

– Мне известно, в этой области много велосипедных дорожек, – сказал Сэм. – Нет ли такой дорожки вдоль реки Минчо?

– О да, есть, – ответила портье. – Она начинается там, где река вытекает из гавани и идет до Мантуи и дальше. Я сама много раз по ней ездила, ее длина примерно двадцать пять миль.

– Вы говорите «дальше». Что это значит? Насколько дальше?

– Естественная стоянка у Мантуи, там, где река превращается в три озера. Но можно проехать еще восемь миль до впадения Минчо в По. – Портье достала из верхнего ящика стола карту и протянула Сэму. – Здесь отмечен велосипедный маршрут и показано, куда нужно ехать.

– Спасибо, – сказал Сэм и слегка поклонился. – Mille grazie[8].

Женщина рассмеялась:

– У вас хороший итальянский. Узнав эти места, вы не захотите возвращаться домой.

– Я стараюсь быть хорошим гостем, – ответил он портье, а Реми сказала:
– Давай раздобудем велосипеды.

Сверяясь с картой, они прошли вдоль старого канала к магазину велосипедов. Вначале им показалось – товар рассчитан только на профессиональных гонщиков. Но увидев, что Реми прошла мимо велосипеда за три тысячи евро и спросила что-нибудь более удобное для езды, хозяин показал практичный горный велосипед с толстыми узловатыми шинами и удобным седлом. Руководствуясь его советами, они выбрали себе пару, рюкзаки и солнцезащитные козырьки. Сэм купил также различные аксессуары: фонарики, отражатели и другие мелочи, которые крепятся к велосипедам, а также портативную сумку с необходимыми инструментами.

На новых велосипедах они вернулись в отель, завели их в лифт и подняли в номер. Здесь Сэм прикрепил к ним магнитометры таким образом, чтобы наблюдатель не заметил в машинах ничего необычного. Телескопические стержни магнитометров выглядели как укрепленные рамы, только сенсоры на несколько дюймов выдавались над рулем.

Затем Сэм достал из упаковочных ящиков металлоискатели, но не стал собирать их, а положил в рюкзаки.

Пока они готовились в путь, зазвонил телефон. Сэм включил громкую связь.

– Да?

– Сэм, это я, Альбрехт.

– Вы уже в Калифорнии?

– Да. Я в вашем доме, с Сельмой. После того как мы расстались, я стал изучать спутниковые снимки и аэрофотосъемку нужного вам места и перепроверил некоторые письменные источники.

– И что можете сообщить?

– Существует несколько версий этой истории, но кое-что мы знаем точно. Во-первых, Аттила оставил в Северной Италии следы разрушений и спускался по западной стороне. До 1930 года на восточной стороне не существовало дорог, данный тракт показывает, какой была местность.

– Реми догадалась, – сказал Сэм. – И поскольку гунны не вели исторических записей, мы полагаем, что самые надежные источники – люди, сопровождавшие Папу Льва. Они перечисляют города, разграбленные и разрушенные Аттилой. В их списке Мантуя – последний.

– Лев встретился с Аттилой там, где Минчо впадает в По. Папа прибыл с юго-востока и, поскольку он был просителем, явился в лагерь Аттилы.

– Как узнать, где располагался этот лагерь?

– Ваши координаты 45 градусов 4 минуты 17,91 секунды северной широты и 10 градусов 58 минут 1 секунда восточной долготы. Войско Аттилы насчитывало от пятидесяти до ста тысяч всадников. Это означает не менее ста тысяч лошадей и бесчисленное множество коров, овец и коз. Они растянулись бы для водопоя и пастьбы вдоль всей реки. Лагерь должен был размещаться на обширном ровном месте, но в то же время приподнятом, чтобы не затапливало.

Заговорила Сельма:

– Вероятно, лагерные шатры раскинулись в двухстах ярдах от слияния рек: они уходят по северному берегу По на запад.

– Почему по северному берегу? – спросила Реми.

– Аттила пришел с севера и знал, что за ним не гонятся никакие войска. Единственная возможная угроза – римская армия на юге, поэтому он хотел, чтобы река послужила преградой между ними.

– Хорошо, – согласилась Реми. – Северный берег По, к западу от Мантуи. Плоская местность, искать ее самую высокую точку.

– Правильно, – отозвался Альбрехт. – Мы все еще пытаемся понять, как люди Аттилы сумели тайно закопать сокровища.

– У нас есть ряд соображений, – сказал Сэм. – Дадим вам знать, если они подтвердятся. Каковы последние сведения об Арпаде Бако?

– По-прежнему никаких передвижений. Тибор определенно утверждает, что Бако, как обычно, утром отправился в свой офис и вернулся днем пообедать. С ним четверо охранников.

– Прекрасно. Сообщите, если что-нибудь изменится. Сейчас Бако уже, наверное, знает содержание надписи в ложной могиле и начал действовать.

– Может, он в этом уступает нам, – предположила Сельма.

– Надеюсь, не превосходит.

– Нам пора, – заметила Реми.

– Я слышала, – ответила Сельма. – Будем ждать новостей.

На следующий день рано утром Сэм и Реми оделись как туристы – шорты, футболки и спортивная обувь, солнцезащитные очки и козырьки. И через пять минут ехали по дороге к реке Минчо.

Вдоль реки проходила старая ровная тропа-бечевник, очень удобная для езды на велосипеде. Сэм и Реми ехали с десятками других велосипедистов, наслаждаясь красотой и города, и ландшафта Ломбардии, ровными полями по соседству, низкими пологими холмами поодаль, рядами деревьев по берегам реки. Дома строились, должно быть, еще в Средние века, повсюду виднелись виноградники с лозами на подпорках. Велосипедисты остановились в приятном месте на берегу реки и устроили пикник.

В час тридцать дня добрались до озера Лаго-Супериоре – Верхнего, первого из трех озер, и по его южному берегу проехали в центр Мантуи. Нашли уличное кафе, где можно было получить кофе и печенье, оттуда виднелось второе озеро – Лаго-ди-Меццо – среднее, потом по мосту Виа-Ланьяско проехали до дороги 482 – Виа-Осталья.

– Еще восемь миль, – отметила Реми. – Великолепно! Я совсем не устала.

– Мне пришло в голову, мы все время едем вниз по течению, – сказал Сэм. – Тебе это ни о чем не говорит?

– Говорит. Обратно в Пескьера-дель-Гарда придется подниматься, – ответила Реми. – Или искать другую дорогу.

Через час легкой езды они увидели цель. Река По течет с запада на восток и значительно шире Минчо. По обоим берегам Минчо, насколько хватало глаз, тянулись возделанные зерновые поля и огороды, только у

самого слияния поле было распахано, но не засажено. По обоим берегам реки росли деревья.

Сэм и Реми сошли с велосипедов и начали осматриваться.

– Удачное место, чтобы оставаться незамеченным, – подметила Реми. – Я не вижу даже построек на той стороне. Альбрехт велел оставаться на западном берегу Минчо севернее По. Остается только найти лагерь полуторатысячелетней давности.

– Дай минуту, я сверюсь с джи-пи-эс. – Через минуту Сэм сказал: – Мы на месте. Им нужно было поить лошадей из реки. Будь я варваром-всадником, то очень заботился бы о своих лошадях. – Он отвернулся от реки и посмотрел на поле. – От пятидесяти до ста тысяч воинов-гуннов – это не меньше двухсот тысяч лошадей. Трудно даже представить, как это выглядело. Ряды лошадей, если всех выстроить вдоль реки, тянулись бы несколько миль.

Реми прислонила велосипед к стволу ближайшего дерева, встала на нижнюю раму, потом на седло и подтянулась к нижней большой ветви, потом добралась до второй и остановилась.

– Что ты видишь? – спросил Сэм.

– Отсюда кажется – самая высокая часть поля вон там. – Она показала на чуть приподнятую сторону поля в ста ярдах от них.

Сэм подошел и помог ей спуститься, потом выдвинул стержни магнитометров так, что сенсоры на три фута выступали за рули, а шкала располагалась у руля и ее легко было увидеть. Они пошли вверх по склону.

День уже клонился к вечеру, и солнечные лучи косо падали на поле. Фарго на ходу смотрели на магнитометры и следили за колебаниями напряжения поля. Колебаний почти не было, пока они не подошли к самой высокой части поля – почти холму. Тут стрелки подпрыгнули.

– Видел? – спросила Реми.

– Да, – ответил Сэм.

Они остановились. Сэм предложил:

– Давай посмотрим, большое ли оно.

Реми положила велосипед, чтобы отметить место, где возникли колебания, и вместе с Сэмом, который вел свой велосипед, прошла несколько ярдов.

– Здесь, – решил он и положил велосипед.

Они шагами измерили расстояние, потом положили вместо велосипедов свои солнцезащитные козырьки. Провели велосипеды по перпендикулярной тропе.

– Десять шагов на пятнадцать, – подвела итог Реми.

– У меня то же самое. Примерно двадцать на тридцать футов. Попробуем металлоискатель. – Сэм достал из рюкзака Реми металлоискатель, собрал его и принялся расхаживать по отмеченному ими пространству.

Прибор издавал металлическое гудение, потом запищал – звук не прерывался и не менялся, пока Сэм обходил отмеченное место.

– Большое, – сказала Реми. – Гораздо больше первой камеры. План А или план Б?

– Надо отметить это место, чтобы мы легко могли его найти, вернуться в Пескьера-дель-Гарда и подготовиться к ночным раскопкам.

– Как мы сможем уберечь груду золота в двадцать-тридцать шагов?

– В нашем распоряжении судоходная река.

– Ага, план А.

Сэм отметил место, сняв сенсоры и уложив на землю длинный алюминиевый стержень.

В лучах заходящего солнца, а потом в темноте они на велосипедах вернулись в Пескьера-дель-Гарда.

Уже в номере, после ванны они позвонили по защищенному сотовому номеру Тибору, тот сразу отозвался:

– Да, Сэм.

– Нам нужны те трое парней из команды нашей лодки на Тисе. Они должны приехать в наш отель в Мантуе завтра на закате.

– У вас есть лодка? – спросил Тибор.

– Нет, но завтра к вечеру будет.

– Парни приедут.

– Спасибо, Тибор.

– Пойду поговорю с ними. До свидания, Сэм!

Сэм и Реми снова позвонили портье и, пока она заказывала им столик в лучшем ресторане Мантуи, проехали двадцать пять миль до города, чтобы купить подходящую одежду для ужина в ресторане. Начали они с

легкого летнего костюма от Армани для Сэма, а в «Фолли-фолли» Реми купила простое, но поразительно элегантное жаккардовое платье «Фенди» без рукавов, с золотой отделкой на поясе. Они переоделись в купленное, оставили повседневную одежду в багажнике машины, припаркованной у городской стены, и десять минут шли к «Очина Бьянка», ресторану на севере от центра города.

Заказали пасту, миланское ризотто, обильно приправленное шафраном, в качестве основного блюда – оссобуко, и выбрали вино «Фельсина Фонталлоро 2004» с тосканских виноградников.

– Все здесь замечательное, – радовалась Реми. – Давай бросим монетку, чтобы решить, кто пойдет в кулинарную школу, чтобы у нас и дома было так же.

– Кухня не мой конек, – ответил Сэм. – Считай меня своим диетологом и учителем. Я просто помогаю тебе набраться сил перед завтрашней ночью, когда начнется настоящая работа. Я полагаю, тебе нужен десерт. Тут есть местный деликатес, под названием саббиоза – торт из сливы в пиве «Гиннесс». Как это может быть невкусным?

– Не знаю. А вдруг?

– Я готов даже съесть кусочек, чтобы убедиться: десерт соответствует твоим стандартам.

– Ну конечно.

После ужина в Мантуе они дошли до городской стены, сели в машину и по сельской дороге поехали к озеру Гарда.

– Я довольна нашим вечером в ресторане, – произнесла Реми.

– Правда?

– Да. Завтра ночью, если в это время придется махать лопатой в глубокой яме, я смогу напомнить себе – в мире есть не только грязь и тяжелая работа, но и превосходное ризотто.

– И превосходная напарница.

– Как это у тебя ловко получается, – заметила Реми. – Надо построже следить за тобой, вдруг ты отпускаешь такие же комплименты другим женщинам.

– Пожалуйста, следи, – ответил Сэм. – Мне нравится внимание.

– Это я знаю. – Она наклонилась, поцеловала его в щеку, и они вернулись в свой отель в Пескьера-дель-Гарда.

Глава 14

Место слияния рек По и Минчо, Италия

На следующий день Сэм и Реми снова оказались в поле только в десять вечера. На сей раз они приехали на машине. Сэм свернул с дороги, поставил автомобиль под деревьями и прикрыл брезентом, чтобы скрыть его форму. На них с Реми была темная одежда; в руках – лопаты, ломы, фонарики, веревки и в рюкзаках – очки ночного видения.

Они быстро нашли оставленный вчера стержень и принялись копать. Работа шла быстрее, чем предполагал Сэм, – землю недавно вспахали, и она на фут или даже больше была мягкой. Ниже пролегал мощный слой донных осадков, нанесенных за тысячелетия разливами двух рек; эту землю возделывали еще этруски, потом римляне, потом ломбардцы и, наконец, современные итальянцы.

Потребовалось два часа, чтобы добраться до грубой каменной поверхности. Они убрали землю с крыши и проделали проход ко входу в центре. На этот раз железной плиты не было; вход прикрывали только три больших камня, скрепленные раствором.

Реми внимательно их осмотрела и засомневалась:

– Не похоже, чтобы мы могли их сдвинуть.

– Это верно, – ответил Сэм. – Сейчас вернусь.

– Куда ты?

– За машиной, – отозвался он через плечо.

Через несколько минут взятая напрокат машина с включенными фарами запрыгала по ухабам на поле. Сэм задним ходом подвел ее к камням, закрывающим вход, вышел, привязал буксирный трос к кольцу под машиной и обвязал им первый камень. Достал из багажника молоток и лом и отбил большую часть раствора. Закончив, он сказал:

– Ты поведешь. Я немного помогу камню с этой стороны.

Реми села за руль и открыла окно, чтобы всё слышать.

Сэм подошел к первому камню и просунул под него лом, потом отошел на несколько шагов и вернулся с алюминиевым стержнем от магнитометра, надел его на лом. Получилась рукоять длиной семь футов, и Сэм крепко взялся за нее и скомандовал:

– Ну, Реми, потихонечку начинай!

Она постепенно прибавляла газ, натягивая двойной трос, а Сэм нажимал на лом, помогая камню приподняться. С грохотом и скрежетом камень

сдвинулся. Открылся проем примерно два фута шириной и четыре длиной.

Сэм отложил надставленный лом и склонился над проемом. Реми встала рядом. Сэм лег на живот и посветил фонариком. На глубине шести футов что-то блестело – мягким блеском непочерневшего золота.

– Эврика! Мы это сделали.

Реми поцеловала его в щеку.

– Фарго – Бако: один-ноль.

Сэм достал телефон, выбрал из списка контактов номер и услышал «Да?» с легким акцентом.

– Мы нашли его, Тибор. Приведите лодку в устье Минчо, где река впадает в По. Пройдите несколько ярдов вверх по Минчо и приставайте к западному берегу. Там я вас встречу. Не зажигайте огней.

– Буду через пять минут.

– Спасибо, – закончил разговор Сэм.

– Что мне делать, пока ты с парнями играешь в остров сокровищ? – спросила Реми.

– Позвони Сельме и Альбрехту и все расскажи. Попроси Альбрехта связаться с итальянскими коллегами, чтобы организовать безопасный тайник для хранения сокровищ.

– Машину подать вперед?

– Пока нет. Я сейчас вернусь. – Сэм прошел к реке и ждал на высоком берегу, пока не увидел на воде По неясные очертания большой лодки. Когда лодка поравнялась с ним, он сказал: – Идите к берегу и бросьте мне конец.

Лодка дошла до песка и остановилась. На палубе показалась какая-то фигура, бросила Сэму трос и смотрела, как он привязывает его к дереву. Один за другим на песок выпрыгнули четверо мужчин и поднялись по откосу на берег. Последним подошел Тибор и похлопал Сэма по спине.

– Рад встрече. На этот раз находка настоящая?

– Я покажу. – Сэм пошел в поле, все за ним.

Тибор сказал:

– Вы знакомы с моим двоюродным братом Альбрехтом и другим братом Каспаром – они были на лодке на Тисе, с которой вы ныряли.

– Конечно. – Сэм пожал им руки. – Спасибо, что приехали.

– А это мой двоюродный брат Пол. Он говорит по-итальянски.

– Рад знакомству, – улыбнулся Сэм, а Тибору сказал: – Будь у меня такая семья, я завладел бы миром.

– В нашей части света слишком многие пытались это сделать. Лазары остаются дома, едят, пьют и любят. Поэтому нас так много.

Они дошли до места, где ждала Реми, и Тибор повторно всех представил. Мужчины по очереди кланялись ей. Тибор засмеялся:

– Я их предупредил, здесь нас встретит красивая женщина, чтобы они не вели себя, как отшельники, никогда не видевшие девушек.

– Спасибо, Тибор, – отозвалась Реми. – Давайте работать.

Сэм, Тибор и Пол по канату спустились в склеп. Он был просторнее, чем тот, в Венгрии. Оказавшись внутри, Сэм понял: клад гораздо внушительнее, чем он ожидал. Здесь, вероятно, находилась главная часть добычи, взятой в Северной Италии в 452 году.

Тут были тысячи золотых и серебряных монет, золотые цепи и браслеты, золотые кубки и кресты – все награбленное в сотнях церквей и монастырей. Были мечи и кинжалы с рукоятями, украшенными рубинами, кольца с сапфирами, огромное количество ожерелий и подвесок. Были доспехи и кольчуги отличной работы, камеи, разнообразные предметы, масляные лампы, подсвечники, зеркала из полированного серебра в золотых рамах. Количество и многообразие найденного ошеломляло. Золотые броши, кольца, ножные браслеты, шпильки, булавки и множество вещей, назначение которых Сэм не мог распознать. Все это лежало огромной грудой.

Сокровища укладывали в деревянные ящики, принесенные Тибором из лодки. Заполнили багажник машины, потом заднее сиденье, переднее пассажирское сиденье и пол. Тогда Реми, Каспар и Пол подогнали машину к реке и перегрузили ящики на лодку.

К склепу с сокровищами Реми вернулась с восемью ящиками с деревянными ручками. Обычно в них возили в порт рыбу, и они попахивали, но с ними погрузка пошла быстрее. Сэм, Тибор и Пол заполняли машину, а пока Реми отгоняла ее к реке, и груз перемещали в лодку, готовили очередную партию.

Потребовалось три часа, чтобы опустошить камеру и все перевезти на лодку. Когда сокровища были вывезены, Сэм сказал Тибору:

– Отведите лодку вверх по Минчо и поставьте на якорь на озере Гарда. Это в двадцати пяти милях, так что, вероятно, мы вас там встретим.

– Хорошо, – ответил Тибор. – А если полиция остановит нас и осмотрит груз?

– Тогда прикажите Полу забыть итальянский язык и позвоните мне.

С добычей Аттилы лодка отяжелела и глубже опустилась в воду. Потребовались усилия Сэма, Тибора и трех двоюродных братьев, чтобы столкнуть ее с песка и вывести на спокойное течение Минчо.

Тибор сказал:

– Надеюсь, каждая унция этого золота – слеза Арпада Бако.

– Кстати! – отозвался Сэм. – Кто следит за ним, когда вы здесь?

– Там за старшего мой брат. Он днем и ночью следит за Бако и его пятью самыми близкими помощниками.

– Лучшего и пожелать нельзя, – похвалил Сэм. – Приятного плавания!

Заработал двигатель, и Тибор поднялся на борт. Потом лодка легла на курс и против течения спокойной реки поплыла к озеру.

Сэм и Реми в последний раз подъехали к вскрытому тайнику. По канатам они спустились в темную каменную комнату, потом Сэм включил фонарик и по очереди осветил стены. Надписи на металлической плите на этот раз не было. Но на полу теперь, когда убрали сокровища, обнаружился каменный блок с вырезанными на нем буквами. Реми несколько раз сфотографировала надпись, просмотрела снимки и убедилась: надпись хорошо различима. Сэм переписал текст на бумажный листок. Заметив взгляд Реми, он пожал плечами.

– Если потеряем телефон, я не стану возвращаться, чтобы прочесть еще раз. А ты?

– Я думала не об этом, – ответила Реми.

– А о чем?

– О том, что этот камень – не железная плита, как в Венгрии. Полагаю, машиной мы могли бы выдернуть его наружу.

Сэм наклонился, попытался высвободить камень, но не смог. Тогда он перочинным ножом ковырнул раствор.

– Сейчас. – Он по веревке поднялся наверх, через несколько минут вернулся с другой веревкой, двумя ломами и молотком.

Вместе с Реми они занялись раствором и через какое-то время камень вытащили. Сэм обвязал веревкой сначала узкий конец, потом широкий, снова поднялся наверх, и Реми услышала шум работающего двигателя.

Камень был у́же и меньше глыб, которые слагали стены камеры, он легко поднялся и остановился. Реми вылезла наверх, села в машину и стала вытягивать камень, а Сэм ломом перевалил его через край. Потом они ломами подняли камень и сумели уложить его на заднее сиденье машины.

– Ты права, – сказал Сэм. – В этот раз мы не станем оставлять Бако весточку.

С помощью машины они подтащили большой камень и закрыли вход в тайник. Потом забросали его землей и притоптали. Когда землю разровняли, вход в тайник оказался на глубине четырех футов.

Реми повернулась, посмотрела на распаханное поле и воскликнула:

– Ничего себе! Ты только посмотри!

Светало, и стали хорошо видны глубокие колеи, идущие по полю к берегу реки и обратно.

– Надо убрать эти следы.

– Не получится, – произнес Сэм. – Можно только попытаться представить это как выходку пьяного водителя.

Они сели в машину, Сэм взял пустую винную бутылку, оставшуюся от их пикника, стер отпечатки пальцев и бросил бутылку на землю. Потом принялся ездить по полю, петляя и поворачивая, оставлял следы в разных частях поля. Потом выехал на шоссе, идущее вдоль реки.

Когда рассвело, Реми отправила Сельме и Альбрехту снимки. Тут пошел дождь.

– Я рада, что мы на этом не успокоились, – сказала Реми.

Дождь постепенно усиливался, превращаясь в настоящий ливень; Сэм ехал прямо по лужам, смывая грязь с взятой напрокат машины. Когда появилась возможность остановиться там, где их не было видно, они вышли и опустили камень с надписью в реку.

– Я здесь сфотографирую, – решила Реми. – Когда угроза нашей жизни исчезнет, мы вернемся, вытащим камень и подарим музею. – Она закончила фотографировать, и они поехали дальше.

В Пескьера-дель-Гарда Фарго прибыли, когда еще не было шести утра, остановились на парковке у пристани и увидели, как под мостом проходит лодка. Пока ждали, Реми позвонила в Калифорнию, ответила Сельма:

– Привет, Реми! Ваши снимки получены. Клад так велик, как кажется?

– Еще больше. Вы с Альбрехтом прочли сообщение?

– Альбрехт перевел его, теперь изучает ситуацию. Пусть сам вам скажет.

Послышался какой-то шорох, потом раздался голос Альбрехта:

– Здравствуйте!

– Привет, Альбрехт, – ответила Реми. – Прочли надпись на камне?

– Да. Это по-прежнему латынь. Вот что там говорится: «Ты нашел мое пятое сокровище. Четвертое – там, куда друзья торопились, чтобы стать врагами. Я схоронил сокровища на будущее, а король Торисмунд схоронил погребальные дары короля Теодориха».

– Как вы это поняли? – спросил Сэм.

– Это ссылка на другую возможность, о ней я упоминал в связи с пятым сокровищем, – битву на Каталаунских полях в 451 году, – сказал Альбрехт. – Друзья – это Флавий Аэций, римский полководец, и Теодорих, король визиготов. Оба считались друзьями Аттилы, но ненавидели друг друга. Когда Аттила вторгся во Францию и разграбил большую ее часть, они объединились и выступили против него.

– Что за погребальные дары?

– Теодорих пал в битве, но, как иногда случается в крупных сражениях, главные вожди потеряли друг друга из виду, и тело Теодориха нашли только на следующий день. Его сын, Торисмунд, похоронил Теодориха – вероятно, вместе с доспехами, оружием и личными вещами, и корона перешла к нему.

– Это и есть второй выбор «места, где был потерян мир», – сказала Реми.

– Совершенно верно, – подтвердил Альбрехт. – Там крайняя точка на западе, куда дошел Аттила, в районе французского города Труа. Его прежние друзья образовали союз, чтобы остановить. Сражение оказалось большое и ожесточенное, но завершилось вничью. Когда стало слишком темно, чтобы сражаться, Аттила отошел в свой лагерь. Флавий Аэций не преследовал отступающих гуннов. Некоторые историки говорят: он боялся разгромить их окончательно, ведь тогда визиготы лишились бы противника. Подозреваю – гунны все равно были очень сильны, и Аэций не хотел испытывать судьбу. Это последняя крупная битва, о которой римляне могли говорить, что они ее выиграли, ведь они остались на поле, когда армия противника отступила. Теодорих погиб, а его сын Торисмунд спешно вернулся домой, чтобы укрепить свое положение нового короля визиготов.

– Недурно, – отозвалась Реми. – Теперь мы примерно знаем, куда направиться дальше. Но мы все еще в Италии. Вы связались с итальянскими властями?

– Да. Там поняли необходимость строгой тайны и быстрых действий. Через несколько часов с вами свяжутся, чтобы принять клад и доставить в Рим.

– Хорошо, – сказал Сэм. – Меня порадует, если за них будет отвечать кто-то другой.

– Когда все уладите в Италии, отправляйтесь в аэропорт Вероны. Вас будут ждать билеты во Францию. Просто вставьте кредитную карточку в устройство для идентификации, и оно напечатает вам посадочные талоны. Пока будете в воздухе, мы подготовим новую информацию, – сообщила Сельма.

– Спасибо, Сельма.

Час спустя они увидели, что лодка прошла под мостом и направилась к пристани. Они позвонили Тибору, объяснили план действий и отправились в отель.

Едва Фарго успели принять душ и съесть доставленный в номер завтрак, как в дверь постучали. В коридоре стояли пятеро мужчин в темных костюмах.

– Мистер и миссис Фарго? – спросил их предводитель, показал значок и карточку-удостоверение. – Меня зовут Серджо Боярди. Мы из отдела защиты культурного наследия Карабинерии Неаполя. Мне сообщили, что вам нужна наша помощь.

– Входите, пожалуйста, – пригласил Сэм. Когда посетители вошли и закрыли дверь, он сказал: – Мы нашли большое сокровище – клад 452 года.

– Нам сообщили: вы хотите, чтобы мы зарегистрировали вашу находку и приняли под свою ответственность.

– Да, – подтвердил Сэм.

– Вам известно, что двустороннее соглашение между США и Италией распространяется на находки периода от IX века до нашей эры до IV века нашей эры?

– Формально находка, относящаяся к пятому веку, не подлежит регистрации, но мы добровольно просим разрешения на транспортировку артефактов после того, как они будут каталогизированы и сфотографированы представителями итальянских властей. Буду откровенным и скажу: есть другие группы, которые

всячески старались помешать нам найти клад, и эти группы склонны к насилию. Наши намерения отчасти объясняются тем, что мы не хотим дать им возможность похитить сокровища.

Боярди кивнул и задал вопрос:

– Где сейчас эти артефакты?

– На арендованной нами лодке. Она стоит на якоре у пристани на озере, – ответил Сэм. – Наша мысль такова: мы хотим взять напрокат трейлер, погрузить на него лодку и отвезти в безопасное место, где мы забрали бы артефакты и перегрузили в ваш грузовик.

– Толковый план, – одобрил Боярди. – Можно снять амбар в сельской местности и поместить туда на несколько часов и трейлер с лодкой, и грузовик. А потом мы отправимся своей дорогой, не привлекая излишнего внимания.

– Давайте так и сделаем, – согласился Сэм.

Они въехали на пристань в белом, без опознавательных знаков грузовике карабинеров, потом в соседнем лодочном ангаре наняли большой трейлер с прицепом. Задним ходом подогнали трейлер к лодочному причалу, въехали в озеро, после чего двоюродные братья Тибора поставили лодку на трейлер и грузовик вытянул трейлер на площадку для парковки. Через несколько минут лодку закрепили, и один из людей Боярди отвез их в деревню на западном берегу озера Лаго-дель-Гарда. Шофер провел грузовик и трейлер в амбар, вышел из машины, закрыл дверь, и все принялись за работу.

Боярди присматривал за перемещением ящиков с драгоценными монетами, украшениями и драгоценностями из лодки в картонные коробки, словно только что из багажного вагона. Когда артефакты доставали, чтобы перепаковать, Реми и карабинеры фотографировали. Ряды коробок в кузове грузовика становились все выше.

– Поразительно, – удивился Боярди. – Каждый объект – археологическое чудо, часть добычи Аттилы. Нередко это шедевры, даже в его время – музейные экспонаты, иногда созданные на заре римской эры, иногда греческие и из первых христианских храмов. Нам повезло, что грабители могил перекопали всю Италию, но не нашли это.

– Мы не надеялись найти столько, – сказала Реми. – А, наверное, зря. Гунны шли с севера Италии и грабили все попадающиеся на пути города. Мы считаем: Аттила сберег так много, поскольку эти сокровища должны были оплатить его следующую попытку захвата Рима.

Сэм, Реми, Тибор и его братья помогли карабинерам перепаковать и уложить драгоценные объекты. Работали споро. Когда закончили, Боярди предложил свой план действий:

– Оттащим лодку на пристань и поедем. Отвезем находку в Рим, там, в Капитолийском музее, она будет в безопасности.

Все снова сели в грузовик, и водитель-карабинер завел мотор. Два карабинера прошли вперед и стали открывать большие ворота амбара. И как только сделали это, обнаружили – на головы направлены пистолеты.

Сэм, Реми и Боярди почувствовали, как грузовик резко затормозил. Боярди раскрыл задние дверцы, они выскочили и увидели: в амбар вбегают шесть человек в обычных спортивных куртках или плащах, джинсах или брюках защитного цвета, но в руках все держали «SC-70/90» – автоматы с коротким стволом и складным прикладом.

Боярди встал перед Сэмом и прошептал:

– Возьмите мой пистолет.

Сэм снял с портупеи Боярди наплечную кобуру и достал «беретту»; пистолет и кобуру он сунул в карман. Как только Боярди почувствовал, что пистолет сняли, он крикнул по-итальянски – Сэм понял не все, но суть была ясна:

– Что вы тут делаете? Здесь проводит операцию национальная полиция! Немедленно опустите оружие!

В ответ один из людей у двери выстрелил в крышу. От этого звука два карабинера, к чьим головам приставили стволы, невольно вздрогнули. Вошедшие рассмеялись, грубо втолкнули карабинеров в амбар и тут же разошлись в стороны, чтобы держать под прицелом и группу карабинеров, и Сэма, Реми, Боярди, Тибора и его братьев.

В крышу выстрелил мужчина средних лет, рослый, с широкой грудью. Сейчас он бросился вперед, забрался в кузов грузовика и вскрыл несколько ящиков. Подтащил один к двери и наклонил, чтобы остальные увидели содержимое. И крикнул:

– É d' oro! É tutto oro antico![9]

Сэм без труда понял эти слова. Бандиты переглянулись и словно заразились, как вирусом, весельем своего предводителя. А рослый выпрыгнул из грузовика и подошел к Боярди. Тот быстро сказал ему что-то сердитое.

Человек радостно улыбнулся:

– Ci avete seguito. Ci avete seguito[10]. – Он прошел туда, где стояли двое карабинеров, и, пока его подельники продолжали держать их под прицелом, быстро обыскал обоих. Нашел у одного из полицейских второй пистолет и отобрал.

– Виноват, – тихо произнес Сэм. – Должно быть, мы с Реми слишком заметны.

– Нет, это я виноват, – прошептал в ответ Боярди. – Он сказал: они следили не за вами. Они следили за нами, знали, что наш отдел занимается древностями, поэтому дождались, пока мы выедем из Неаполя, и последовали за нами.

Наручники, отнятые у карабинеров, грабители защелкивали на руках честных людей и приковывали ими к вертикальным опорам амбара. Двое вместе с предводителем подошли к Боярди и принялись обыскивать его.

В момент обыска предводитель смотрел только на Боярди, и Сэм выбросил вперед левую руку и ударил предводителя в лицо, а правой выхватил оружие Боярди. Молниеносно схватив предводителя за ворот, он развернул его, прикрылся им, как щитом, и приставил пистолет к его голове. Боярди тут же выхватил у бандита автомат и направил на двух других грабителей.

Эти двое положили оружие на пол, отступили и подняли руки. Два карабинера, которых еще не успели приковать, подобрали с пола свое оружие и автоматы бандитов.

Один из вооруженных грабителей понял смысл происходящего и решил положить этому конец. Он закричал «Нет!» и открыл огонь. Его автомат изрыгнул пули, и вожак бандитов, стоявший перед Сэмом, упал.

Предводителя принесли в жертву, это сыграло свою роль. Прочие грабители, увидев, что их главарь мертв, теперь попытались укрыться, унося с собой оружие. Двое полицейских Боярди открыли по ним огонь, и один из них, раненный в ногу, упал. Остальные не оказали сопротивления.

Но застреливший главаря не собирался сдаваться, а дал очередь в сторону Сэма и Боярди, укрывшихся за трейлером с лодкой. Сэм перебрался через планшир в лодку и пополз на нос.

Один из грабителей пробирался вдоль стены в поисках более удобной для стрельбы позиции. Сэм поднял руку над планширом и выстрелил. Пуля попала человеку в верхнюю часть тела, в ключицу. Он развернулся, хотел ответить на огонь, но его правая рука безжизненно повисла, оружие выпало. Двое карабинеров набросились на него, надели наручники и заставили сесть у стены амбара рядом с раненым

товарищем и застреленным главарем. Остальные бросили оружие и перестали сопротивляться.

Боярди по телефону запросил помощи у местной полиции, вскоре приехали «Скорая» и полицейские машины для перевозки задержанных. Пока ждали, Боярди пытался расспросить пленных, те отвечали дерзко. Он готов был сдаться, когда Реми сказала:

– Спросите у них, кто их послал – не человек по имени Бако?

Боярди перевел ответ:

– Кто такой Бакко? Он из Сицилии? В последнее время многие сицилийцы интересуются археологическими находками.

– Полагаю, это значит «нет», – поняла Реми. – Золото само по себе притягивает неприятности.

Через несколько минут завыли сирены, и амбар окружили полицейские машины. Пришла «Скорая», и санитары забрали двух раненых, взяли нескольких полицейских для их охраны и уехали. Увезли и трех здоровых грабителей. И наконец за мертвым главарем пришел фургон коронера.

Когда приехали в гавань и Боярди уже собирался уезжать в Рим, он подошел к Сэму и Реми:

– Развитие событий тревожное. Воры наконец поняли: лучший способ найти древние сокровища – просто следить за полицейскими, которые должны регистрировать находки. Вероятно, мы вступаем в период, когда ни один занимающийся нашим делом полицейский не будет в безопасности. И всякий, кто не уйдет в отставку, глупец.

– Значит, вы уходите? – спросила Реми.

– Я? Нет. Во всяком случае не сейчас. Ведь ваш муж спас мне жизнь. Может, когда-нибудь мы поговорим об этом, но сегодня у нас слишком много дел. Arrivederci, Фарго! Желаю вам спокойного возвращения.

Глава 15

Италия, аэропорт Вероны

В телефоне Реми послышался голос Сельмы Уондраш:

– В городке Шалон-ан-Шампань немного жителей, а поле битвы, как считаем мы с Альбрехтом, находится в пяти милях к северу, у деревушки Куперли по дороге D-994 на Реймс.

– Что нам искать? – спросил Сэм.

Заговорил Альбрехт:

– В центре поля находился каменный уступ, большой выступ под углом к поверхности. Римская армия, в ее состав входили также визиготы, аланы и кельты, в боевом порядке двинулась, чтобы занять господствующие высоты до прихода гуннов. Когда с востока появились всадники гуннов, их встретил град стрел с высоты. Гунны хотели вытеснить стрелков, потом отошли к востоку, на ровную низменность. И укрепили свои позиции, разместив повозки кольцом вокруг лагеря и сцепив их.

– Далеко ли на восток от этого выступа? – спросила Реми.

– Они отступили на расстояние полета стрелы, – ответил Альбрехт.

– А сколько это?

– Ну, допустим, вы встанете на вершину этого выступа, выпустите стрелу под углом сорок пять градусов и посмотрите.

– Могу.

– Или можно рассчитать. Вероятно, расстояние в двести пятьдесят ярдов подойдет.

– Будем гадать, – сказал Сэм. – Сельма, можете прислать нам другой магнитометр и металлоискатель в отель во Франции?

– Уже сделано. Будут там сегодня к вечеру. Вы остановитесь в «Л’Асьете шампанез», это старое поместье с четырьмя акрами земли, у поселка с современным центром.

– Спасибо, Сельма, – поблагодарила Реми. – Если там есть хорошая ванна, я буду счастлива. И, пожалуй, мы могли бы поспать – много работали ночью.

– Сколько угодно. Машину возьмете в первом терминале аэропорта Шарль де Голль. Поезжайте по 44-му шоссе на восток от Парижа в Реймс, это примерно сто девяносто километров. Потом по дороге D-944 из Реймса в Куперли.

– Понял, – произнес Сэм.

– Альбрехт, что еще вы можете сказать о той битве? – спросила Реми.

– Ну, после первых стычек Аттила понял: уступ ему не взять. И отступил, ожидал развития событий. В те дни это означало наблюдать за действиями противника, и гуннам в соответствии с их верованиями требовалось вскрыть несколько птиц, чтобы прочесть будущее по их внутренностям. Аттила заставил противников ждать целый день, напал

ближе к вечеру. Битва гремела до темноты, на поле остались тысячи тел – почти равное число жертв у обоих противников. Всадники Аттилы не смогли справиться с преимуществом врагов, удерживавших высоту. Аттила отступил в укрепленный лагерь. Римский полководец Аэций заблудился в темноте, потерял своих римлян и нашел убежище у визиготов, те, в свою очередь, потеряли короля Теодориха. На другой день тело короля нашел его сын Торисмунд. Аттила, вероятно, не знал, как плох противник, поэтому решил стоять на месте. Он приказал собрать огромное количество деревянных рам от седел его всадников. И приказал, если умрет, положить его тело на эти рамы и сжечь. Но его люди заметили – визиготы покидают поле битвы. Они возвращались домой, чтобы Торисмунд смог занять место отца. И Аттила тоже ушел на восток, переправившись через Рейн.

– Верно! – воскликнула Реми.

– Верно что? – переспросил Альбрехт.

– Именно здесь должны находиться сокровища.

– С чего вы взяли?

– Мы с Сэмом анализировали всё с самого начала. Сокровища всегда зарывают в тяжелое время – в случае поражения или смерти. Как они это делали? В легендах о смерти Аттилы упоминается огромный шатер, поставленный для Аттилы и его свиты, такой большой, что в нем можно было ездить верхом.

– Все равно не понимаю, к чему вы клоните, – подала голос Сельма.

– Деревянные части седел не сожгли. Они не должны были сгореть: это отвлекающий маневр, балаган. Внутри огромного шатра Аттилы, где только немногие могли видеть царя, его люди выкопали склеп, такой же, как два найденных нами. Когда яму вырыли, в шатре скрылись каменщики, им предстояло заняться камнями. Доверенные охранники Аттилы сложили сокровища в подземный схрон, не выходя из шатра, запечатали вход в тайник, забросали землей и только потом свернули шатер. Никто не видел ни ямы, ни раскопок. А уходя, гунны, вероятно, прогнали через лагерь лошадей. И только самые доверенные люди знали, где сокровища и что они вообще существуют.

– Полагаю, вы его верно поняли, – подтвердил Альбрехт. – От Шалони Атилла прошел севером Италии и на пути к Риму собрал новую добычу. В день битвы он уже, видимо, готовился повернуть в Италию. Рим был крупнейшим городом и, вероятно, всегда являлся его целью. Все знают: противники Аттилы заставили его окончить битву вничью. Но все забывают: и он заставил их прийти к ничьей.

Сэм поделился такими сведениями:

– Источники утверждают: Аттила откладывал нападение почти до ночи. Может, он ждал, пока выкопают тайник и привезут камни, скорее всего, с берегов реки Марны, которая протекает на краю поля битвы.

– Полагаю, вы правы, – отозвался Альбрехт. – Если удастся установить, где стоял шатер Аттилы, под ним вы найдете и тайник с сокровищами.

Перелет из Вероны в Париж занял два часа. Сэм и Реми взяли напрокат автомобиль и тронулись в путь, держась в стороне от пробок и городской толчеи. И хотя Сэм вел машину быстро, сто девяносто километров по шоссе 44 они проехали за три часа.

Сэм и Реми отыскали дорогу на Шалон-ан-Шампань, потом еще пять миль ехали по проселку до крохотной деревушки Куперли. В конце дня они оказались среди трапециевидных фермерских полей, так тесно переплетенных, что, казалось, каждый дюйм земли кому-то принадлежит и тщательно обрабатывается.

– Давай начнем искать от дороги, пока не найдем каменный уступ или пока не кончится день, – предложил Сэм.

– Все зависит от этого уступа, – сказала Реми. – В рассказе нет никакого другого ориентира, которым можно воспользоваться.

Они милю за милей проезжали по дороге D-994 в сторону Реймса, потом повернули на север по D-977, потом еще раз на север, к D-931 на Ла-Либерте. И оказались северо-восточнее Марны, вот там увидели выступ. Когда их взгляды переместились с запада на восток, среди плоской равнины внезапно показалась высокая наклонная скала. Сэм съехал на обочину, Реми сделала несколько снимков телефоном и отослала их Сельме, а мужу объяснила:

– Если это не то, может, Сельма, Пит и Венди сравнят ее очертания с какими-нибудь географическими источниками, аэрофотоснимками или еще с чем-нибудь и скажут нам, куда ехать.

– Я уверен: это оно, – ответил Сэм. – Если бы они могли сделать это раньше, то сделали бы. И потом, до сих пор мы не видели ничего подходящего.

Реми встала на сиденье, поставила ногу на верх двери, чтобы немного приподняться, и вдруг воскликнула:

– Ого!

– В чем дело?

– Жаль, у нас нет бинокля. Похоже, кто-то начал раскопки на плоской части поля.

– К востоку от выступа?

– Да, и кажется, на нужном расстоянии. – Она указала рукой: – Думаешь, это дальше полета стрелы со скалы?

– Я бы думал так, – ответил он. – Если бы в меня стреляли, то я обязательно ошибся бы в дальнюю сторону. – Он встал на сиденье рядом с ней.

– Видишь? – спросила она. – Там и там? И еще там!

Посреди зеленого поля темнели холмы недавно выкопанной земли.

– Похоже, Бако добрался сюда первым. Маленькие холмики – у пробных ям, а вот там большой – они решили, что нашли тайник.

Реми нажала кнопку запрограммированного номера и включила громкую связь.

– Тибор? Говорит Реми. Я знаю, вы находитесь дома всего несколько часов. Изменилось ли что-нибудь с Арпадом Бако?

– Нет, – ответил Тибор. – Он и его телохранители по-прежнему здесь, это я проверил сразу, когда прилетел. Почему спрашиваете? Что-то случилось?

– Мы во Франции у следующего места, и, похоже, кто-то здесь копает.

– Мне это не нравится, – вздохнул Тибор. – Нам следовало подумать о другой возможности.

– О какой?

– Бако остается здесь, в Венгрии. Но в других местах у него есть знакомые и деловые партнеры – покупатели и поставщики, законные и незаконные. Вероятно, он позвонил во Францию. На вашем месте я был бы очень осторожен.

– Мы будем осторожны, – пообещала она. – Дайте знать, если что-нибудь изменится. – Она повернулась к Сэму: – Ну, ты слышал.

– Тибор прав. Следовало об этом подумать. Если у Бако есть подельники по всей Европе, у нас проблема. Пока мы торопились достичь следующего места, его сообщники уже могли начать раскопки.

– И что теперь?

– Будем вести себя так, словно собираемся победить, пока никто не докажет обратного. Доедем до Реймса, остановимся в отеле, скоротаем остаток дня и вернемся сюда в темноте.

В своем офисе в Сегеде Арпад Бако сидел во главе стола для заседаний, смотрел на подчиненных и слушал отчет руководителя отдела международной торговли. Подчиненные слушали отчет, а он использовал это время, чтобы лучше изучить присутствующих. Умные люди, все они. Есть ученые: биологи, фармацевты, химики – они совершенствуют многочисленные лекарства, изготовляемые компанией, и создают новые. Другие, медики с научными степенями, проверяют лекарства, работают с больницами и университетами. Есть и юристы. Бако сам учился в университете, но образованностью и интеллектом уступает им.

Однако он хитер и коварен. Этим людям должно быть ясно: представленный отчет, дутый, таких данных не может быть. Данные о наркотических болеутоляющих и транквилизаторах, которые ценятся на подпольном рынке Европы, завышены. Согласно отчету эти средства закупают законные зарубежные клиенты – в количествах, намного превышающих их потребности на рынке. Даже в странах, где есть знаменитые, с вековой историей фармацевтические компании, например в Швейцарии и Германии, все врачи обязаны прописывать только медикаменты производства Бако. Но это нелепо. Иногда менеджер по торговле рассказывает о продаже наркотических средств Бако в далеких странах в количествах, превышающих объем прописанных за год всех остальных средств. Однако подчиненные Бако внимательно слушают все это. Никакие данные от них не скрывают. Бако знал: все в этой комнате разбогатели на фантомной торговле, и он заставлял их выслушивать эти цифры. Если им не придет в голову сравнивать эти данные с другими, если они не станут высказывать сомнения, то все будет в порядке. Значит, существующее положение их устраивает.

Зазвонил сотовый телефон Бако. Несколько человек вздрогнули и переглянулись: а вдруг это кто-то из конкурентов звонит? Но увидев, что телефон достает из кармана Бако, отвели глаза. Бако прочел номер на экране и сказал:

– Прошу меня простить, господа, нужно ответить на этот звонок.

Все встали, собрали свои ноуты, записные книжки, ручки, кофейные чашки и вышли из комнаты. Последним выходил менеджер по торговле; он явно испытывал облегчение. Когда звуконепроницаемая дверь закрылась, Бако нажал кнопку приема.

– Здравствуй, Этьен, – поприветствовал он. – Я все ждал, когда ты позвонишь. Есть хорошие новости?

Этьен Леклерк засмеялся:

– Новости такие хорошие, что ты можешь счесть их плохими. Мы нашли камеру с сокровищами там, где и ожидали, посреди старого поля битвы. Аттила, должно быть, покинул Германию и Францию без гроша за душой. Ты мог бы не приглашать меня, сделать все самостоятельно и разбогатеть еще на много миллионов евро.

– Так много? А ты мог бы позвонить и солгать, что никаких сокровищ нет – мол, кто-то нас опередил.

Леклерк засмеялся:

– Полагаю, это значит – мы оба почти честны.

– Почти, – согласился Бако. – Или все-таки разумно выбираем жертв? Сокровища – это замечательная новость. Можешь прислать мне фотографию надписи?

– Надписи?

– Послания на латыни. Где-то в тайнике должно быть послание от Аттилы. Ты его не нашел?

– Ну, может, его забрали. Я сам не видел.

– Его трудно не заметить.

В голосе Леклерка прозвучало легкое предостережение, похожее на неприметное облачко на горизонте. Он сказал медленно и отчетливо:

– Ты не видел, что в тайнике. Там буквально тонны золота и серебра, по большей части древнего, даже доримского. Если тебе нужна надпись на латыни, у меня их много. Там есть даже книги с переплетами в драгоценных камнях.

– Прости, дружище, – заюлил Бако. – На этот раз должно быть по-другому. Первая надпись была вырезана на металлическом листе размером с дверь.

– Ничего такого мы не нашли, – сообщил Леклерк. – Я поищу. Да, кстати. Ты велел нам следить за мужчиной и женщиной, которые попытаются добраться до тайника первыми. Собственно, это и заставило меня поторопиться со звонком. Они здесь. Мои люди видели, как они подъехали к полю в машине и осматривали его.

– Это лучше, чем я думал. Если сумеешь их убить, у нас будет сколько угодно времени, чтобы найти надпись.

– Не волнуйся, – ответил Леклерк. – Мои люди еще извлекают последнее, прежде чем закрыть тайник. Мы найдем надпись. А тем временем постараемся заставить этих двоих исчезнуть.

Как только они оказались в городе, Сэм поинтересовался, где можно нанять грузовик. Ему посоветовали агентство, там он взял грузовик с закрытым кузовом шириной восемь футов и почти двадцать длиной. Реми сфотографировала вывеску продовольственного магазина, распечатала ее и нанесла на оба борта грузовика.

Сэм и Реми пошли в свой отель, похожий на крепость с воротами, и проспали несколько часов, прежде чем почувствовали, что готовы. Сэм собрал металлоискатель и магнитометр, упаковал лопаты и ломы, приборы ночного видения и рюкзаки. Они поужинали в ресторане отеля: утка под апельсиновым соусом с розовым вином местного производства, по слухам, любимым вином одной из фавориток короля Людовика XIV, а на десерт – сладкие блинчики.

В полночь они сели в свой грузовик. Сэм вел, Реми сидела рядом с ним, пытаясь указывать направление. По проселочной дороге они добрались до деревни Куперли и повернули на север. И очень скоро приехали на поле, которое нашли днем. Сэм остановил грузовик на обочине.

– Посмотрим, что они тут копают, – произнесла Реми, надевая рюкзак.

Сэм ответил:

– Будем надеяться, во Франции просто крупные суслики.

Они перелезли через каменную изгородь и пошли по полю. Сверяясь со сделанными днем фотографиями, приблизились к первой куче земли, увиденной ими с дороги. Тут они надели очки ночного видения и склонились к земле, затем лопатами убрали часть земли.

– Что это? – Реми протянула руку и коснулась непонятного предмета. – Сталь. Похоже на пушку.

– Ты права. – Сэм руками покопал вокруг и остановился, наткнувшись на жерло. – Похоже на «Френч-75».

– Но так называется коктейль, – возразила Реми. – Джин, шампанское, лимонный сок и сахар.

– Видишь ли, пушку назвали в честь коктейля, – объяснил Сэм. – Наверное, что-нибудь связанное с похмельем. Это также означает: во Франции копать нужно очень осторожно. На юго-восток от этого поля – река Марна. Летом 1918 года генерал Людендорф задумал большую наступательную операцию по захвату Шампани. Союзники раздобыли копию его плана, стянули туда артиллерию и за час до немецкой атаки открыли огонь из трех тысяч орудий. Судя по положению этой пушки, ее повредили ответным огнем или она просто слишком раскалилась.

– Тот, кто пришел сюда раньше нас, видимо, заметил большие колебания показаний магнитометра, начал копать и нашел ее, – отметила Реми.

– Посмотрим вторую яму.

Они прошли по полю ко второй куче земли, остановились и заглянули в яму. На дне лежали остатки каких-то деревянных решеток, потемневшие от времени и прогнившие. Из земли торчали тележное колесо и втулка. Сэм осторожно потрогал деревянную решетку, мягкую, словно из мокрого картона. Он увидел пять металлических снарядов в форме гигантской пули; медные гильзы позеленели.

– Вот это находка! – ахнул Сэм. – Неразорвавшиеся боеприпасы. Похоже на зарядный ящик. Пойдем дальше.

– Надо сообщить кому-нибудь, – предложила Реми.

– Обязательно сообщим. После двух мировых войн земля здесь прямо нашпигована неразорвавшимися бомбами, снарядами и минами. Франция все еще содержит отряд саперов: на такие находки вызывают их.

– Французских подельников Бако, копавших эти ямы, ждал большой сюрприз, – сказала Реми.

– Да, на поле осталась всего одна груда, и она выглядит гораздо заманчивее, – отозвался Сэм. – То, что они нашли, не взорвалось.

Они пошли к третьей яме.

И остановились у кучи земли, ею забросали раскоп.

– Посмотри на вход, – указала Реми. – Похож на остальные: камни, скрепленные раствором.

– Глянем, что тут оставили, – предложил Сэм и достал из рюкзака нейлоновый трос, завязал петлю и надел на черенок своей лопаты, потом закрепил лопату в углу отверстия, чтобы она прочно держалась.

Они надели очки ночного видения, и Сэм опустил Реми в камеру. Через какое-то время веревка провисла. Последовало несколько секунд тишины.

– Что ты видишь?

– Тайник не пуст, но, кажется, его уже разграбили. Ни следа золота. Спускайся и сам посмотри.

Сэм спустился на тросе по внутренней стене помещения. Его ноги коснулись пола, и он сказал:

– Это цемент.

– Римляне использовали в постройках цемент. Почему бы не поступить так же и Аттиле?

– Если бы Аттиле понадобился каменщик, он мог бы захватить их хоть тысячу. Но похоже, тайник сделали из бревен, а потом обмазали известкой с обеих сторон.

– Посмотри-ка. – Реми стояла в дюжине футов от Сэма у груды металла, тускло блестевшего даже в усиленных зеленых тонах очков ночного видения.

Сэм подошел к ней и произнес:

– Не вижу никакого золота, но это поразительно – римские щиты, шлемы и доспехи, мечи, копья. Должно быть, часть военной добычи.

– Это большая историческая ценность, – подчеркнула Реми. – Но мне все равно очень неприятно: французские подельники Бако нас опередили.

– Давай найдем надпись, если, конечно, они не утащили ее с собой.

Они осматривали стены, разглядывали даже самые слабые царапины и под ворохом римского оружия нашли щит, не похожий на обычный римский щит-скутум, с отогнутыми назад краями. Этот был круглый, с накладкой в центре, с острием, выступающим как копье. По внутренней стороне щита вдоль края шла выгравированная надпись на латинском языке.

Реми сфотографировала надпись телефоном, потом попросила Сэма подержать щит и сделала несколько снимков под разными углами, чтобы буквы выглядели отчетливее.

– Вот, – сказала она. – Этого хватит. Секунду! Его нельзя оставлять здесь. Люди Бако должны были знать: этот щит важен – может, важнее всего остального в тайнике. Почему они его оставили?

Сэм пожал плечами:

– Наверное, увидели много золота и серебра, бросили щит и ушли. Для нас это невероятная удача.

– В таком случае пошли отсюда, – сказала Реми. – Поднимайся и вытягивай эти вещи, а я свяжу другие.

Сэм продел веревку через ручки двух римских скутумов, потом связал копья и мечи-гладиусы, обычное оружие римского солдата. Он выбрался на поверхность, вытащил артефакты и бросил вниз веревку.

Через несколько минут Реми крикнула:

– Тащи!

Сэм вытащил пять солдатских шлемов, два щита-скутума и четыре нагрудника. Он наклонился в отверстие, надев на голову шлем, чтобы не удариться.

– Это все?

– Мечтаю о человеке в мундире. – Реми засмеялась, а потом встревожилась: – Что это было?

– Что именно?

– Свет, как луч, в воздухе за тобой.

Сэм высвободил голову и осмотрелся.

– Сейчас я ничего не вижу. Вероятно, посадочные огни самолета из Реймса. Сегодня уже не 451 год.

– Тогда тебе нужно осовременить свой гардероб.

– Хватай веревку, я тебя вытащу.

Глава 16

Возле деревни Куперли, Франция

Выбравшись на ночной воздух, они сели на земляной холмик у отверстия. Реми предложила:

– Наверное, надо вытащить несколько столбов изгороди, подогнать сюда грузовик и загрузить, как в Италии.

– Неплохая мысль, – ответил Сэм. – Мне совсем не хочется ходить туда и обратно с грузом.

– Мне нравится, когда ты соглашаешься со мной, – улыбнулась Реми.

– Правда? Постараюсь запомнить.

– Только пока ты не стараешься польстить мне, чтобы потом я поступила так, как хочешь ты, – добавила она.

– Да что ты! Неужели это так плохо?

– Конечно, плохо. Тогда ты ведешь себя не лучшим образом.

– Определенно нет. Но когда я веду себя как нельзя лучше – это очень высокий стандарт.

– Конечно, – ответила она. – Так действуем?

– Ладно, – согласился он. – Раз уж это хорошая мысль.

– Спасибо.

Она взяла связанные Сэмом копья, сунула за пояс римский меч и подняла щит с надписью. Оба выбрались из ямы. Над ними громко просвистела пуля, и они спрыгнули обратно. Секунду спустя раздался второй выстрел.

Реми надела очки и высунула голову из траншеи.

– Пригнись! – велел Сэм.

– Ты слышал выстрел? Примерно в трехстах ярдах от нас. Никудышный стрелок, не смог попасть даже по такой большой мишени, как ты.

– Первым выстрелом не попал, но сейчас наверняка прицелился.

Третья пуля попала в кучу земли за ними, и Реми пригнулась.

– Есть идеи?

– Он может изменить дальность стрельбы, но попасть в бегущего гораздо трудней.

– Мне не нужны отдельные мысли, нужен план.

Быстро, один за другим, прогремели еще три выстрела; одна пуля пролетела высоко, вторая сбоку, третья воткнулась в землю за ними. Сэм выглянул за край, посмотрел на далекие холмы.

– Там, у каменного выступа, машина, похожая на «Рейнджровер». В ней три или четыре человека с оружием, целятся в нас.

– Тебе не приходило в голову, что они используют ту же стратегию, что римляне и визиготы: первыми захватывают высоту и держат нас внизу, стреляя издали? – спросила Реми.

– Если бы только они пускали стрелы, – ответил Сэм. – Вот. Держи. – Он надел ей на голову римский шлем, поднял римский скутум, постучал костяшками, отложил и взял другой. – Этот лучше. У него снаружи слой металла. – Он поднял третий щит.

– Пулю он не остановит, – подметила Реми.

– Нет, но с ним нас труднее убить.

– Тебе виднее.

– Да, верно. Держи за спиной, вот так.

– Ты похож на черепаху.

– Вот именно. В этом суть. Трудно стрелять по бегущему человеку в темноте. А если между тобой и ими будет это, они не поймут, где ты. А теперь давай уносить ноги, пока их не осенило подойти ближе. – Сэм поднял связанные копья, щит с надписью и еще один выбранный щит-скутум.

Он выбрался из ямы и побежал к дороге, как будто у него появился новый план, но затем, в то самое мгновение, когда в него начали стрелять, свернул в сторону. Реми воспользовалась тем, что он отвлек огонь на себя, тоже выбралась и со скутумом побежала к стоящему грузовику.

Сэм изменил направление и бросился за ней. Стрелявшие вначале не заметили Реми и продолжали вести огонь по нему.

Реми, пригибаясь, бежала к грузовику, держа на правом плече четырехфутовый скутум, обращенный к стрелкам. Она миновала ближайшую пробную яму, где лежали неразорвавшиеся артиллерийские снаряды. Как она и опасалась, стрелки посылали в эту яму пулю за пулей, надеясь вызвать взрыв. Но как она надеялась, они попадали только в холмик земли. И даже когда Реми покинула опасную зону, пули продолжали свистеть: стрелки надеялись на мощный взрыв.

Затем стрелки сосредоточили огонь и на ней, и на Сэме; это подсказало Реми: у них нет специальной подготовки. Настоящий снайпер выбрал бы цель и не замечал бы ничего, пока не выполнит задачу. Американский стандарт таков: «один выстрел – одна смерть». Конечно, другие спецслужбы от него далеки, но все же гораздо лучше этих.

Когда она бежала мимо второй ямы, с французской пушкой, пуля ударила в край римского щита. Скутум сильно дернулся, Реми почувствовала – и по ее шлему стукнули осколки, но сумела удержать щит и продолжала бежать. Кривизна щита сыграла свою роль и поглотила большую часть энергии пули. Прибавив ходу, Реми добралась до грузовика и прижалась к его боку так, что машина загородила ее от снайперов. Она забралась в кабину, села на место шофера и включила двигатель. Теперь стрелки открыли огонь по кабине, разбили боковое стекло, зацепили кузов и раму. Реми сидела пригнувшись.

И вот, когда у нее уже появилась надежда на удачу, пуля рикошетом отлетела от чего-то на краю ямы и в поле произошел мощный громкий взрыв. Оглянувшись, Реми увидела: Сэм припал к земле, закрывая щитом спину, через мгновение поднялся. Тут раздались подряд три выстрела, потом залп из шести.

Несколько секунд спустя Сэм по-прежнему с копьями и двумя щитами появился с необстреливаемой стороны грузовика. К удивлению Реми, он забрался в кузов, захлопнул дверцу, подполз к окошку в кабину и крикнул:

– Гони!

Реми выпрямилась, отпустила тормоз, выжала сцепление и включила первую передачу, потом осторожно отпустила сцепление. Грузовик дернулся и поехал. Реми нажала на газ и снова переключила передачу, постепенно дошла до четвертой, продолжая давить на газ. В темноте со скоростью пятьдесят миль в час на сельской дороге она держалась в центре наезженной части. Сняла древний шлем, бросила на сиденье и завертела головой в поисках отражения луны на темной ровной поверхности.

Оглянувшись и не увидев позади каменного выступа, она включила фары и поехала быстрее, при этом спрямляла углы и не делала резких поворотов. Скорость дошла до шестидесяти миль, потом до семидесяти и продолжала расти. Реми надеялась: встречных машин не будет, но эта надежда словно заставила их появиться. Над холмом впереди появился свет, потом над вершиной показались фары и устремились прямо на нее.

Реми прижалась как можно ближе к правой обочине дороги, стараясь не сбавлять скорости. Первая машина пролетела мимо, казалось, всего в двух дюймах от нее, а ее водитель протестующе посигналил. Следующие три машины пронеслись без единого звука, возможно пользуясь тем, что дорога стала чуть шире, а может, просто опешив от такого безрассудного вождения.

Реми продолжала поглядывать в зеркало заднего обзора, надеясь, что стрелки ее не преследуют. И опять ее надежды словно воплотили опасения. Сзади на дороге появились фары и начали быстро приближаться. На повороте она посмотрела в боковое зеркало, чтобы лучше разглядеть преследователя. Машина большая, высокая – тот самый «Рейнджровер», его они видели у каменного выступа на поле битвы. За ним двигалась еще одна большая машина, грузовик, почти такой же, какой она ведет. Конечно, без грузовика здесь нельзя, подумала она. Сокровищ много – понадобился большой грузовик. Золото и серебро оказались слишком тяжелы для джипа.

«Рейнджровер» мчался за ней, следом и грузовик. Реми понимала: на следующем повороте ее могут догнать и, прицелившись из окна, застрелить.

Преследователи неумолимо приближались, и Реми уловила: водитель освещает фарами ее шины, чтобы их пробить и заставить остановиться. Она услышала, как Сэм возится с задними дверцами кузова, и повела

грузовик ровнее, глядя в боковое зеркало. «Рейнджровер» подъехад совсем близко, когда задняя дверца их грузовика распахнулась.

Из темного кузова вылетело древнее копье. Узкий острый наконечник на стальном штифте длиной примерно в половину его, воткнутом в хрупкое древко. Копье словно крутилось в полете.

В зеркало заднего обзора Реми увидела, как округлились глаза водителя; разинув рот, он смотрел на летящее к нему копье. Острие копья с громким звоном ударило в ветровое стекло, на стекле перед водителем появилось белое пятно, и острие прошло насквозь. От ветра древко бешено дергалось, острый наконечник мелькал перед лицами водителя и пассажира.

«Рейнджровер» начал вилять. Шофер пытался справиться с машиной, но ту занесло. Вторая их машина оказалась слишком близко и ударила «ровер» в бок со стороны шофера и развернула его. Преследователи остановились.

Реми еще прибавила скорость. Через десять минут их грузовик проехал мост через реку, и Реми остановила его на стоянке агентства по найму автомобилей. Они перегрузили римское оружие в свою машину, здесь стоявшую, и направились в отель.

Они внесли все оружие в вестибюль. У обоих вся одежда, лица и руки были в черной грязи. Сэм подошел к стойке портье. Тот с тревогой посмотрел на древний шлем и удивленно произнес:

– Господин?..

– Я Сэмюэль Фарго из 27-го номера.

– Да, господин Фарго. Все в порядке? – Портье посмотрел на копья и щиты.

– Ах, это. У нас был карнавал, и вечеринка слегка вышла из-под контроля.

– Да, господин Фарго. У нас все группы с римской тематикой попадают в неприятности.

– Наверно, нам стоило спросить заранее. А сейчас я хочу снять еще один номер. На другом этаже, по другому коридору. Это возможно?

– Конечно. – Портье посмотрел на экран компьютера, пододвинул листок, чтобы Сэм подписал, а потом протянул ключ. – Номер 315, господин Фарго.

Сэм и Реми отнесли римское оружие в свой новый номер и прислонили копья и щиты к стене.

Реми покачала головой:

– Их слишком легко найти. Они бесценны.

Сэм взял щит с надписью и через окно выбрался на карниз, а оттуда на узкую крышу, прошел к ближайшей трубе и поставил щит между нею и черепицами крыши, потом вернулся в номер и закрыл окно.

– Необходимо выйти и осмотреться, – сказал Сэм. – Попробуем найти тех, кто хочет нас убить.

– А теперь повтори про себя и подумай, такая ли уж это хорошая мысль, – отозвалась Реми.

– Ну, на самом деле, люди мне не нужны, – ответил он. – Хочу найти, где они спрятали сокровища.

– И как ты собираешься это сделать? – спросила она.

– Давай поразмыслим, где они могут быть. Похоже, эти люди обычно не занимаются кражей древних артефактов. Они не заметили щита с надписью и оставили в тайнике невероятно ценное римское оружие только потому, что оно не золотое.

– Ты прав, – подтвердила Реми. – Кто же они такие?

– Союзники Арпада Бако – почти несомненно его деловые партнеры. А на чем делает деньги Бако?

– Если верить Тибору, он распространяет свои медикаменты по нелегальным каналам.

– Полагаю, эти люди – местные наркодилеры.

– Разумное предположение.

– Давай позвоним Тибору. – Он достал сотовый и вызвал из списка контактов нужный номер.

– Да? – отозвался сонный голос.

– Тибор, это Сэм.

– Я спал. Который час? Где вы?

– Еще во Франции. Похоже, как мы и опасались, Бако подключил к поискам сокровищ французских преступников, и они нас опередили, но мы нашли в тайнике надпись.

– Кое-что плохо, кое-что хорошо. Успеете забрать сокровища, прежде чем они их перепрячут?

– Мы оторвались от французских стрелков, которые нагрянули по нашу душу, считаем – они связаны с противозаконной деятельностью Бако, вероятнее всего это торговля наркотиками. Сможете узнать адреса, куда во Франции приходят законные поставки от Бако?

– Я занимаюсь этим с тех пор, как мы заподозрили, что у него кто-то есть во Франции. Куда во Франции он направляет свои лекарства, я не нашел. Мы полагаем, единственный способ законно доставить товар во Францию – через бельгийскую компанию. Но у Бако есть поставщик химикалий – компания «Леклерк». Оттуда в специальных контейнерах Бако получает ингредиенты, а после разгрузки контейнеры обязательно отправляют обратно. Кое-кто считает: контейнеры возвращаются во Францию не пустыми.

– Вы знаете адрес компании «Леклерк»?

– Да.

Сэм достал ручку и записал на банкноте в пять евро: «город Труа, Виа-де-ла-Либерте 6107».

Они вернулись в прокатное агентство, оставили машину и снова взяли свой грузовик.

– Думала, больше его не увижу, – сказала Реми. – Сколько мы им должны за пулевые пробоины?

– Они еще подсчитывают.

– И не забудь разбитое окно.

– Теперь поведу я, – сказал Сэм.

Они выехали из города; Реми по карте в своем телефоне определяла направления и расстояния. Города разделяли семьдесят пять миль, и поездка по шоссе Е-17 заняла почти полтора часа.

Когда они нашли в Труа нужную улицу, их настроение начало улучшаться. Тут располагались небольшая парковка с покрытием из асфальта и щебня, гараж для грузовиков и склад среднего размера. На подъезде Реми попросила:

– Поезжай медленнее, чтобы я могла взглянуть на парковку.

На площадке возле склада стояли «Рейнджровер» с разбитым ветровым стеклом и грузовик, который с ним столкнулся. У грузовика отсутствовал передний бампер, а левое колесо внедорожника еле держалось. Сэм выехал на шоссе, откуда хорошо просматривался весь комплекс. Ни на стенах склада, ни на стенах гаража окон не было, но были окна в потолке. В зданиях не горел свет, вокруг не ходили люди.

Сэм въехал на парковку. Несколько минут они стояли с работающим мотором, но никто не открыл дверь, не спросил, кто они и что им нужно.

– Может, все разошлись по домам? – предположила Реми.

Сэм посмотрел на боковую стену склада, изучил наклон крыши, сдал задним ходом, так что крытый кузов грузовика встал точно под краем крыши.

Они с Реми вышли и переглянулись. Им не нужны были слова, чтобы осуществить задуманное. Реми порылась под сиденьем, достала монтировку и веревку. Они забрались на передний бампер, оттуда на капот, потом на крышу кабины, на верх кузова и, наконец, на крышу склада. Через ближайшее окно в потолке заглянули внутрь.

На бетонном полу до самого окна стояли аккуратными рядами белые пластиковые контейнеры размером с пятигаллонную банку краски. Два автопогрузчика и никакого офиса.

– Отвернись, – сказал Сэм, монтировкой разбил оконное стекло и убрал с рамы осколки, потом обвязал веревкой стальную распорку.

– Начинаю, – прошептала Реми и на веревке спустилась на белые контейнеры, проверила их на прочность и произнесла: – Они чем-то заполнены. Очень устойчивые.

Сэм последовал за ней. Они переходили с одного ряда контейнеров на другой, пока не осталось всего три контейнера. Тогда они спрыгнули на пол и принялись обыскивать склад до тех пор, пока не осмотрели все пустые пространства и офис, который обнаружился в конце здания.

Сэм подошел к Реми.

– Идея была перспективная, но перспективные идеи не всегда оправдываются. Я думал, они спрячут сокровища там, где прячут наркотики.

Реми пожала плечами:

– Их мы тоже еще не нашли. Похоже, это все химикалии. – Она задумчиво смотрела на пластиковые контейнеры, подошла к ближайшему, прочла этикетку, потом наклонила контейнер на дюйм, перешла к другому, к третьему.

Сэм стал делать то же самое. Все контейнеры казались одинаковыми и весили примерно по сорок фунтов. Сэм и Реми переходили от ряда к ряду, проверяя по одному контейнеру. Вдруг Сэм перочинным ножом начал срезать ленту вокруг крышки одного контейнера. Реми подошла. Когда сняли крышку, то они увидели внутри знакомый блеск золота.

Фарго принялись проверять контейнеры и оттаскивать те, что не заполнены одинаковыми химикалиями. Одни контейнеры были тяжелее, другие легче: многие, если их потрясти, гремели. Сэм подтянул деревянный поддон и начал ставить на него контейнеры с артефактами. Через двадцать минут поддон заполнился, и он принес другой. Теперь они легко контейнеры отличали по весу, и поддоны заполнялись все быстрее. Они все проверили и убедились – оставшиеся контейнеры полны химикалий. Сэм сказал:

– Найди выключатель, открывающий двери.

Пока Сэм подогнал автопогрузчик для подъема поддонов с контейнерами, Реми нашла нужный рубильник. Подъемник подъехал к двери с поддоном. Реми выбежала и привела грузовик. За несколько минут они заполнили взятый напрокат грузовик поддонами с артефактами. Всего было три поддона, на каждом по четыре контейнера в длину и по четыре в ширину. Когда все было сделано, Сэм вернул подъемник на склад и возвратился. Они закрыли дверь склада, закрыли двери кузова и поехали.

В четыре утра Фарго приехали к своему отелю в Реймсе. Сэм предложил:

– Я принесу оружие и все остальное из нового номера, а ты прихвати наши вещи из старого, и поедем в Париж.

Они торопливо вошли. Подходя к двери их второго номера, Сэм понял: что-то не так. Из-под двери пробивался свет. Через три минуты появилась Реми с их общим саквояжем. Сэм через окно забрался в номер. Доспехи и оружие казались нетронутыми, но выражение лица Сэма говорило: что-то неладно.

– О нет! – воскликнула Реми. – Неужели они забрали его?

Сэм поднял пустые руки и закрыл окно.

– Пока мы в Труа грабили их, они в Реймсе грабили нас, а самое плохое – забрали щит с надписью Аттилы.

Глава 17

Аэропорт Шарль де Голль, Париж

«Самое печальное из всех сокровищ третье. Оно в могиле моего брата Бледы, он избрал для себя смерть на реке Муреш у Апулума».

– Не знаю, где это, – призналась Реми Альбрехту и Сельме.

– Не сомневаюсь, Бако узнает это, как только прочтет надпись на щите, – ответил Альбрехт. – Апулумом римляне назвали город, который сделали столицей Дакии, провинцией империи со времен Адриана, до

271 года нашей эры Дакия являлась первой римской провинцией, потерянной при сокращении империи. Во времена Аттилы жители Центральной Европы знали этот город, конечно, его знают и все интересующиеся Аттилой. И ясно: Муреш – это та самая река, что впадает в Тису в Сегеде, на родине Бако. Тот Апулум сейчас называется Алба-Юлия, это в Трансильвании, в Румынии.

– Все равно надо попробовать опередить его, – заявил Сэм. – У нас есть еще несколько минут до посадки на самолет в Бухарест. Успеем выслушать все, что вы расскажете нам о могиле Бледы.

– Аттила называет эту историю печальной, и справедливо, – начал Альбрехт. – В 434 году Аттила и его старший брат Бледа стали царями гуннов, когда умер Руга, предыдущий вождь, их дядя. Два равноправных монарха – редкое явление в истории, и это, вероятно, подтверждает тот факт, что младший брат Аттила тоже был редким в истории явлением – великим бойцом, великим вождем и харизматической личностью. Братья с большим успехом совместно правили целое десятилетие. Между ними царило полное согласие, словно существовал единый ум с двумя парами глаз и способностью оказываться одновременно в двух разных местах. Во время их правления гунны стали сильнее и многочисленнее благодаря завоеваниям; они разбогатели, и их боялись враги. Затем в течение 444 и 445 годов жили в мире. Аттила и Бледа, как и другие цари в промежутках между войнами, развлекались охотой. В 445 году Аттила и Бледа отправились в леса Трансильвании поохотиться на кабанов и оленей. О том, что произошло в лесу, до сих пор есть только предположения. Некоторые утверждают: Аттила воспользовался ситуацией, подстроил несчастный случай на охоте, чтобы править единовластно. Я всегда предпочитал другую версию, и текст на щите как будто подтверждает мою правоту.

– А какова эта другая версия?

– Поездка на охоту была попыткой старшего брата Бледы захватить Аттилу в дикой местности, где с ними будут только преданные приближенные, и убить его. Попытка не удалась, Аттила в схватке убил Бледу.

– Почему именно эта версия?

– Она основана на психологии братьев. Старший ребенок, в особенности мужского пола, с самого рождения – наследник, его все обожают. Когда появляется младший брат, старшего отнимают от материнской груди и он считает: все ему угрожают. Именно старший брат полон негодования, он полагает – с ним плохо обошлись, его ограбили все: и младший брат, и семья, и общество. Так что чаще агрессором становится именно он. Младший брат обычно ни о чем не подозревает и бывает захвачен врасплох. В нашем случае особенность такова: Аттила держался

настороженно и победить его было нелегко. Это согласуется со всеми фактами. Он был прирожденный боец, жил заложником при императорском дворе в Риме, когда был подростком, и, вероятно, чуял заговоры за сто миль.

– Какие сведения мы можем почерпнуть из надписи? – спросила Реми.

– Там говорится: Бледа «избрал для себя смерть». Не просто «умер». Судьба или Создатель предпочли одного брата другому. Это как будто подразумевает – рисковали оба, они сражались. И это самая печальная к тому времени для Аттилы смерть близких. Он уже потерял мать, отца, дядю и двух жен, о них нам известно. А что сделало для него смерть Бледы тяжелей прочих, как не такое обстоятельство, что Аттиле пришлось самому убить его?

– Это ужасно, – сказала Реми, – но чем больше я думаю, тем больше убеждаюсь в правильности этой версии.

Пассажиров рейса на Бухарест пригласили на посадку.

– Спасибо, Альбрехт. Договорим, когда приземлимся.

Реми быстро набрала номер Тибора и после ответа сказала:

– Это Реми и Сэм. Адрес во Франции, который вы дали нам, оказался верным. И пригодился. Мы передали сокровища на хранение французским властям. Следующая точка – в Трансильвании, на реке Муреш, близ города Алба-Юлия, и мы летим туда. Но Бако тоже видел текст на щите. Вы можете…

– Будем ежеминутно следить за ними, – пообещал Тибор. – Точно узнаем об их перемещениях.

– Спасибо, Тибор. Нас уже приглашают на посадку. Позвоним из Бухареста. – Она отключила телефон. Фарго встали в очередь на посадку.

Самолет пробежал по полосе и взлетел. Когда он выровнялся, Реми подняла ручку кресла между собой и Сэмом, положила голову ему на плечо и быстро уснула. Перелеты из одной страны в другую, тяжелая физическая работа ночью, поиски днем – все это утомило ее. Вскоре Сэм тоже уснул.

Проснулись они, когда объявили о приближении к аэропорту Бухареста. Пройдя пограничный контроль, они отыскали свою арендованную машину. По дороге в Алба-Юлию Реми читала историю Аттилы и его брата Бледы, скачанную в телефон в аэропорту Парижа.

– Здесь говорится: в свите Бледы находился знаменитый мавританский карлик по имени Зерко. Бледа так его любил, что заказал для него миниатюрные доспехи, чтобы в бою Зерко был рядом.

– На месте Зерко я отказался бы от такой чести, – заявил Сэм. – Все равно что участвовать в бою, когда все окружающие ростом двенадцать футов и весят тысячу фунтов.

– Наверно, быть любимцем царя и пользоваться его покровительством того стоило.

Сэм помолчал и спросил:

– После смерти Бледы Зерко где-нибудь упоминается?

– Здесь нет, – ответила Реми. – Но это же путеводитель, а не серьезный исторический труд.

Они въехали в Алба-Юлию и не останавливались, пока не добрались до отеля. Зарегистрировавшись, Сэм по своему сотовому телефону позвонил Тибору и сказал:

– Мы в Алба-Юлии. Есть новости?

– Да, но плохие, – ответил Тибор. – Бако все еще дома. В эту минуту он в своем кабинете на фабрике. Но пятеро его ближайших помощников уже на пути в Румынию. Я отправил за ними родного брата и двух двоюродных братьев, они сразу явятся к вам.

– Спасибо за предупреждение, – поблагодарил Сэм.

– Они едут на двух машинах, это внедорожники американского производства, черные, с тонированными стеклами. Люди Бако в дороге с раннего утра, так что могут быть уже у вас. Если заметите их, постарайтесь, чтобы они вас не увидели.

– Спасибо, Тибор. Мы будем осмотрительны.

– Удачи! – Тибор завершил разговор.

– Можем найти какое-нибудь людное место в городе и ждать их, – сказала Реми.

– Не в этот раз. Они знают: мы видели надпись, поэтому спешат сюда. Скорее всего, им позвонили из компании «Леклерк», и спустя примерно час они выехали. Если Бако с ними нет, то не станут заезжать в центр города за хорошей ресторанной едой. Полагаю, сразу начнут поиски, пока не найдут захоронение, даже если придется спать на голой земле в лесу.

Фарго вернулись в машину, выехали к реке Муреш и покатили по параллельной дороге, выискивая любые следы нетронутых древних строений. Так прошло несколько часов, потом они развернулись и поехали назад. В это время зазвонил телефон Сэма.

– Алло?

– Сэм, это снова Тибор. Бако только что вернулся домой и сразу вышел с двумя своими людьми. Они в полевой одежде, как будто собрались на сафари. Третий человек привел грузовик. Вероятно, Бако позвонили: его люди нашли погребальную камеру. Я в машине, еду на некотором расстоянии за ними, и у нас есть еще одна машина: буду менять, чтобы меня не заметили.

– Это вторая камера, с которой они нас опередили, – сказал Сэм.

– Но в конце концов сокровища оказались у вас. Не исключено, и на этот раз будет так же, – ответил Тибор. – И этот клад тоже отправится в музей, его не переплавят в слитки для банка Бако.

– Мы по крайней мере постараемся.

– Сейчас позвоню брату, узнаю, что нашли люди Бако.

– Буду ждать вестей, – закончил разговор Сэм и сказал Реми: – Можно поесть, пока ждем.

Они поехали в Алба-Юлию и остановились у кафе, откуда открывался вид на кафедральный собор двенадцатого века и двое из семи городских ворот. В архитектуре старейшего города чувствовалось римское влияние: округлые арки, квадратные многоэтажные башни. Сэм положил телефон на стол.

Они заказали холодец, тушеную утку с овощами и красное вино «Бабяска нягра», но едва приступили к десерту из пахлавы, как телефон Сэма зазвонил. Они с Реми переглянулись, потом посмотрели на телефон. Сэм ответил на звонок.

– Привет, Тибор!

– Они в лесу к востоку от города и, похоже, копают яму. Остановились сейчас. Очевидно, ждут Бако, прежде чем войти в тайник. Наверно, он хочет быть первым.

– А где Бако сейчас?

– Все еще в тридцати милях, едем вдоль Муреша. Брат и двоюродные наблюдают за ними у тайника, но ничего не могут сделать. Поздно мешать Бако добраться туда первым.

Сэм немного подумал.

– Хорошо. Надо отвести наши силы от клада.

– Отвести?

– Да. Назовите мне место, и пусть все возвращаются в Венгрию. Дальше мы с Реми будем действовать.

– Что это вы задумали?

– Поздно мешать Бако найти клад. Надо помешать забрать его.

– Как?

– Придумаю по ходу дела.

– Я в вас верю. У меня много друзей, но ни у кого нет такого острого ума – он у вас просто конструктор самых безумных идей.

– Спасибо, Тибор. Отправляйте братьев в Сегед. И все езжайте домой другой дорогой, не такой прямой.

– Я вам перезвоню и назову точное место.

– Спасибо, – произнес Сэм и взглянул на Реми. – Мы оба тронутые.

Она поцеловала его в щеку.

Телефон зазвонил опять до удивления скоро. Сэм включил и услышал голос Тибора:

– Я теперь близко и вижу, куда подъехал Бако. Это в пяти километрах к востоку от городской стены Алба-Юлии. Густой лес, отсюда начинается тропа для любителей ходьбы. Есть площадка для парковки и место для пикника. Здесь стоят два черных внедорожника и грузовик.

– Хорошо, – кивнул Сэм. – Уже едем.

– Вы уверены, что не хотите, чтобы мы остались?

– Абсолютно. Вы отослали братьев?

– Да.

– Отлично. Теперь другой дорогой поезжайте к границе.

– Еду.

– Удачи!

– И вам тоже. Она вам понадобится.

Сэм и Реми миновали описанное Тибором место и поехали дальше. Нашли другую парковку и начало тропы, которое могло оказаться концом той, первой, тропы. Повернули и снова поехали мимо припаркованных машин к венгерской границе.

В нескольких милях от Албы-Юлии они попали в более гористую местность. Шоссе сменила узкая дорога с неровной обочиной, по обеим сторонам высились почти вертикальные стены из камня, деревьев, кустов и лиан. Сэм не останавливался, выбирая подходящее место.

Наконец он решил, что нашел. Тут лента дороги длиной в четверть мили раздваивалась и исчезала за подъемом. В Трансильванских горах сохранился самый крупный участок девственного леса, когда-то занимавшего большую часть Европы, так что растительность была густой и буйной. Сэм затормозил, потом на высокой скорости стал пятиться, пока не добрался до места, позволявшего всем машинам пройти мимо, заглушил двигатель и открыл багажник.

Реми вышла и достала две лопаты, веревку для подъема и лом. Когда она протянула руку к очкам ночного видения, Сэм сказал:

– Это можно оставить.

– Хорошо. Значит, к ночи закончим.

– Ну, если подумать, то, пожалуй, очки лучше захватить. – Он взял лопату, веревку и лом и стал сбоку от дороги подниматься к скальному карнизу.

Реми со второй лопатой поднималась следом.

– Пока карабкаемся, посоветуй название для мемуаров. Как тебе нравится: «Реми: американка в трансильванской тюрьме»? Или: «Это сразу говорит о многом»? Может, лучше: «Реми: девушка за решеткой»?

– Как насчет: «Везучая девушка: моя жизнь с Сэмом Фарго»?

Она рассмеялась и стала карабкаться быстрей, чтобы догнать его. Поднявшись выше, она поняла: выступы скал и изгиб дороги мешают им видеть их машину внизу. Но в таком случае и их никто не увидит с дороги. Любой человек, посмотрев вверх, увидит только скалы.

После долгого подъема Сэм прошел несколько сотен ярдов вдоль вершины, потом взял лопату и принялся копать.

– Надеюсь, мне удастся подрыть этот камень. Если он покатится вниз, как все тяжелые предметы, мы получим очень внушительную лавину и перегородим Бако дорогу в Венгрию, тогда благополучно уедем.

– Благополучно? Ты уверен?

– Да, если получится. Но потребуются огромная срочная работа и большая удача. – И он принялся бросать в сторону землю и мелкие булыжники, которые как будто удерживали четырехфутовый камень в ста пятидесяти футах над дорогой.

Реми встала с другой стороны от камня и принялась делать то же самое.

Наступил момент, когда камень на склоне как будто вышел из земли: они освободили большую половину и подкопали дно. Сэм отошел на несколько ярдов и выбрал сухой сук длиной десять футов и толщиной два с половиной дюйма. Потом подкатил к большому камню другой, поменьше, чтобы использовать его как точку опоры.

– Ладно, Реми. Иди вдоль гребня, а как только увидишь, что кто-то подъезжает издали, помаши мне. Тогда я постараюсь безопасно спустить камень.

– Иду. – Она побежала по гребню, иногда перепрыгивая через трещины или огибая препятствия, наконец остановилась над дорогой далеко от Сэма, подняла руки и помахала.

Сэм приставил свой рычаг к точке опоры и нажал. Он стоял в десяти футах от камня и мог использовать всю длину рычага. Еще раз нажал, что-то застонало, и камень шевельнулся.

Первая попытка не удалась. Сэм посмотрел на Реми и увидел, что она энергично машет руками.

Внизу Сэм заметил поднимающийся по дороге автобус: шофер вел машину медленно. Через минуту Реми снова помахала. Сэм переместил точку опоры ближе к камню, прижался к нему плечом и уперся обеими ногами. Камень качнулся вперед, потом назад и вышел из своего углубления. Вначале он катился с трудом, медленно, но вот перевернулся и просто заскользил; почва не оказывала сопротивления, и он не кувыркался. Сминая растительность, камень достиг отвесного шестифутового обрыва. И когда ударился там о другие камни, то словно встряхнул их, и они покатились следом. Он катился быстрее других камней, но вывел из состояния покоя почти весь склон, так что вначале заскользили небольшие камни и гравий, а после и целые участки почвы с растущими деревьями двинулись вниз. Деревья падали вертикально. Лавина получилась очень шумной – двигались тонны камней, почвы и трещащей древесины.

Сэм посмотрел вниз: лавина перекрыла дорогу от одного склона до другого. Еще секунд десять продолжали прыгать мелкие круглые камни, они пробегали несколько ярдов, достигали основной кучи и останавливались. И тут наступила полная тишина.

Сэм схватил лопату, веревку и лом и пошел по вершине хребта к Реми. Вместе молча они отправились вниз, используя лопаты, чтобы не упасть и не запустить вторую лавину. Оказавшись на дороге, они побежали к своей машине, бросили инструменты в кузов, развернулись и поехали к Алба-Юлии. Теперь Реми казалось: она видит на дороге гораздо больше машин, чем раньше. Как будто все движение теперь направлялось к ним. Минут через пятнадцать Сэм догнал другие машины, идущие в том же направлении.

– Надеюсь, братья проехали до того, как мы перекрыли дорогу, – прервала молчание Реми.

– Уверен в этом, – ответил Сэм. – Мы дали Тибору достаточно времени. Теперь нам нужно название и телефон конторы, которая в Румынии препятствует контрабандному вывозу древностей.

– Позвоню Сельме, – решила Реми.

– Привет, Реми! – отозвалась Сельма. – Тибор сообщил мне, что вы решили действовать одни.

– Другая команда опередила нас в поисках захоронения Бледы. Сэм указал мне – возможно, исходя из нашего французского опыта, – что найти сокровища и доставить их домой совсем не одно и то же. Сейчас мы расширяем игру. Кому позвонить в Румынии, чтобы помешать Бако контрабандой переправить древности в Венгрию?

– Лучше пусть это сделает Альбрехт через посредника, – предложила Сельма. – Румынской федеральной полицией управляют из Генерального инспектората в Бухаресте. Следуем им сказать, что у нас дело для Интерпола, и они сообщат пограничникам. Могу использовать для этого компьютер и связаться через прокси, чтобы наше местоположение не установили.

– Спасибо, Сельма.

– Не за что. Если Бако поймают, у него будут неприятности. Румынский закон № 182 от 2000 года говорит, что любые находки должны быть зарегистрированы, необходимо получить правительственный сертификат. Всякая древность считается «подвижным культурным наследием».

– Мы позвоним снова, как только кое-что утрясем.

– Разве дело не кончено? – удивилась Сельма.

– Боюсь, что нет. Нам нужно увидеть камеру.

– Будьте осторожны.

Они снова проехали через Алба-Юлию, потом мимо небольшого леска, где видели машины Бако, остановились на следующей парковке и пешком пошли по лесу обратно. Они прятались за кустами, пригибались к земле, наконец приблизились и увидели Бако. Он сидел над входом в тайник, свесив ноги в темную пропасть. Четыре человека держали веревку, которой он был обвязан под мышками, подбежал пятый и протянул Бако фонарик.

Бако оттолкнулся и скользнул вниз, в камеру. По извивам веревки Сэм и Реми поняли: он висит внизу, пытаясь осветить всю камеру. Несколько раз его люди, измотанные тем, что рыли землю и ворочали камни, готовы были отпустить веревку, бросить хозяина вниз.

В какой-то момент Бако оказался в камере. Веревка провисла, люди расслабились и принялись растирать мышцы. Вдруг внизу раздался крик. Вытащили пустую петлю, один из охранников Бако надел ее на себя, и его спустили. Веревка снова провисла, и люди наклонились к проему, чтобы услышать голоса. И в ужасе начали переглядываться.

Реми прошептала:

– Что-то неладно.

Из гулкой камеры послышался новый крик, и люди наверху, напрягаясь, быстро вытянули товарища. Тот что-то сказал им, и в камеру спустили фотоаппарат. В темном отверстии среди деревьев несколько раз вспыхнул свет. Через несколько минут подняли Бако, тот принялся гневно расхаживать, выглядел очень недовольным и что-то бормотал себе под нос, затем неожиданно начал выкрикивать приказы.

Телохранители принялись загружать оборудование в грузовик, но из тайника извлекли кое-что из оружия, ткани, керамику. Все люди говорили по-венгерски. Потом Бако, начальник его охраны и еще двое телохранителей сели в два внедорожника.

Реми прошептала:

– Они не берут в машину Бако никаких артефактов.

Один из телохранителей открыл багажник внедорожника; стали видны запасная шина и домкрат. Телохранитель уложил туда меч в ножнах, пояс с кинжалом и стальной пулевидный шлем, потом закрыл багажник.

– Слава богу, – прошептала Реми. – Теперь они по крайней мере хоть чем-то проштрафились.

Внедорожник попятился, развернулся и поехал вдоль Муреша к перегороженной дороге.

Оставшиеся двое повели второй внедорожник и грузовик в сторону Венгрии. Сэм и Реми проползли между кустов, пошли к своей машине и поехали обратно к последней парковке, включив на полную громкость радио, чтобы их не могли не услышать. Там остановились, вышли, захлопнули дверцы и отправились по тропе, шумя как можно сильней.

Когда они приблизились к тайнику, двое телохранителей Бако уже исчезли, поспешно прикрыв вход в тайник ветками. Сэм и Реми на подходе услышали, как две машины поехали по дороге. Сэм достал веревку и быстро спустил Реми в камеру.

Едва коснувшись ногами пола, она сразу сказала:

– Вижу, что не так. Быстрей спускайся!

Сэм присоединился к ней, и они быстро осмотрели помещение. На слегка приподнятом помосте, как на низкой кровати, лежали останки Бледы. В углу белел скелет карлика Зерко ростом три фута. Оба находились в позе погребенных, у обоих – проломлены черепа. Очевидно, удары наносили тяжелым оружием. Единственными артефактами в камере были истлевшая одежда, кожаная конская упряжь и седла.

– Альбрехт был прав, – сказала Реми. – Бледа пытался избавиться от Аттилы, но проиграл.

– Так это выглядит, – согласился Сэм. – Никаких сокровищ. Только вещи Бледы. И его друга Зерко. Если бы Бледа погиб случайно, Аттила не казнил бы Зерко.

– Надо найти надпись, – озаботилась Реми и принялась изучать стены.

Сэм смотрел, нет ли чего на полу, но ничего не попадалось интересного. Время от времени Сэм останавливался, чтобы прислушаться к звукам снаружи. При этом он невольно задирал голову и потому увидел надпись. Слова были выгравированы на камне потолка над ними. Сэм коснулся руки Реми и показал наверх:

– Он словно хотел, чтобы Бледа это видел.

Реми сотовым телефоном сделала три снимка, и Сэм понял: они видели вспышку, когда делал снимки Бако.

Фарго вылезли по веревке и быстро добрались до своей машины. На обратной дороге они разминулись с внедорожником и грузовиком. Те возвращались, чтобы проверить, можно ли спокойно закончить работу.

Пока Сэм вел машину, Реми переслала снимки Альбрехту и Сельме в Ла-Холью. Они еще с полчаса ехали в сторону Бухареста, потом телефон Реми зазвонил.

– Алло?

– Реми, это Альбрехт.

– Дошли снимки?

– Да.

– Видели, как был похоронен Бледа?

– Да.

– Хочу сообщить: ваша теория получила подтверждение. Это не был несчастный случай. Если бы Бледа погиб от несчастного случая, тогда незачем убивать Зерко.

– Верно. Но это не говорит о том, кто из братьев напал первый.

– Есть новости от Бако? – спросил Сэм.

– Есть обнадеживающие сигналы. Только что позвонил Тибор и сказал, что два адвоката Бако вылетели в Бухарест. Возможно, его арестовали. Но по обвинению в вывозе артефактов надолго его не задержат.

– А надпись, которую мы выслали?

– Собственно, потому я и звоню. В ней говорится: «Смерть моего любезного брата стала самым печальным днем моей жизни. А до того худшим был день, когда мы вместе собирали кости наших предков».

– Нужно быстрей возвращаться в Венгрию, – подытожила Реми. – Бако видел надпись и собирался уехать в те края. Полагаю, мы должны последовать его примеру. Иначе Бако снова сможет нас опередить.

Глава 18

Историческая область Трансильвания, Румыния

– Если доберемся вовремя, может, сумеем перехитрить его, – сказал Сэм. – Бако должен быть еще в Румынии, разбираться с украденными артефактами.

– Но он видел надпись и может по телефону скомандовать своим людям начинать раскопки, – заметила Реми.

– Попробуй связаться с Тибором, попроси его последить за необычной деятельностью людей Бако, и пусть отыщет для нас вертолет.

– Это ему понравится, – сказала она, набирая номер. – Алло, Тибор?

– Привет, Реми! Мне придется жалеть, что я ответил на этот звонок?

– Вероятно, но лишь недолго. Пока нужно только, чтобы вы следили за людьми Бако – за всеми, а не только за самыми плохими пятью. И еще нам вертолет необходим.

– Вертолет?

– Да. Пожалуйста, скажите, что у вас есть подходящий двоюродный брат, желательно вертолетчик.

– Есть друг. Где подобрать вас?

– Он сможет прилететь в Румынию?

– Да.

– Тогда надо подобрать нас в аэропорту Тимишоары. Это закрытый аэропорт. И пусть прихватит бинокль.

– Позвоню ему немедленно.

– Спасибо, Тибор. – Она закончила разговор и что-то увидела в своем телефоне. – Сельма прислала письмо.

– Прочти, чтобы я не отрывался от дороги.

– Хорошо. Вот текст: «Следующий клад был зарыт в 441 году на северном берегу Дуная. Здесь проходила граница между землями, которые контролировала Восточная Римская империя, и землей гуннов. Гунны уходили с этой территории с 438 по 440 год. Римляне, во всяком случае римляне-оптимисты, предполагали, что они ушли навсегда».

– Одно из самых напрасных предположений.

– Да, хуже они не могли ошибиться, – ответила Реми и продолжала читать: – «Гунны ушли на восток и присоединились к армянам в их войне с сасанидской Персией. Вернувшись в 440 году в свою крепость к северу от Дуная, они обнаружили: в их отсутствие епископ города Марга перешел Дунай и разграбил царские захоронения гуннов».

– Епископ?

– Вероятно, у церкви существовали проблемы с подбором персонала. Дальше: «Вернувшиеся гунны очень рассердились. Аттила и Бледа потребовали у императора Восточной Римской империи, чтобы им отдали маргского епископа. Тот был очень скользким типом. Он сразу понял – император отдаст его. Поэтому сам тайно явился к гуннам и предал город. Гунны разрушили город. А потом захватили все иллирийские города вдоль Дуная, а также Белград и Софию».

– Не могу упрекнуть их в рассерженности, но что стало с епископом?

– Понятия не имею. Возможно, они убили его или сохранили ему жизнь. «Они перезахоронили останки своих людей. Предполагается, что в качестве погребальных даров использовались украденные епископом сокровища, а также награбленные во всех городах».

– Здесь не говорится, кто тогда находился в царских могилах, – сказала Реми. – Но в надписи Аттила называет их «предками».

– Так что произошло после вторичного погребения?

– Гунны как будто не смягчились. В 443 году они снова разграбили Пловдив и Софию и пошли дальше. Они дошли до Константинополя, где император Феодосий для спасения города вынужден был отдать им девятьсот шестьдесят три килограмма золота и повысить ежегодную дань до двух тысяч ста фунтов золота.

– Надеюсь, Бако ждет, когда его выпустят из тюрьмы, и ничего не может сделать.

Тимишоара очень понравилась Сэму и Реми, они увидели – город прекрасен. Архитектура времен Габсбургов напоминала Вену. Стрелка с надписью «Аэропорт» привела их к международному аэропорту «Траян-Вуйя», где они смогли вернуть взятую напрокат машину агентству, расположенному в Бухаресте. И направились к вертолету.

Вертолет уже ждал на площадке; у ворот их встретил мужчина средних лет, с песочно-рыжеватыми усами, русыми волосами, одетый в кожаную куртку песочного цвета.

– Мистер и миссис Фарго?

– Да, – кивнул Сэм. Несмотря на улыбку встречающего, Сэм не забывал – его мог подослать Арпад Бако. Сейчас, вероятно, Бако повсюду разослал людей на их поиски. Но он не мог знать, что им понадобился вертолет. Сэм ждал, пока мужчина скажет что-нибудь, позволяющее ему поверить.

– Тибор предупредил, вы торопитесь, поэтому я сразу прилетел. Меня зовут Эмиль.

– Вы прекрасно говорите по-английски, – заметила Реми.

– Английский – универсальный язык летчиков, – ответил Эмиль. – Если пилот швед, а диспетчер в Бутане родом из той же деревни, что и пилот, по радио они будут говорить по-английски. Мы с Тибором вместе изучали английский для получения лицензии пилотов.

– Тибор пилот? – спросила Реми.

– И гораздо лучше меня. Он лишь несколько лет назад ушел в отставку и начал свой бизнес с такси.

– Интересно, почему он нам никогда об этом не говорил.

Эмиль усмехнулся:

– Тибор из тех, кто старается все узнать о вас, но рассказывать о себе считает напрасной тратой времени. – Он открыл боковую дверцу вертолета и передал две пары наушников. – Занимайте вон те два сиденья. Можете слушать, но говорите, только когда я велю. Понятно?

– Хорошо, – отозвался Сэм.

Они с Реми сели, пристегнулись и надели наушники.

Эмиль по радио связался с диспетчерской, доложил свой курс и сразу включил двигатель. Мотор завыл, лопасти завертелись быстрее, шум все усиливался, и вот они поднялись в воздух, слегка наклонились вперед и направились в сторону от аэропорта и его взлетных полос, постепенно поднимаясь. Немного погодя Эмиль набрал нужную высоту и полетел ровно на юго-запад, но несколькими милями дальше снова начал подъем.

– Теперь мы в стороне от воздушных трасс. Можно говорить.

– Хорошо бы полететь вдоль северного берега реки? – попросила Реми. – Мы ищем людей, которые копают землю.

– Копают землю?

– Да, – подтвердил Сэм. – Вероятно, пять или шесть человек лопатами роют яму. Если прилетим рано, то увидим, как они используют электронное оборудование. Необходимо хорошо их разглядеть, но при этом они не должны понять, что ими интересуются.

– Кстати, Тибор говорил, вам нужны бинокли. – Он открыл отделение, достал за ремешки два бинокля и протянул Фарго.

– Спасибо, Эмиль, – поблагодарила Реми. – Мы рады принять вашу помощь.

– Я тоже рад, – ответил Эмиль. – Не часто сталкиваешься с таким интересным приключением. В основном я вожу туристов, чтобы они с воздуха увидели то, что накануне видели на земле. Время от времени какому-нибудь бизнесмену нужно побыстрей добраться в Будапешт или еще что-нибудь в этом роде.

– Будем надеяться, приключение не станет чрезвычайно интересным.

Немного погодя Эмиль сказал:

– Мы летим над венгерской границей. А теперь полетим вдоль Дуная.

Дунай, широкий и извилистый, тек в высоких берегах, проходил через густонаселенные земли. На реке находилось много лодок. Почти у самого края воды высились здания.

– Река – международная граница, северный берег – венгерский.

– Если можно, держитесь пониже над землей, – попросил Сэм. – Мы ищем древние захоронения. Они, вероятно, расположены на возвышенностях и не слишком близко к реке, чтобы их не заливало в наводнения.

– Понятно, – кивнул Эмиль.

Они летели над Дунаем с востока на запад. Когда казалось, что земля раскопана или стоит несколько грузовиков с оборудованием, Сэм и Реми просили лететь медленнее, чтобы лучше рассмотреть.

Одна местность выглядела необычно, они зависли в воздухе. В ста ярдах от реки стояло старомодное здание с высокой крышей, выкрашенное в цвет сливочного масла; сложная сеть тропинок пронизывала большой сад. А среди клумб и дорожек полтора десятка людей лопатами копали ямы. Еще столько же людей ходило повсюду с металлоискателями, а двое толкали магнитометр на колесах, похожий на газонокосилку.

Эмиль еще раз пролетел над этим местом, и увиденное Сэма и Реми потрясло. Люди Бако уже нашли несколько захоронений и вскрыли их. Разоренные могилы обрамляли большие камни, в стороне валялись человеческие скелеты, в корзины грузили металлические предметы. Сэм взял телефон.

– Алло?

– Альбрехт, – произнес Сэм. – У нас плохие новости. Не знаю, как Бако это удалось, но моя тактика задержки не помогла. Двадцать или тридцать его людей – в каком-то поместье на северном берегу Дуная. Они раскапывают могилы и грабят их. Уже вскрыли четыре или пять.

– Нужно действовать быстро, – ответил Альбрехт. – Я позвоню друзьям в Сегедский университет, чтобы власти вмешались и прекратили это. Можете назвать точное расположение?

– Наверно, это лучше сделает наш друг Эмиль.

– Скажите им, что это поместье графа Врети к югу от Сегеда. Сейчас это музей. В данное время он должен быть закрыт, значит, они устранили сторожей, – сообщил Эмиль.

– Понял. Спасибо, – закончил разговор Альбрехт.

Сэм снова взялся за телефон:

– Тибор, мы в вертолете Эмиля.

– Я должен оглохнуть, чтобы не слышать его винты.

– Люди Бако отыскали царские могилы на северном берегу Дуная в поместье Врети. Можете что-нибудь сообщить о Бако и тех его людях, которые находились в Румынии?

– Они еще не вернулись из Трансильвании.

– Вероятно, он предпочел качеству количество, отозвал с работы десятки людей и поставил копать. Надо помешать ему найти сокровища.

– Сэм! – закричала Реми.

– Подождите, Тибор. – Он повернулся к Реми. – Что?

– Они подвели к берегу большую лодку.

– Тибор, они собираются грузить клад в лодку. Отсюда похоже, это сорокапятифутовая яхта. Они продолжают копать, так что им еще потребуется время. Но с этой минуты мы должны знать, где яхта.

– Я пошлю людей на Дунай выше и ниже поместья Врети, будем знать, куда она идет.

– Хорошо. Спасибо. Нам с Реми потребуется оборудование, которое мы оставили в лодке на Тисе: снаряжение для ныряния, сумка с инструментами и грузовик с закрытым кузовом.

– Позвоню двоюродному брату.

– И попросите его проверить, заполнены ли баллоны с воздухом.

– Сообщу, когда все будет готово.

Сэм, Реми и Эмиль то и дело возвращались и улетали, как будто что-то перевозили по маршруту, проходящему над поместьем. Часа через полтора лодку загрузили, люди с лопатами и другим оборудованием усаживались в грузовики, собираясь уезжать.

Сэм наклонился вперед и заговорил:

– Эмиль, вы прекрасно справились. Возможно, мы еще раз позвоним вам. А сейчас есть ли здесь в радиусе двух миль место, где можно незаметно высадить нас?

– Есть, – ответил тот. – Возле университета расположена посадочная площадка. Можно там. – Он недолго летел над городом, сел на большой знак «Х» в конце парковки и произнес: – Мы на месте.

– Сколько мы вам должны? – спросил Сэм.

– Нисколько. Тибор уже оплатил мне день.

Сэм протянул ему пятьсот долларов:

– Тогда, пожалуйста, примите небольшой подарок.

Эмиль передал Сэму свою карточку со словами:

– Знаю, вы не читаете по-венгерски, но номер телефона прочтете. Звоните в любое время дня и ночи. Если я сам буду занят, то найду того, кто сможет помочь.

Они пожали друг другу руки, Сэм и Реми вышли, вертолет поднялся и улетел.

– Знаешь, я не перестаю думать о судьбе епископа, который первым ограбил эти могилы, – сказала Реми.

– Полагаю, его репутация проницательного и умного человека сильно пострадала.

– Считаешь, Аттила и Бледа убили его?

– Для своих он был предателем. Для гуннов – разорителем могил. Я очень удивлюсь, если узнаю, что он умер в своей постели.

– Посмотрим, принесет ли такой же поступок несчастье Бако.

Зазвенел телефон Сэма.

– Алло?

– Это я, Тибор. Где вы?

– На вертолетной площадке у Сегедского университета.

– Оставайтесь там.

Через пять минут в дальнем конце парковки появился белый грузовик с закрытым кузовом и направился прямо к ним. Когда он остановился, Сэм и Реми сели в кабину к Тибору.

– Братья рассказали, яхта стоит далеко от берега, – начал говорить Тибор. – Люди Бако погрузили в шлюпку пятнадцать деревянных ящиков, подвезли к яхте и перегрузили на палубу. Мы считаем, что они собираются куда-то перевезти клад по воде. По пути в Черное море Дунай проходит через Германию, Австрию, Венгрию и Румынию. В него впадает много рек. Похитители могут отправиться куда угодно, ни разу не ступив на сушу.

– Полиция приехала?

– Пока никого не видно.

– Посмотрим, сумеем ли мы принести Бако неудачу, – сказал Сэм.

Тибор хлопнул его по плечу:

– Я рад, что дожил до встречи с вами, ребята. С самого детства никто не заставлял меня столько смеяться.

Сэм потер плечо.

– Ну ладно. Поставим грузовик там, откуда видна яхта.

Тибор провел грузовик по дороге вдоль Дуная и повернул на восток. Через несколько минут дорога обогнула несколько старых поместий у реки. Тибор показал:

– Вон она! Видите?

– Та, что с высоким мостиком?

– Она самая.

Яхта была длиной шестьдесят пять футов, на корме висели алюминиевые шлюпки.

– Отлично! – оценил ситуацию Сэм. – Нам с Реми нужно надеть снаряжение для ныряния.

– В кузове мои племянники. Я их выпущу, и вы сможете там переодеться. – Тибор поставил грузовик на обочине, открыл задний борт, выпустил двоих молодых людей и впустил Сэма и Реми, чтобы те переоделись и привели в порядок снаряжение.

Сэм проверил фонарь и запрошенный инструмент. Все это он положил в сетчатую сумку и прикрепил к поясу.

– Поплывем по течению. Когда приблизимся, тебе придется держать фонарь, чтобы я видел, что делаю. Постараюсь работать быстро.

Реми посмотрела на него с подозрением:

– Почему ты не говоришь, над чем будешь работать?

– Я же знаю, ты обожаешь сюрпризы. Но ни в коем случае не поднимайся на поверхность. Держись как можно глубже.

Племянники Тибора помогли Сэму и Реми спуститься позади грузовика к воде, чтобы их нельзя было увидеть с яхты. Здесь они надели ласты и

спиной вошли в темные воды Дуная. Как только глубина стала достаточной, они нырнули.

Большая белая яхта стояла на якоре примерно в ста ярдах от берега, у края рукава, по которому шло много яхт и крупных грузовых судов. Сэм и Реми направились к яхте, держась в мутной глубине; изредка они проверяли курс, освещали фонарями дно и пространство впереди.

Наконец фонарик Реми высветил якорную цепь почти там, где они ожидали, – темная диагональная линия шла снизу к пятну на серебристой поверхности.

Сэм сделал знак Реми и медленно поднялся; он очутился под корпусом, но не касался его. Проплыл вдоль корпуса к корме и посмотрел на винт, сидящий на оси под кормой.

Реми схватила его за руку, и при свете ее фонаря он увидел, как жена отрицательно покачала головой. Сквозь маску он отчетливо заметил тревогу в ее глазах, положил руки ей на плечи, мягко погладил, взял Реми за руку и направил свет на винт. Оба знали: если на яхте включат двигатель, Сэма мгновенно разрежет на куски.

Сэм методично принялся за работу. Прежде всего он отыскал шплинт и плоскогубцами снял его с гайки. Теми же плоскогубцами убрал втулку стопорного кольца, уложил плоскогубцы в сумку и вставил гаечный ключ между лопастью винта и кормой, чтобы помешать винту поворачиваться. Другим ключом он удалил гайку. Упершись ногами в корпус, он снял бронзовый винт с оси, отнес его на некоторое расстояние и бросил в глубину.

Потом Сэм вернулся к корме яхты и осторожно вынырнул, снял ласты, баллоны и маску, повесил все это на ось винта и по кормовому трапу взобрался на борт.

Уже на палубе он неожиданно уловил движение слева, обернулся и увидел человека, который прижимал к левому плечу что-то похожее на трубу. Сэм пригнулся и ударил человека по торсу, так что труба пролетела над ним, тотчас нанес быстрый удар джиу-джитсу в подбородок, удушающим приемом сжал горло и держал, пока человек не потерял сознание. Тогда Сэм нашел швартовочную веревку, связал человека и из его же рубашки изготовил кляп.

Тут он увидел на палубе деревянные корзины, закрытые брезентом. Подняв брезент, он быстро начал перетаскивать корзины в спасательную шлюпку на корме. Они оказались тяжелые, и погрузка десяти корзин заняла почти час напряженной работы. Потом Сэм кинул в воду швартов шлюпки, высвободил два шплинта на шлюпбалке и

спустил шлюпку. Она ударилась о воду с неожиданно громким всплеском. За спиной Сэма послышался топот, кто-то крикнул:

– Сташу?

Сэм спрыгнул с кормы, снял с оси винта маску, ласты и баллоны, надел и погрузился в глубину.

Реми ранее заметила веревку, свисавшую с носа шлюпки, и теперь держала ее в руках. Оба ухватились за нее и потянули. Они плыли, постепенно погружаясь, и тащили шлюпку за собой. Сэм продолжал оглядываться на яхту и на поверхность и проверял, не прыгнул ли кто-нибудь за ними.

Вдруг послышались глухие звуки выстрелов; каждый выстрел сопровождался шлепком – это пуля попадала в воду, оставляя за собой цепочку пузырей. Каждая пуля проходила в воде около четырех футов, потом теряла инерцию движения и просто погружалась в темноту под ними.

Затем Сэм и Реми различили шум двигателя; они знали: ось винта вращается вхолостую. Но без винта двигатель – просто шум. Рулевой вначале как будто не понял, в чем дело, поскольку лишь добавлял мощности, а экипаж тем временем лебедкой поднимал якорь.

Как только якорь оторвался от дна, яхта поплыла по течению, не в силах бороться с ним или повернуть. Якорь продолжал беззвучно подниматься, и яхту все быстрее несло мимо Фарго. В какой-то момент двигатель выключили, но теперь шум звучал так далеко, что Сэм и Реми перестали отличать его от звуков множества кораблей, проходящих над ними по Дунаю. Сэм догадывался: яхта снова бросит якорь, но теперь она оказалась слишком далеко, чтобы кто-то что-то сумел разглядеть.

Сэм и Реми выбрались на берег и вытащили шлюпку. Почти мгновенно рядом с ними оказались двое крепких племянников Тибора; они вынимали тяжелые корзины и переносили их в грузовик. Корзины были нагружены драгоценным металлом, но ребята их перенесли за несколько минут. Сэм и Реми залезли в кузов, парни подсели в кабину к Тибору, и машина покатила в большой шумный город.

Снимая влажный гидрокостюм и надевая обычную одежду, Реми сказала:

– А знаешь, это еще не все. Нужно найти послание Аттилы. Оно должно быть в одной из могил.

– Будем надеяться, там нас ждут друзья Альбрехта, а не люди Бако.

Глава 19

Северный берег Дуная

Когда полицейский помог Реми выбраться из вскрытой могилы, она улыбнулась, помахала Сэму и пошла к нему по перекопанному саду.

– Текст был вырезан на стене. Я уже послала снимки Сельме и Альбрехту.

– Плохо, ведь несколько часов назад его прочли люди Бако.

– Знаю, – кивнула она.

– Если он получил надпись, то не понял или она его не заинтересовала, – сказал Тибор. – Бако сидит в своем кабинете на фабрике пилюль и вроде спокоен и тих.

– Если бы его арестовали, мы не сумели бы ничего доказать. Разве что кто-нибудь видел, как копают его люди. И если он попадет под суд, то мы тоже. Он отправит непременно своих телохранителей к следующему месту, где бы это ни было, – заметил Сэм.

– Мне пора, – вставил Тибор. – Моя очередь руководить группой наблюдения. Если пришлют перевод послания, дайте знать о его содержании. – Он сел в машину и по гравийной дороге поехал к шоссе.

Сэм и Реми вернулись к открытым могилам, глядя на бессмысленное опустошение людьми Бако. Им, очевидно, приказали искать только золото, а все прочее выбрасывать. Человеческие кости, обрывки ткани возрастом в полторы тысячи лет, посуда, инструменты, оружие – все это валялось по саду и на газонах поместья.

Зазвонил телефон Сэма.

– Алло?

– Привет, Сэм. Говорит Сельма.

– Что вы узнали?

– Передаю трубку Альбрехту.

– Здравствуйте, Фарго, – поприветствовал Альбрехт. – Зачитываю послание Аттилы: «Мы похоронили своего отца Мундзука на берегу реки за пределами Таласа. Он лежит лицом на запад, в ту сторону, куда вел армию. Теперь нас ведет его брат Руга».

– А где это – Талас? – спросил Сэм.

– Талас – старейший город Казахстана. Его основал гунн Шаньюй Чжичжи, и здесь в 36 году до нашей эры произошла битва. Это был важный пункт на Великом шелковом пути, который проходил через

Китай, Индию, Персию и Византию. В 1209 году город разрушили, но сейчас это современный город Тараз, расположен на 42 градусе 54 минуте северной широты и 71 градусе 22 минуте восточной долготы, к северу от Киргизстана и к востоку от Узбекистана.

– Кажется, найти нетрудно, – заметила Реми. – Наверно, мы сможем полететь туда.

– Как вы уже поняли, изучая жизнь Аттилы, мы все дальше перемещаемся на восток. Вероятно, в Казахстане гунны стали кочевой конницей и оттуда ринулись завоевывать римский мир. Слово «казах» означает «вольная душа»; имеется в виду кочевник-степняк. Треть этой страны занято сухими степями, и расстояния тут огромные. Казахстан по площади больше всей Западной Европы. Сельма расскажет вам об условиях перелета.

– Привет! Я заказала вам в аэропорту Будапешта билеты на сегодняшний вечерний рейс в Москву. Оттуда вы полетите в столицу Казахстана Астану. Там вас ждут визы и рекомендательные письма. Из Астаны самолет доставит вас в Алма-Ату, самый большой город страны, а уже оттуда в Тараз.

– Похоже, путешествие будет долгим, – отметила Реми.

– Да, оно займет немало времени, но вы здесь набегались, у вас будет возможность отдохнуть, поспать в самолете на пути в Тараз.

В нескольких милях от них сидел в своем кабинете рассерженный Арпад Бако. Он только что узнал: все его прилежание, вся предусмотрительность, весь риск, с которым были связаны раскопки царских могил гуннов, – все оказалось зря. Его ничтожные, тупые телохранители позволили каким-то американцам, мужу с женой, украсть у него десять корзин с золотом и драгоценными камнями, большую часть украшений тонкой работы, кубков и крестов из старейших церквей Европы. Остальное – украшения римской работы из придунайских гарнизонов. Это была добыча гуннов, собранная со всех Балкан. А кое-что происходило и из более далеких мест, сработано в более древние времена; вероятно, эти браслеты, ожерелья и кольца носили воины Центральной Азии и их жены, а затем потомки захоронили вместе с хозяевами, добравшись до Венгрии.

Потребовались годы труда и большая удача, чтобы найти эти сокровища, но ему это удалось. А теперь его ограбили, как и во Франции. И он даже не в состоянии заставить власти арестовать преступников, ведь у них нет законного права проводить раскопки на территории музея. Его идиоты даже стреляли в Фарго и в украденную ими шлюпку.

Приехала полиция, их арестовывали, им пришлось даже побросать оружие в воду.

Телефон в глубине кабинета коротко прозвонил, послышались загадочные щелкающие звуки соединения или разъединения, похожие на хлопанье дверей. Наконец женский голос с акцентом произнес по-венгерски:

– Администрация «Компании» в это время суток закрыта. Чтобы оставить сообщение, дождитесь сигнала.

Бако знал: машина запрограммирована отвечать по-венгерски на звонки из Венгрии.

– Говорит Арпад Бако, – произнес он. – Пожалуйста, перезвоните мне. – Он умолк и положил сотовый телефон на полированную поверхность стола из розового дерева и выжидательно посмотрел на него. Телефон зазвонил почти немедленно, и Бако поднял трубку:

– Привет, Сергей!

– Удивляюсь, слыша твой голос, Арпад. Для чего ты, жирный ленивый плутократ, звонишь мне среди ночи?

– Мысли приходят мне на ум, как птицы влетают в окно. И я ловлю их в воздухе независимо от времени суток.

– Мысли я люблю. Давай делись со мной своими. Линия защищенная.

– Хорошо. Я нашел сокровища, спрятанные гунном Аттилой, – сообщил Бако.

– Сокровища, – повторил Поляков. – Мы пользуемся метафорами?

– Я говорю «сокровища» в том же смысле, что Аттила. Собрание монет и драгоценных камней, произведения искусства, украшения из золота и самоцветов. Все это было в погребальной камере.

– Аттилы?

– Отца Аттилы. Получишь треть, если поможешь.

– Треть чего?

– Того, что мы найдем, – ответил Бако. – Довожу до твоего сведения: часть кладов мы уже нашли. Один находился в Италии. В другом, во Франции, было столько золота, что для вывоза потребовался грузовик. Третий, поменьше, в Трансильванском лесу, и четвертый на северном берегу Дуная; в нем нашли десять корзин золота и камней.

– Все это золото и драгоценности у тебя? Пришли мне снимки, как ты стоишь перед найденными сокровищами, и еще небольшой образец в следующей партии твоих обезболивающих таблеток. Кольцо, ожерелье, что угодно. В следующей партии. Я ожидаю ее завтра, прилетит самолет.

– Могу прислать образец. И только. Когда я задействовал свои ресурсы на поиски во Франции, некие конкуренты нашли клад в Италии. Этот клад я так и не увидел. Только прочел о нем в газетах. Клад во Франции раскопал мой друг Этьен Леклерк. Он сделал снимки, но те же конкуренты украли все прямо с его склада. А сокровища на Дунае мои люди раскопали сегодня и сфотографировали. Но добытое там теперь оказалось в руках венгерского правительства.

– Итак, ты знаешь: клады существуют, но у тебя их нет, – констатировал Поляков. – А кто эти конкуренты, лишившие тебя сокровищ?

– Американская пара, Сэмюэль и Реми Фарго. Богатые охотники за сокровищами, они находили кое-что примечательное в других частях света, но такое – никогда. Много таких кладов быть не может. Аттила на своем пути от Урала до Франции разграбил множество городов. И я разведал, где он спрятал самые главные свои сокровища.

– Два человека – из них одна женщина – отобрали у вас с Леклерком сокровищ на многие миллионы? – удивился Поляков.

– На миллиарды! Но это не просто два человека. Когда Фарго нужны люди, он их нанимает. А потом они исчезают, как дым. Ему также помогает Альбрехт Фишер, известнейший ученый, знаток последних лет Римской империи. А когда Фарго считает, что его могут перехитрить, он звонит в национальную полицию и передает сокровища им.

Поляков нравоучительно начал:

– Арпад, никогда никому об этом не рассказывай. Если о таком обороте дела узнают люди, с которыми ты имеешь дело, они решат: ты слабак – и набросятся на тебя, как волки, и сожрут.

– Тебя интересует мое предложение или нет?

– Да, я сделаю это ради тебя, – ответил Поляков. – Где сейчас твое очередное удивительное сокровище?

– В погребальной камере в городе Тараз в Казахстане. Я пришлю тебе карту.

– А где Фарго? Они знают о захоронении?

– Сегодня днем они находились в Сегеде, но у них есть несколько часов, чтобы узнать про это место, и я уверен – они узнают.

– Разведай, как они намерены добраться из Венгрии в Казахстан, и немедленно сообщи мне. У тебя есть их фотографии?

– Мои люди следят за станциями и аэропортом и за самими Фарго. Фотографии перешлю немедленно.

– Звони, как только станет известен номер рейса и место назначения. Счет идет на минуты и секунды. – Он повесил трубку.

С верхнего этажа своего поместья под Нижним Новгородом Сергей Поляков видел Волгу и на ее берегах огни миллионного города, подобные звездной галактике. Город огромный, современный, много лет являлся центром аэрокосмических исследований, но здесь, в тишине и спокойствии поместья, легко было представить себе, что на дворе 1850-е годы. В своем саду Поляков слышал только шум ветра и крики птиц, слетевшихся на кусты смородины.

Снаружи Полякова ждал «Хаммер» американского производства с бронированным корпусом и двое телохранителей в машине. Рядом стояли большой семейный «Мерседес» с тонированными стеклами и белый «Кадиллак-Эскалейд» охраны. В данный момент его жена Ирина с детьми миновали «Мерседес» и сели в «Эскалейд». Если враги Полякова захотят причинить ему вред, они нападут на бронированный «Хаммер» с охраной или на элегантный «Мерседес», который выглядит так, словно в нем едет его семья. А мужчины на переднем сиденье «Эскалейда» уведут машину.

Сергей смотрел, как они выезжают, как захлопываются ворота и встают на место стальные запоры. Поляков – подходящая пара для Ирины. Ее родители в коммунистическую эпоху были важными научными работниками и в отличие от многих других никогда не теряли расположение власти.

Поляков взял телефон и просмотрел снимки золотых украшений, присланные Бако. Потом перешел к изображениям супругов Фарго. Жена не просто привлекательна, она настоящая красавица, подумал он. По своему опыту в браке с Ириной он знал, что в обычной жизни иметь такую красавицу – наслаждение. Но в борьбе все иначе. Конечно, подобный союз дает человеку нечто драгоценное, но одновременно делает его хрупким и уязвимым; он очень любит свою жену, поэтому не готов рисковать ею в схватке.

Бако, в общем, торговец, алчный, как клещ; борьбу он не любит. Своих недругов он считает конкурентами. И Леклерк в глубине души таков же. Как Бако, он способен нанять несколько безжалостных людей и держать их при себе, но его больше интересуют отчеты бухгалтеров. Это просто нечистые на руку дельцы, а вовсе не крутые мужики, готовые драться за

успех. Поляков прожил более трудную жизнь. И только он способен с одного взгляда оценить обстановку. Эта женщина – вот настоящее сокровище.

Глава 20

Аэропорт Ферихедь, Будапешт

Сэм и Реми в аэропорту Будапешта шли по посадочному туннелю к самолету, вылетающему в Москву.

– Астана должна быть сверкающей и новой, – предположила Реми. – Это, пожалуй, интересно. Город полностью выстроен за последние пятнадцать лет.

– Нам, вероятно, придется некоторое время провести в столице Казахстана и встретиться с людьми, в чьем ведении находятся древности, – поделился планом Сэм. – На этот раз я хочу сначала встретиться с ними, а потом начать копать.

– Полагаешь, Бако нас опередит?

– Как знать! – ответил Сэм. – Мне кажется, иногда он нас опережает, ведь уже подумал обо всех местах, где побывал Аттила, и выбирает самые подходящие ему. Но иногда кажется: он доверяется людям, которые не понимают истинных целей.

– Мы возвращаемся к молодости Аттилы и к родным местам гуннов.

Полет от Ферихедь до аэропорта Шереметьево занял один час сорок пять минут. От Москвы до Астаны, новой столицы Казахстана, лету восемь часов пять минут. Когда самолет оказался в конце взлетной полосы, Реми, как всегда, положила свою руку на руку Сэма. Когда самолет выровнялся, она убрала руку и принялась читать купленную ею книгу о Казахстане.

Остаток короткого перелета они просидели почти молча. Поскольку не знали, нет ли в самолете людей Бако и не наблюдают ли за ними, они общались в основном прикосновениями и шепотом. В здании аэровокзала они поискали на электронном табло рейс до Астаны.

Их самолет улетал через три часа. Они решили посидеть в зале ожидания недалеко от своего выхода на посадку; Сэм достал телефон и углубился в изучение маршрута их перелета. Реми, несколько минут понаблюдав за Сэмом, спросила:

– Ты как будто нервничаешь? В чем дело?

– Не знаю. – Он посмотрел на группу мужчин в громадном помещении, негромко разговаривающих друг с другом. – За долгие годы я понял: когда испытываю тревогу, это всегда неспроста.

– Немного похоже на экстрасенсорное восприятие.

– Знаешь, я не верю в беспричинные явления. Просто я думаю, мы постоянно воспринимаем какие-то незначительные указания, а иногда они свидетельствуют о неприятностях, которые ты еще не осознал.

– В это я могу поверить. Но мы сейчас в аэропорту, построенном… скажем так, правительством, оно стремилось все контролировать, да еще в самый разгар холодной войны. Это практически система для слежки за людьми. Ты, вероятно, просто уловил эту особенность конструкции.

– Может быть, – отозвался он. – Но, пожалуйста, сделай одолжение, уступи паранойе.

– Если это поможет, я буду наблюдательнее, – ответила она. – Но никаких подозрительных людей не видела. Схожу-ка я в туалет.

Реми прошла по главному вестибюлю аэропорта к знаку с международным изображением женской фигуры в платье. Она услышала стук каблуков и увидела: к туалету направляются еще несколько женщин. Она незаметно осмотрелась и убедилась, это всего лишь молодые женщины с дорожными сумками. Реми толкнула дверь и вошла, там внутри увидела двух рослых женщин, средних лет, одетых, как уборщицы, в фартуках. Одна из них с кипой полотенец в руках стояла у ряда раковин. Другая, с шваброй и ведром, двигалась к двери. Эта женщина впустила еще несколько женщин, потом повесила на дверь пластиковый знак, повернула ручку, закрывая дверь, и продолжила мыть пол.

Реми прошла в пустую кабинку. А когда вышла, все произошло словно одновременно. Вот она открыла дверь кабинки, уборщицы подошли к ней с двух сторон. Та со шваброй крепко схватила Реми, а вторая вырвала из полотенец руку со шприцем и уколола Реми в плечо.

Реми неглубоко вдохнула и попыталась закричать, но женщина прижала к ее лицу полотенце. К этому времени из-за введенного вещества Реми уже чувствовала себя слабой и беспомощной, а через мгновение потеряла сознание.

Сэм сидел в кресле в зале ожидания. Сначала он наблюдал за проходящими людьми, потом взял книгу, оставленную Реми, и прочел несколько страниц, но не мог сосредоточиться. Он снова стал наблюдать за проходящими. Московский аэропорт открыт всегда, здесь в любое время можно увидеть путешественников из разных стран и континентов. Он опять взял книгу, но вскоре понял, что не читает, а только делает

вид. Книга – просто объяснение, как он коротает время, и свидетельство – он не опасен. Где Реми? Прошло довольно много времени. Он достал телефон и позвонил ей, но ее телефон был выключен, вероятно, с тех пор как они сели в самолет в Будапеште.

Сэм знал: в женских общественных туалетах частенько бывают очереди, но почувствовал что-то неладное. Он встал, взял сумки, свою и Реми, и пошел в ту сторону, куда ушла она. В той стороне находились туалеты. Сэм двигался туда, но в поисках Реми постоянно осматривал соседние прилавки и людей.

Он видел, как из туалета вышла рослая крупная женщина, одетая уборщицей; она толкала перед собой тележку с несколькими большими бочками или барабанами, повесила на дверь табличку «Закрыто». Вышла вторая женщина, одетая так же, и помогла ей толкать тележку. Они прошли вдоль зала и свернули в нишу, откуда, как полагал Сэм, можно было попасть в бесчисленные помещения, куда пассажирам вход воспрещен.

То, что уборщицы закрыли туалет, на несколько минут успокоило Сэма, но не до конца. Он стоял у двери и ждал, но продолжал озираться по сторонам – не зашла ли Реми в другой туалет.

Он помнил, в аэропорту О'Хара в Чикаго у туалетов два выхода: один, через который он заходил, и второй в противоположной стене, выходящий в другой вестибюль. А здесь в женском туалете два выхода? Он обратился к женщине, говорившей по телефону:

– Простите, пожалуйста.

Она остановилась, продолжая прижимать телефон к уху.

Он спросил:

– У туалета два выхода?

Женщина оглянулась, потом снова посмотрела на него, как будто не поняла, о чем он.

Он ответил за нее:

– Полагаю, нет, – и торопливо пошел дальше. Он потерял слишком много времени. Снова позвонил Реми; телефон по-прежнему был выключен. Прослушав часть сообщения, он убрал телефон и кинулся к выходу на посадку. Там за стойкой стояли две женщины в летной форме и разговаривали по-русски.

– Здравствуйте, – произнес Сэм. – Вы говорите по-английски?

– Да, сэр, – ответила одна. – Чем могу помочь?

– Моя жена пошла в туалет и не вернулась. На нее это не похоже. Она позвонила бы мне на сотовый, если бы пошла куда-то еще. Я все время звоню ей, но ее телефон отключен. И я за нее очень тревожусь. Она так никогда не поступила бы.

– Может… она больна?

– Она не была больна, когда мы прилетели из Будапешта. Вы можете связаться с полицией аэропорта?

Женщины неуверенно переглянулись.

– Могу, – кивнула одна. – Давно ее нет?

Он посмотрел на часы.

– С полчаса. Понимаю, кажется, что это недолго, но клянусь вам, она бы так не сделала, не сказав мне.

– Это большой аэропорт. Вдруг она заблудилась?

– Всякий может заблудиться. Но если бы она заблудилась, тем более позвонила бы мне.

– Давайте я ее вызову.

– Конечно. Но, пожалуйста, позвоните и в полицию.

Женщина взяла телефон, нажала кнопку.

– Как ее зовут?

– Реми Фарго.

– Миссис Реми Фарго, пожалуйста, снимите трубку белого телефона или подойдите к любой стойке «Аэрофлота». Миссис Реми Фарго, пожалуйста, снимите трубку белого телефона. – Она положила трубку и успокоительно улыбнулась. – Она сейчас позвонит.

– Пожалуйста, вызовите полицию.

– Мы подождем несколько минут ее звонок.

– У нее было достаточно времени, чтобы позвонить по сотовому, – ответил Сэм, начиная сердиться. – Пожалуйста, позвоните в полицию.

Он увидел идущих по вестибюлю двух полицейских в форме и поспешил к ним.

Сэм заметил, что они быстро оглянулись на него через плечо и напряглись, словно ожидая нападения. Он улыбнулся и спросил:

– Вы говорите по-английски?

Они в замешательстве переглянулись, и он пошел назад, к стойке «Аэрофлота», жестами предлагая им идти за собой. Подойдя, он попросил женщин за стойкой:

– Пожалуйста, объясните им, в чем дело.

Женщина быстро заговорила с полицейским по-русски, те задавали вопросы, она показывала на Сэма, на телефон, на пространство аэропорта, виновато качала головой и пожимала плечами. Полицейские говорили монотонно и официально, как полицейские во всем мире.

Женщина обратилась к Сэму:

– У вас есть снимок миссис Фарго?

Сэм нашел в телефоне один из снимков и показал. Полицейский, который говорил больше, снял с пояса рацию и поговорил по ней. Он что-то произнес, а служащая «Аэрофлота» перевела:

– Пожалуйста, пойдемте с нами. Мы постараемся помочь.

Сэм поблагодарил женщин и пошел с полицейскими, они вошли в незаметную и никак не помеченную дверь терминала. Сэма отвели в помещение, где одни полицейские сидели за столами, а другие смотрели на экраны видеокамер. Один из полицейских, молодой, светловолосый, с доброжелательными манерами обратился:

– Сэр? Пожалуйста, садитесь, я приму у вас заявление.

Сэм услышал английскую речь, испытал облегчение и начал говорить:

– Я не требую страховки или еще чего-нибудь. Исчезла моя жена, а значит, с ней что-то случилось.

– Нам нужно начать с заявления, а потом помогать.

Следующие десять минут Сэм излагал произошедшее, описывал Реми и показывал ее фото.

– Этот снимок я сделал несколько часов назад, перед тем как мы сели на самолет в Будапеште.

Молодой человек попросил Сэма прислать снимки по электронной почте, потом загрузил их, при этом объяснил, что отправляет снимки различным отделениям полиции в аэропорту, на сотовые телефоны полицейским и сотрудникам полиции в штатском.

Сэм почувствовал, как крепнут его надежды. Эти люди хорошо знают свою работу. Они умеют искать. У них есть шанс найти ее. Он почувствовал себя глупо – почему раньше он был в этом отношении пессимистом?

Полицейский задавал все новые вопросы: о полете в Москву, о том, через какой вход они вошли в здание аэропорта, в какой именно туалет ушла Реми. Всю информацию он кому-то передавал. Казалось, он читает мысли Сэма.

– Сейчас наши следователи просматривают видеозаписи, чтобы найти вашу жену и определить, куда она пошла.

Следующие полчаса Сэм просидел в офисе. Полицейские приходили и уходили, отвечали на телефонные звонки и разговаривали друг с другом. С ним никто не разговаривал, но он замечал: время от времени на него незаметно поглядывают. Он был убежден – в таких делах ценна каждая секунда. Полчаса превратились в час, потом в два. Сэм отправил сообщение домой, в Ла-Холью, и объяснил ситуацию.

Когда прошло два с половиной часа, вошли несколько человек в особой форме – для работы на улице. Ткань одежды, ботинки, ремни и кепи – все было черного цвета. И эти люди были гораздо лучше вооружены, чем полицейские в аэропорту.

Вначале, когда он только появился, Сэму улыбались.

– Не волнуйтесь. Это самый важный российский аэропорт. Он подобен банковскому сейфу. Здесь никто не может украсть женщину.

Позже его успокаивали:

– Это место охраняют лучше, чем что-либо в вашей стране. Даже если женщину похитили, выйти из здания они не могли.

Еще позже:

– Они не могли провести ее через ворота аэропорта.

Когда подошло время вылета рейса в Казахстан, Сэм и двое новых полицейских прошли к выходу и осмотрели зал ожидания; они показывали персоналу снимки Реми, но люди в ответ отрицательно качали головами и поджимали губы. Сэм оставался в зале, а тем временем передвижной туннель закрыли и самолет выехал на взлетную полосу.

Сэм смотрел во все стороны в надежде заметить стройную фигуру женщины, бегущей на посадку. Но видел только тысячи занятых пассажиров, они старались не выпустить из виду вещи и детей, направляясь на посадку.

Глава 21

Нижний Новгород, Россия

Реми Фарго еще не совсем очнулась, она только начала приходить в себя и старалась опомниться, как дайвер, который из глубины устремляется к поверхности за глотком свежего воздуха.

Она находилась в темноте, в чем-то мягком, и она не чувствовала свои мышцы, не могла напрячь их, словно тонула. Сделав огромное умственное усилие, она поняла: находится внутри большого картонного барабана, лежит на груде тряпок, и ткань брошена на нее сверху, крышка барабана закрыта. Должны же существовать щели для воздуха, подумала Реми, но никаких щелей не заметила и после нескольких минут напряжения снова потеряла сознание.

Неизвестно, через сколько часов Реми снова пришла в себя. На этот раз ей удалось открыть глаза. Теперь она знала, что лежит в большом барабане с полотенцами, который уборщицы вывезли из туалета аэропорта. Она приняла более удобное положение, встала на ворох полотенец, подняла руки и попробовала открыть барабан. Крышка чуть подалась, но не открылась. Реми провела руками вдоль ее края и надавила, но та держалась прочно.

– Эй! – крикнула она.

Ответа не последовало.

– Эй? Вы там! Откройте!

Она мысленно восстановила произошедшее. Ее похитили из женского туалета московского аэропорта. Потрясающая дерзость… но сейчас ее не интересовали подробности. Две сильные женщины усыпили ее, уложили в барабан, вывезли из аэропорта, погрузив в машину с бельем. Теперь машина ехала быстро.

Она, вероятно, оказалась в пути еще до того, как Сэм забеспокоился. Бедный Сэм! Сейчас он, должно быть, вне себя от тревоги. Она представила, как он расхаживает по залу ожидания, смотрит на людей, торопящихся на рейс в Казахстан, и гадает, что с ней могло случиться. Сейчас он уже наверняка известил власти, и это хорошо. Он не позволит забыть о ней, никому не ведомой иностранке, попавшей в неприятности и не имеющей связей, чтобы доставить другим неприятности.

Реми задумалась, не закричать ли, и решила: не стоит. Кричать нужно будет, если барабан начнут передвигать. Тогда есть шанс, что ее услышат посторонние. Час спустя фургон свернул с ровной дороги, недолго прыгал по ухабам и пошел по другой поверхности, тоже ровной, но более твердой. Возможно, по гравию или камням.

В темноте Реми стала обдумывать вероятность будущих событий. Скорее всего кто-то видел их с Сэмом американские паспорта и решил захватить заложницу-американку.

Фургон остановился. Реми услышала скрип открываемых ворот. Ей потребовалось несколько секунд, чтобы просчитать варианты действий. Она гораздо спортивнее, чем они подозревают, прекрасно фехтует и хорошо стреляет. Можно выскочить – и что? Не исключено, ее пристрелят. Можно сделать вид, что она еще не пришла в себя, и слушать их разговоры на языке, который она не понимает? Она решила выглядеть разумной, открытой и постараться не бояться. Скрывать испуг трудно, но ее актерские способности тут пригодятся.

Она слышала, как раскрывают защелки, потом алюминиевая крышка барабана поднялась. Чьи-то руки сняли слой полотенец, и она встала.

Реми узнала женщин из аэропорта. Теперь вместо рабочих халатов на них были комбинезоны, волосы зачесаны назад и убраны под головной убор. За ними виднелись двое мужчин. Наверно, это они вели фургон и, возможно, помогали погрузить, а потом снять барабан. Один держал автоматический пистолет Стечкина с коротким стволом – такими вооружали спецназ еще в советской армии. Реми знала: полиция использует такие пистолеты, они дешевы, их легко заменить, и у них почти нет отдачи. Она видела – пистолет снабжен глушителем. «Стечкин» не предназначен для точной стрельбы на соревнованиях, зато скорострелен, делает до шестисот выстрелов в минуту. И уж в женщину в большом барабане из него точно попадут.

Были еще двое мужчин в синих костюмах и плащах, вооруженные чешскими короткоствольными пистолетами-пулеметами «Скорпион». Несколько дальше за ними стоял еще один мужчина, в сшитом на заказ светлом костюме, превосходно сидящем на фигуре. Очевидно, именно за ним следовало наблюдать. Он кивнул и улыбнулся четверым в комбинезонах, затем что-то сказал по-русски всей группе. Они быстро помогли Реми выбраться сначала из барабана, потом из фургона и пластиковым шнуром связали ей руки за спиной.

Тем временем человек в костюме продолжал добродушно улыбаться; его непосредственная, непринужденная манера держаться противоречила военной дисциплине и послушанию подчиненных. Реми он казался дореволюционным аристократом, проводящим лето в своем имении. На нем белела безупречная рубашка, на шее – синий шелковый галстук. Мужчина закурил сигарету и обратился к Реми:

– Миссис Фарго, вы сейчас похожи на «Рождение Венеры» Боттичелли, когда она выходит из своей раковины. – Он подождал и спросил: – Вы не хотите со мной разговаривать?

– Не хочу изречь что-нибудь такое, отчего вам сразу захочется убить меня.

Он кивнул.

– В целом очень разумно. Но похищение в России – очень похоже на похищение в Штатах: если меня поймают, мне крышка. Далее вам необходимо знать следующее: с вами будут обращаться хорошо и уважительно, но запрут вас в комнате. Каждый день к вам будут приходить со свежей газетой и фотографировать вас с ней. Мы свяжемся с вашим супругом. Когда он удовлетворит мои требования, вас освободят.

– И каковы ваши требования?

– Ага, – отреагировал он. – Значит, вы заинтересовались.

– Конечно.

– Мне известно о поисках пяти кладов гунна Аттилы. Вы с мужем нашли один из них в Италии, в районе Мантуи. Еще один вы украли во Франции, в Шалон-ан-Шампани. Вы добились ареста Арпада Бако за находку сокровищ в захоронении Бледы. Вы украли клад, зарытый на берегу Дуная. И направлялись к пятому, тут я вас остановил. – Он наблюдал за ней. – Будете что-нибудь отрицать?

– Вы же мне не поверите.

– Итак, вы с супругом сейчас контролируете по крайней мере три из пяти очень больших древних кладов – из Италии, Франции и Венгрии. Все они образовались в результате основных завоеваний и грабежей гуннов. Мне говорили: каждый из этих кладов пришлось вывозить на грузовиках. – Он внимательно изучал ее реакцию. – Не сомневаюсь, ваш супруг обменяет эти три клада на вас. Простой такой обмен.

– Сокровища не у нас, – поведала она. – Мы и раньше делали находки. Это легко проверить. Мы всегда соблюдаем международные договоренности и законы тех стран, где делаем находки. Чаще всего вывоз археологических ценностей из страны вообще запрещен. В тех случаях, когда правительство разрешает продавать найденное, мы передаем свой процент в наш фонд. Мы ничего не берем себе. Упомянутые вами три клада целиком поступили в распоряжение итальянского, французского и венгерского государств. Пройдут годы, прежде чем мы узнаем, какова их судьба.

– Тогда вашему супругу придется обратиться к их правительствам за помощью. – Он улыбнулся. – Вам, конечно, интересно будет узнать, насколько названные правительства окажутся благодарны вам за работу.

– А что, если мой муж не сможет передать вам сокровища из трех стран? Вы меня убьете?

– Я? Конечно, нет. Для такой работы у меня есть специальные люди. Надо вам сказать, я не сумасшедший и не дурак. Если ваш супруг

доставит достаточную часть кладов и я буду уверен в его искренности выполнить договоренность, я вас отпущу.

– Вы не кажетесь мне любителем музейных редкостей, – отметила Реми. – А что, если просто потребовать у моего мужа выкуп? Он заплатит за меня миллион долларов. – Она увидела на его лице насмешку. – Ну тогда, скажем, пять миллионов. Для вас будет гораздо меньше хлопот и риска. Он переведет деньги на ваш счет электронным способом, а вы сразу переведете на другой счет, в страну, где его невозможно проследить. Ни грузовиков, ни обысков на границе, ни риска. Не нужно будет продавать украденные ценности за сотую часть их стоимости.

– Спасибо, я услышал достаточно, – произнес мужчина. – Мои друзья покажут вам квартиру. Независимо от того, чем все это кончится, мы с вами, вероятно, больше никогда не увидимся. Но, надеюсь, муж вас выручит. – Он повернулся и пошел. Реми видела: он направляется к большому саду в нескольких сотнях футов от главного поместья.

Мужчина с пистолетом «Скорпион» двинулся первым. Две женщины взяли Реми за руки, а остальные мужчины шли сзади с пистолетами Стечкина наготове. Ее провели через роскошный дом, судя по виду, построенный в 1850–1870 годах. На стенах висели старые потемневшие картины – морские пейзажи с изображением бурь, батальные сцены, портреты женщин в дорогих украшениях и бородатых мужчин.

Мебель была изящная, несомненно французская, обитая шелком, с полированными деревянными частями. Они вошли в большую кухню, потом миновали кладовую с продуктами. Реми подумала: ведут в подземную темницу, но напротив, все поднялись по узким лестницам на верхний, четвертый, этаж. Этот путь был устроен для слуг и привел в узкий коридор с маленькими комнатами, в них, вероятно, жили горничные и помощники повара.

Ее завели в комнату в середине коридора, с правой стороны от окон; дверь здесь была мощная и толстая. В комнате стояли кровать, стол, стул и маленький туалетный столик. Вторая дверь вела в туалет. Опыт жизни в старых домах подсказал Реми: комната эта предназначалась для старшего слуги, а маленькое помещение раньше использовалось не как туалет, а как комната другого слуги. Здесь все перестроили и получилась относительно удобная камера с единственным входом; тут невозможно было отличить день от ночи.

Женщины заставили Реми встать к стене, взяли с туалетного столика газету на русском языке и вложили ей в руки; один из мужчин сфотографировал. Потом, проверив, что снимок получился, все вышли.

За ними закрылась цельная, не полая дверь. Реми услышала, как повернули ключ в замке, но засова не было. Хорошая новость.

Она села на кровать и подумала: полагается заплакать, но отказываюсь это делать. Правильнее сейчас поискать, нет ли аппаратуры для наблюдения: скрытых камер, глазков, углублений, где можно спрятать камеру. Ничего такого она не обнаружила. Тогда Реми принялась разглядывать мебель, особенно кровать и водопроводные трубы в поисках куска металла, который можно превратить в инструмент.

Эти люди понятия не имеют, с кем столкнулись, подумала она. Говоривший человек, как будто из эпохи Романовых, считает их с Сэмом жертвами, которых можно просто схватить и удерживать в заложниках или даже убить. Но вот уже десять лет, как, отказавшись от успешного бизнеса, они сделались приманкой для похитителей и понимали: когда-нибудь одного из них могут похитить, и тщательно распланировали ответные действия с той минуты, как их разлучат. Пленник будет постоянно собирать сведения о месте своего заключения и о тех, кто его схватил; при первой же возможности он постарается сообщить сведения о своем местонахождении и о средствах спасения. А тот, кто на свободе – на этот раз Сэм, – постоянно будет искать. Если не удастся найти быстро, то все равно будет искать – и год, и двадцать лет.

Сэм никогда не сдастся, никогда не откажется от поисков, никогда не позволит хоть одному дню пройти впустую. Она подумала о Сэме, и на глазах навернулись слезы. Сейчас он, по-видимому, предоставит московским властям решать проблему и будет давить на власти США, чтобы ему помогли.

Глава 22

Москва, Россия

Сэм терпеливо сидел в приемной американского консульства. Он не расхаживал по комнате, не барабанил пальцами и никак не проявлял раздражения. В свете заходящего солнца комната выглядела как приемная ближневосточного врача: кожаные кресла, диван, множество журналов на столике, хотя само консульство в Большом Девятинском переулке представляло собой модернистский и агрессивно выглядящий восьмиэтажный куб.

Сэм знал: за ним наблюдают, собирают о нем сведения, стараются узнать, кто он такой на самом деле. Для этого им нужно время. И он уже начал подумывать, что результат отрицательный, но тут дверь открылась. Вошел человек в темном костюме, лицо его прорезали морщинки – если не от улыбки, то во всяком случае от дружелюбного отношения.

– Здравствуйте, мистер Фарго. Я Карл Хагар из отдела безопасности посольства. Извините за задержку.

– Спасибо за эту встречу со мной, – произнес Сэм.

– Мне сообщили о происшедшем, – продолжал Хагар. – Очень жаль, я чрезвычайно озабочен. Мы в Москве не сталкивались с таким происшествием со времен холодной войны. Похищение американского гражданина в аэропорту Шереметьево – вещь совершенно беспрецедентная. Здесь случались террористические акты, людей, пришедших в аэропорт, арестовывали на таможне, но похищений не было.

– Не думаю, что виновны российские власти, скорее какая-то подпольная группа, узнавшая о наших попытках отыскать клады пятого века.

– Мы тоже так считаем, – согласился Хагар.

– Вы занимались исчезновением моей жены?

– Как только услышали о нем. Мы всегда расследуем исчезновение американских граждан в Москве. Но, когда мы начали задавать вопросы о вас, выяснилось, что вы работали в Агентстве по перспективным оборонным научно-исследовательским разработкам США. Поэтому мы сочли вашу историю достойной доверия, а вас – возможной военной целью. Руб Хейуорд переслал ваше досье и попросил известить его, если у вас случатся неприятности. Можете себе представить, что это для нас значит.

– Едва ли, – ответил Сэм. – Я знаком с Рубом больше двадцати лет, но с друзьями он о своей работе не говорит.

– Скажем так: у вас есть друзья на очень высоких постах. Мы задействовали свои контакты в русских правоохранительных органах, дали им знать о своей крайней заинтересованности, и мы не отступим, если они будут игнорировать следствие. Я убежден: они сообщили нам все, что известно. – Он положил на стол папку, раскрыл ее и показал Сэму пять фотографий.

Сэм увидел черно-белые снимки, сделанные с записей видеокамер аэропорта.

Хагар указал на первый снимок:

– Здесь миссис Фарго входит в женский туалет в аэропорту. На следующем две уборщицы впускают за ней еще двух женщин, потом вешают знак «Закрыто для уборки» и закрывают дверь. А вот это произошло, когда дверь открыли.

На снимке две уборщицы толкали тележку с двумя большими картонными барабанами.

– Я видел этих женщин, – сказал Сэм.

– Как именно?

– Они вышли, провезли тележку и скрылись за дверью без обозначений.

– Русская полиция не знает, кто эти женщины. Они разослали фото, и среди там работающих людей их нет. Пленку прокрутили на восемь часов вперед, но миссис Фарго из туалета не выходила. Мы полагаем, ваша жена находилась в одном из этих барабанов.

– Это ужасно! – воскликнул Сэм. – Когда я увидел их, то еще не слишком тревожился. Казалось, они занимаются обычным делом; впрочем, я не знал, обычное оно или нет.

– Конечно. – Карл показал еще одну фотографию.

На ней за пределами терминала женщины с помощью гидравлического подъемника загружали в фургон один из барабанов; им помогал мужчина в комбинезоне. На борту машины виднелась надпись на кириллице.

– Что здесь говорится?

– «Доставка льна», – сказал Хагар. – Они погрузили один барабан, второй и тележку оставили и уехали. Такая компания привозит белье в аэропорт, она действительно существует. Но полиция говорит – это не их машина.

– У меня есть предложение, – начал Сэм. – Люди, которые это сделали, должны быть связаны с человеком по имени Арпад Бако, владельцем фармацевтической фирмы в Сегеде, в Венгрии. Он искал сокровища до нас и показал: пойдет на все, лишь бы найти их. Те, кто искал сокровища во Франции и стрелял в нас, работают на человека по имени Леклерк, тот незаконно ввозит медикаменты, произведенные Бако. Кто-то здесь в России ввозит продукцию Бако или снабжает его сырьем.

Хагар ответил:

– Узнаю и сообщу вам результаты.

– Спасибо.

– Еще одно, – сказал Хагар.

– Выкуп, – понял Сэм.

– Совершенно верно. Если миссис Фарго захватили для обмена на сокровища, вами найденные в могилах в Европе, с вами свяжутся. Вероятно, похитители следят за вами и знают о вашем обращении к полиции аэропорта и, возможно, о нашей встрече. Они пригрозят убить ее, если вы и дальше будете обращаться к нам. Вам придется сделать вид, что вы подчиняетесь их требованиям.

– Я думал уже об этом.

Хагар сунул руку в карман и достал сотовый телефон:

– Вот вам новый телефон. В какой-то момент они потребуют, чтобы вы отдали телефон; отдайте старый. В этот встроен GPS, мы можем следить за вашими передвижениями, постараемся также наблюдать за вами и другими способами, поэтому, даже если пропадет и этот телефон, мы вас не потеряем.

– Хорошо. – Сэм положил новый телефон в карман. – Мне нужно найти гостиницу и ждать контактов с ними. Мы не собирались останавливаться в России, только пересесть с самолета на самолет.

– Мы поселим вас в «Ленинградской». Это здание расположено недалеко от Кремля, его построили в 1954 году по распоряжению Сталина, оно большое, и вокруг много свободного пространства. Когда вы будете регистрироваться, мы посмотрим, кто следит за вами. Возможно, это не даст быстрого результата, но что-нибудь обязательно даст.

– Я в этом уверен. – Сэм встал и пожал Хагару руку. – Спасибо.

– Снаружи стоят такси. Садитесь в первое подъехавшее. Я хотел бы познакомиться с вами в лучших обстоятельствах. Руб Хейуорд прав, он сказал так: вы хладнокровны и ничего не боитесь.

– Я ценю комплимент Руба, но он ошибается, – отозвался Сэм. – Эти люди с первого раза определили, чего я боюсь.

Сэм вышел из консульства и увидел ряд такси, встал на обочину, и к нему подъехала машина. Сэм назвал:

– Отель «Ленинградская».

Шофер ответил:

– Да-да, – и нетерпеливым жестом пригласил его садиться, как будто очень торопился на другие вызовы.

Сэм сел, и машина влилась в уличное движение. Он сдерживался, чтобы не смотреть в заднее окно, не искать хвост – похитителей или службу безопасности консульства, которые должны сесть на хвост к

похитителям. Весь предыдущий день и всю ночь Сэм не спал. Усталость начала сказываться на работе его мозга, и ему труднее стало сосредоточиваться на опасностях, но ему предстояло собраться с силами.

Он ехал по запруженным машинами улицам города, и вечернее солнце напомнило ему: Москва гораздо севернее всех городов Соединенных Штатов и солнце здесь садится позже. Можно использовать это время.

Шофер остановился перед входом в высокое здание с башней.

– Шестьсот рублей.

Сэм знал: это примерно двадцать долларов. Он порылся в купюрах, которые получил в аэропорту, заплатил семьсот рублей, достал багаж, свой и Реми, и вышел. Шофер взял деньги и протянул небольшой пакет.

– Что это?

– Возьмите, – сказал шофер.

Сэм взял пакет и посмотрел на дорогу. Если за ними и шла какая-то машина, то он этого не увидел. Впрочем, он понимал: если бы и увидел, это ничем ему не помогло бы. Тут шофер нажал на акселератор, Сэм повернулся к машине и хотел прочесть номер, но тот был замазан грязью. Секунду спустя он догадался: это не грязь, а спрей – смесь цемента и пыли, нанесенная час назад.

Зарегистрировавшись, он поднялся в номер и сел на кровать, положил рядом пакет и набрал номер в Ла-Холье.

– Привет, Сэм! – произнесла Сельма. – Выяснилось хоть что-нибудь?

– Надеюсь скоро узнать это что-нибудь. Телефон будет включен. Сейчас открою только что полученный пакет. Буду благодарен, если вы все прослушаете, но ничего не говорите, пока я не разрешу.

– Хорошо.

Сэм осторожно развернул обертку небольшой коробки, внимательно глядя, нет ли провода, соединенного с взрывателем, осмотрел коробку со всех сторон и ничего необычного не заметил.

– Это картонная коробка, похожая на конфетную. Ни проводов, ни взрывчатки. Коробку несколько минут назад дал мне таксист, в ней сотовый телефон. А также снимок Реми с русской газетой в руках. Число на газете сегодняшнее. Реми в той же одежде, что вчера вечером, и кажется невредимой. Больше ничего нет.

Телефон в коробке зазвонил. Сэм взял:

– Алло!

– Здравствуйте, мистер Фарго. Поскольку телефон и снимок у вас, то вы поняли, что ваша жена у нас. Она чрезвычайно красива и, похоже, весьма умна. Вы, должно быть, по ней очень скучаете.

– Что вам так сильно нужно?

– Прямо к делу? Хорошо. Вы забрали три части богатств, в пятом веке награбленных в европейских городах гунном Аттилой. Одну часть нашли в Италии вблизи Мантуи, другую – во Франции у Шалон-ан-Шампани, а третью – на берегу Дуная в Венгрии.

– Я не…

– Не перебивайте и не спорьте. Я знаю, что их забрали вы, а теперь отдадите мне. Эти находки мне нужны.

– Все три находки переданы национальным правительствам упомянутых стран, – сообщил Сэм. – Существуют договоры и законы, запрещающие…

– Я же сказал, не спорьте. Я похож на человека, которого останавливают договоры иностранных политиков? Каким образом добыть выкуп – ваша трудность. Как только все сокровища трех захоронений будут у вас, позвоните по номеру, записанному в вашем новом телефоне как «Реми».

– А если я не смогу заполучить эти три клада?

– К чему тревожиться и чувствовать себя несчастным? Надеюсь, мне не придется прибегать к жестким мерам. Не хочу обещать, что вы увидите страшную последнюю видеозапись с вашей женой, если не справитесь. Добейтесь успеха! Будьте уверенным и сильным. Думайте только о том, как раздобыть и доставить мне мое золото.

– Даже если я смогу это сделать, потребуется время.

– Мне не к спеху. Если хотите вернуть жену через неделю, берите неделю. Месяц? Берите месяц. Берите полгода.

– Где я смогу… – Сэм попытался как можно дольше затянуть разговор.

Но похититель повесил трубку. Сэм выключил новый телефон, отнес его в ванную, завернул в полотенце, закрыл дверь и взял свой телефон.

– Сельма?

– Я здесь, все записала, но ничего не поняла, кроме того, что он русский, хорошо говорит по-английски и не боится.

Сэм задал вопрос:

– А как вы, консульство? У вас есть что-нибудь?

Ответил спокойный, негромкий голос с американским акцентом – не Хагар, но кто-то похожий:

– Мы установили, торговый партнер Арпада Бако – некто Сергей Поляков. Русская полиция готовит для нас досье на него.

– Где он живет?

– В Нижнем Новгороде. Занимается импортом-экспортом, владелец поместья к западу от города. До передачи досье русские ничего о нем не сообщили, но офицер, передавший мне информацию, добавил: Поляков очень неприятный тип. У него везде свои люди, даже в Соединенных Штатах.

– Спасибо. Начну с него немедленно. Оба сотовых телефона оставлю в номере. Если можно, постарайтесь повозить телефон похитителя – здесь или передайте друзьям в Италии или Франции. Через встроенный в телефон прибор GPS он будет следить за моими передвижениями.

– Но где будете вы? В этой стране в одиночку ничего нельзя сделать. Вы даже не говорите на их языке. Ничего не предпринимайте без русской полиции и без нас. Пообещайте мне это.

Человек по имени Оуэнс замолчал и прислушался. На другом конце линии никого не было. Он переключился на внутреннюю линию.

– Мы потеряли след Фарго. Он ушел из отеля. Вероятно, пару недель проведет в районе Нижнего Новгорода. Свой телефон и телефон похитителя он оставил в номере. Пошлите за ними кого-нибудь. Потом отправьте телефон похитителя на каникулы в Рим, Париж и Будапешт. Это поможет на какое-то время сохранить жизнь жене этого парня.

Глава 23

Нижний Новгород, Россия

Сэм идет. Сэм придет ко мне, что бы ни случилось. Он уже идет ко мне. Он меня найдет.

Реми лежала в постели, хотя подозревала, что уже позднее утро. Она где-то читала об эксперименте: когда людей оставили в пещере без солнечного света и часов, то период сна у них постепенно удлинился и сутки стали двадцатишестичасовыми. Она услышала негромкий стук в дверь: девушка принесла ей завтрак, она сочувствует Реми, стучит, хотя дверь заперта, а ключ у нее.

Девушку зовут Саша. Возможно, это прозвище или даже псевдоним: она работает на преступника и не хочет, чтобы ее настоящее имя стало известно. Ей примерно восемнадцать лет, стройная, светловолосая, со

светло-зелеными глазами. Она приходила уже пять раз. И каждый раз Реми пробует говорить с ней.

– Доброе утро, Саша. Какой хороший завтрак вы мне принесли! Большое спасибо.

Саша поставила еду на маленький столик и, как всегда, пододвинула стул для Реми. В свои первые посещения девушка ничем не выдала, что говорит по-английски, но Реми продолжала проверять ее, болтала по-английски, как будто они подруги, в каждый приход Саши.

Реми однажды сказала, что ей хочется побыть на свежем воздухе, ей очень не хватает солнца, а больше всего она скучает по цветам, таким, какие растут в поместье; она их видела, когда ее привезли. В следующий приход Саша принесла на подносе вазу с маленькой желтой розой. Реми поблагодарила ее, а в следующий раз появился другой цветок. Реми понравился крепкий чай с сахаром, принесенный Сашей. Но во второй раз она решила им пожертвовать:

– Он для меня слишком крепкий. Хочешь?

И с успокаивающим выражением отдала чай Саше, при этом сказала, что любит кофе с медом. На следующий день Саша принесла как обычно чай, но взяла его себе, а Реми дала кофе с медом. Саша с чашкой чая села на кровать и оставалась, пока Реми ела.

Теперь на завтрак каждый раз приносили и чай, и кофе, а в обед – цветок. Реми болтала, расспрашивала Сашу о жизни на воле. Когда Саша принесла особенно красивый пурпурно-белый тюльпан, Реми спросила, где он рос, и Саша из чашек, тарелок, салфеток и ложек создала карту поместья. Ставя отдельные предметы, она говорила по-английски: «дом… сад… дорога… конюшня… пастбище… гараж».

Всякий раз Реми старалась укрепить дружбу и побольше узнать о доме и его обитателях. Саша сообщала мало, обычно выслушивала, минуту или две думала, опасна ли такая информация, а потом отвечала, стараясь не сказать ничего лишнего.

Таким образом прошло четыре дня – двенадцать приемов пищи. К концу этого периода Реми знала – частично из своих наблюдений в день приезда, частично со слов Саши – примерное расположение дома и участка. Она знала: в поместье двадцать человек, но они не всегда присутствуют все, из-за них Саше нужно больше готовить, убирать, стирать и мыть посуду. И Саша боится этих людей.

Саша не знала, что на второй день Реми спрятала в рукаве вилку, а потом о край отверстия в стальной раме кровати обломала все зубцы вилки, кроме одного. Муж научил ее открывать замки, этот один зубец можно использовать как ключ.

На шестой день плена Реми вывернула из угла туалетного столика маленький металлический винт и проверила его пригодность, постучав по трубам, чтобы произвести шум, потом вернула винт на место. Если ее комнату будут обыскивать, винт не найдут.

Она заслужила еще большее расположение Саши, поделившись с ней десертом. Все это время Реми интересовалась городом, возле которого они находятся, и спрашивала, в какой стороне Москва. Однажды убедившись, что дом затих на ночь, она однозубой вилкой и винтом повернула что-то в механизме дверного замка и открыла его. Она проделывала это снова и снова, пока не научилась справляться легко и быстро. Занимаясь этим, она представляла удивление Сэма от ее умения управляться с замками.

Реми выскользнула из комнаты. Минут пять она исследовала пустой темный коридор и нашла черную лестницу, по ней привели ее сюда, и два окна, выходящие на поместье и на большую черную реку за ним. Она обнаружила комнату на верху другой лестницы и услышала храп двух охранников. Решив, что узнала достаточно, Реми вернулась в свою комнату, заперла замок зубцом вилки и уснула.

На седьмой день она начала практиковаться в азбуке Морзе, когда-то ее научил Сэм, хотя она и возражала, мол, в военных организациях больше этому не учат. Она составила сообщение «Реми 4 этаж» и начала выстукивать по трубе, подающей воду в кран над раковиной. Стучать надо было негромко и долго, чтобы обитатели дома привыкли к этому звуку и не замечали его. Они с Сашей поговорили по-английски о хорошей погоде и о том, какой красивый вид на Волгу открывается из Сашиной комнаты. Когда дом затих, Реми снова вышла из комнаты в коридор.

У Реми было сильное, гибкое тело фехтовальщицы, а муж научил ее кое-каким приемам ходьбы по темному зданию. Сильнее скрипят доски посреди коридора, а не по краям; нужно немного пройти и, услышав скрип, замереть, чтобы те, кто слышал этот первый скрип, не связали его со вторым. Большинство шумов кажутся естественными – старый дом скрипит на ветру, а может, ветка царапает стену снаружи.

Каждый день, делая зарядку, чтобы оставаться сильной, Реми вспоминала выполненные ранее задания. Она старалась не забыть, чему учил ее Сэм. В долгие счастливые часы в доме на берегу Тихого океана в Ла-Холье трудно было серьезно относиться к этой муштре, но сейчас Реми поняла: эти уроки помогают ей прогнать страх, который грозит парализовать ее. Упражнения давали ей цель и занимали с самого начала плена. Все, чем она занималась, напоминало: нельзя отказываться от надежды, а еще сильнее напоминало о Сэме. Тогда могли хлынуть слезы, если она позволит.

Сэм идет, он все ближе. Я должна быть готова.

Глава 24

Москва, Россия

Шагая в одиночку по Москве в восемь вечера, Сэм был незаметен – тень, не отличимая от сотен тысяч русских, закончивших работу и спешащих домой. Некоторые возвращались радостно, смеялись и шумно общались. Кое-кто уже успел выпить. Другие походили на Сэма – обычные усталые люди садились в автобусы, развозившие их по районам, где жили горожане. Сэм подождал, пока очередь вошла в автобус, заметил, сколько платят другие, и заплатил столько же.

Оба своих телефона он оставил в номере для ЦРУ и надеялся – сейчас похитители следят за передвижениями своего телефона по Европе. Сэм проехал на восток до конца автобусного маршрута и пошел за другими пассажирами. Все расходились по жилым многоэтажкам, такие в больших городах Америки называют «социальным жильем».

Летняя ночь стояла теплая, и Сэм переночевал на стройке. Здесь выкопали фундамент и накрыли кучу земли брезентом, обвязав его веревками, прикрепленными к кольцам. Сэм решил: это делается для того, чтобы земля в дождь не раскисала. Он залез на середину брезента, чтобы его не видели с улицы, и лег. Предыдущие двое суток он не спал, поэтому уснул мгновенно и проснулся, когда солнце уже стояло высоко и светило ему в лицо.

Он встал и стряхнул с себя землю, осмотрел одежду, желая понять, насколько она запачкалась, и понял: теперь она совершенно не годится. Вещи, купленные в Германии и Венгрии, совсем не походили на одежду пассажиров в автобусе накануне вечером.

Сэм спустился с кучи земли и пошел на восток, стараясь отыскать торговую улицу. Появилось много обычных жителей, идущих на работу, и он постарался затеряться среди них. Позже утром он нашел квартал магазинов. Магазины были небольшие, и перед ними на тротуаре выставили столы с товарами. Он купил плоскую твидовую кепку с коротким козырьком, какие носили американские рабочие во времена Великой депрессии. На улицах Москвы он несколько раз видел такие, особенно на стариках, но ему нужен был головной убор, закрывающий лицо, не позволяя его увидеть. Сэм купил спортивный пиджак из шерсти с полистиролом, искусственной ткани в елочку: такую он видел на многих людях. Пиджак был коротковат и мешковат, поэтому Сэм выглядел шире в плечах и более мускулистым. К пиджаку он подобрал просторные брюки. Новая светло-синяя рубашка была точно такой, какие он видел на людях в автобусе. Наконец он приобрел удобные широкие туфли и сумку через плечо, в каких европейские студенты

носят книги. Переоделся он в примерочной одного из магазинов. А потом, проходя мимо другого магазина, увидел корзины с букинистическими книгами.

Сэм принялся листать их, надеясь найти что-нибудь не на русском языке. Брал многие книги на кириллице и делал вид, что просматривает их, пока не нашел кое-что иное – туристический путеводитель на французском, схватил его и пошел искать кассу.

Пролистав французскую книгу, он открыл карту местности, в которой находился. Он вышел из магазина и шел до тех пор, пока не набрел на небольшой городской парк. Там он сел на скамейку и просмотрел карты районов Москвы. Вокзалов было много, поезда оттуда уходили в разных направлениях. Поезд в Нижний Новгород уходил с Курского вокзала, расположенного на востоке.

Загнув уголок путеводителя, чтобы легко найти нужную страницу, Сэм положил в сумку к запасной одежде книгу и пошел к вокзалу, не спешил, останавливался поесть в таких заведениях, где мог показать, что ему требуется, и, расплатившись, получал разумную сдачу.

В нужный район он добирался пешком целый день. Там пришлось обратиться на улице к какой-то семье с вопросом: «Où est la gare Kursky?»[11] Семью он выбрал, потому что решил: безопаснее обратиться к ним, чем к одинокой женщине, та может испугаться или подумать, будто он полицейский. Ему показали направление и произнесли множество дружелюбных слов по-русски, но он не понял их.

Сэм подошел к Курскому вокзалу вечером, но здесь по-прежнему было полно народу. Он отыскал расписание и долго изучал его. К своему огромному облегчению, увидел расписание не только на кириллице, но и на латинице. Большинство названий он узнал, но ничего похожего на Нижний Новгород не нашел. Вначале он подумал, что из-за усталости и нетерпения пропустил нужное название, просмотрел снова, потом еще раз, но Нижнего там не было. Он двинулся вдоль ряда справочных стоек и кабин, изучая лица работников вокзала. Следует ли обратиться к женщине, ведь женщины контактнее мужчин, или его вопросы вызовут раздражение? Красивых, наверно, часто приглашают на свидания и флиртуют с ними, а кто знает, что чувствуют другие?

И тут он услышал английскую речь. За стойкой находился мужчина в форме, похожей на форму кондуктора. Он говорил похожей на американцев паре, что им нужно заплатить девятьсот рублей. Сэм убедился, что не влез без очереди, и повернулся к служащему.

Тот выжидающе смотрел на него.

– Сэр, я не смог найти в расписании Нижний Новгород, – произнес Сэм.

– Горький, – ответил мужчина. – Город раньше назывался Горький, железная дорога не сменила название. Все русские это знают, недоразумений не бывает. Только у иностранцев.

– О, большое спасибо, – поблагодарил Сэм, испытывая искреннее облегчение. Только представить себе еще один день ходьбы к незнакомому вокзалу!

– Надеюсь, я вам помог. Когда вы хотите уехать?

– Как можно быстрей.

– Отлично. Есть поезд в 22:04. Билет нужен?

– Да, пожалуйста.

– Девятьсот рублей. Сто одиннадцать долларов пятьдесят центов США за билет второго класса в один конец или пятьдесят пять долларов за билет третьего класса.

– А первый класс?

– Извините, но эти билеты уже проданы. Четыреста шестьдесят семь миль, восемь часов десять минут ходу, поэтому лучшие места раскупают заранее.

– Ну, тогда второй класс. – И добавил: – Два билета.

«Никогда не упускай шанса сбить с толку преследователей, – подумал он. – Пары вызывают меньше подозрений, чем одиночки».

– Хорошо, сэр.

Сэм отсчитал двести сорок долларов.

– Большое спасибо.

Человек отдал ему сдачу в рублях.

– Разрешите взглянуть на ваш паспорт.

Паспорт лежал у Сэма в кармане, но он решил не объявлять свое имя – ни русской полиции, которая может его забрать, ни людям Полякова, которые его убьют. Он похлопал себя по карманам и с ужасом воскликнул:

– О нет, паспорта у жены!

Он повернулся и стал разыскивать воображаемую женщину. При этом он убедился: очередь за ним выросла до пятнадцати человек и многие из них выглядели озабоченными.

– Неважно, держите. – Служащий протянул два билета. – Если в поезде спросят, просто покажите паспорт.

– Еще раз спасибо.

Сэм торопливо ушел.

Оставалось всего двадцать минут, поэтому он прошел на платформу. И стоял, нетерпеливо ожидая поезд. Он видел расхаживающих по платформе двух полицейских, они изредка останавливали людей и о чем-то их спрашивали, иногда даже требовали показать билет. Сэм напомнил себе: это совершенно нормально. Когда в Лос-Анджелесе он бывал в подземке, там тоже помощники шерифа, одетые в брюки и рубашки защитного цвета, с тем же дружелюбно-властным видом останавливали людей: «Вы случайно не забыли билет?» Главное – не выглядеть беглецом или испуганным.

Когда открылись двери вагонов, он взял билет в руку и пошел. Пройдя вдоль состава, нашел свой вагон с надписью «2 м». Он надеялся, что это означает второй класс. Занял место у окна в конце вагона. Почти сразу рядом с ним сел крупный мужчина примерно его лет, от него пахло спиртным. Сэм подумал, не пересесть ли, но не захотел привлекать внимание. Одно за другим места заполнились. Сэм выждал несколько минут, пока двери вагона не закрылись и окружающие не начали устраиваться. Тогда он прислонился к окну и смотрел, как поезд медленно движется мимо платформ, через открытую сортировочную станцию с десятками параллельных путей под вечерним небом. Слева от него набирал скорость поезд, создавалось впечатление, что он движется очень быстро.

Проходя восточными пригородами, поезд покатил быстрее, Сэм надеялся, что сосед не станет с ним разговаривать, чтобы скоротать время. В этом случае он собирался глуповато улыбнуться, показать паспорт и объяснить, что говорит только по-английски, но обошлось без разговоров. Сосед сложил руки, откинулся на спинку сиденья и уснул, скоро начал посвистывать на вдохе и храпеть, выдыхая. Сэм битый час смотрел в окно, отмечая, как серые здания темнеют, отступают все дальше, а потом совсем исчезают.

Сэм почти весь день провел на ногах, много раз нервничал и вот наконец добрался до удобного безопасного места в поезде на пути к Реми. Мерный стук колес, мягкое покачивание вагона, даже негромкие звуки женских голосов поблизости – все успокаивало. Немного погодя Сэм уснул.

Проспал он семь часов и проснулся в еще темном вагоне, полном спящих пассажиров. Он помнил: время прибытия поезда в Нижний Новгород по расписанию – пять сорок пять. Его часы показывали пять

часов. Где-то далеко перед поездом небо готовилось к первому свету дня. Солнце еще не взошло, но чувствовалась его энергия. У него было время обдумать следующий шаг. Он понял: поступил опрометчиво, даже глупо, сев в поезд, который доставит его прямо в родной город своего врага. У Полякова могут быть фотографии Сэма, он скорее всего нанял людей, послал их на вокзал и ждал появления Сэма, чтобы перехватить непосредственно у поезда.

Сэм сидел неподвижно и направлялся прямо туда, где ждали враги. С момента покупки билета он стал подобен бычку, идущему на бойню. При выборе другого маршрута он всякий раз приближался к развязке. Теперь он видел за окном вагона обширные поля и темные телеграфные столбы. Поля люцерны выглядели привлекательно, но он понимал: поезд идет слишком быстро, чтобы спрыгнуть, только если будет поворот или холм, тогда поезд замедлит ход. Но местность простиралась плоская, как американская прерия, и поезд по-прежнему мчался в ночь. И тут Сэм почувствовал – состав тормозит.

Он нащупал в кармане билет и подвинулся к краю сиденья, стараясь разглядеть, в чем дело. Люди просыпались, будили друг друга, перешептывались. Поезд замедлил ход, голос по радио объявил станцию. Пассажиры восприняли это как сигнал вставать, снимать вещи с полок над головой и надевать пальто от утреннего холода.

Поезд въехал на станцию, она представляла собой две платформы по сторонам от рельсов и простое кирпичное здание. Сэм не сумел прочесть название на табличке. Поезд остановился, двери открылись, и люди потащили тяжелый багаж, подгоняли детей, разминали ноги после восьми часов сидения, покидали вагон и уходили.

Небольшая цепочка похожих на него людей сошла с платформы на проселочную дорогу, казавшуюся пустой. Он подумал: «*Пора. Нужно действовать сейчас*». Он встал, прихватил свою «студенческую» сумку и кепку и вышел из вагона. Двери за ним закрылись, потом послышалось какое-то неразборчивое объявление по радио, и поезд тронулся. Сэм не остановился, на ходу взглянул на часы. Пять ноль восемь. Если поезд идет по расписанию, то до Нижнего Новгорода – тридцать семь минут.

Сэм знал, что нужно готовиться к долгому переходу, но отчетливо понимал: вероятно, сейчас спас себе жизнь. Он задумался о маршруте. Поезд несколько часов шел на восток, и не было причин думать, что на последнем отрезке пути он куда-нибудь свернет. На востоке вставало солнце, Сэм направился туда. Он шел к Реми.

Он знал, что быстро не придет, но решил: так тому и быть, ему не хотелось привлекать к себе внимание, чем-то выделяться, здесь нужно быть каплей в море. Он русский рабочий, идущий своей дорогой.

Глава 25

Нижний Новгород, Россия

Поздно вечером Сэм увидел ферму, на нее указала встреченная на дороге женщина. Большое поле окружала изгородь, но росла на поле только трава. В полумиле от дороги высился старинный главный дом, за ним белело множество построек, должно быть амбары и конюшни. Никаких огней Сэм не видел. Откуда-то из-за фермы к дороге тек ручей и уходил в направлении Волги. Основная часть поля заросла травой, какой – он не мог определить из-за темноты, но вдоль ручья стояли высокие камыши, а русло ручья обозначала длинная линия кустов и деревьев, росших здесь из-за обилия воды.

Он спустился к ручью и пошел к поместью, при этом понимал: растительность не позволит разглядеть его силуэт, а то, что ручей течет в низине, почти скроет его от наблюдателя в доме. К тому же он предполагал, что охрана ожидает неприятностей со стороны дороги, а не со стороны небольшого ручья.

Сэм шел терпеливо, прислушиваясь, готовый к неожиданностям. Однажды он застыл с колотящимся сердцем: впереди раздался какой-то звук, но Сэм тут же понял – где-то выше по ручью прыгнула в воду лягушка. Он вслушался в крики ночных птиц, ожидая услышать тревожные ноты: не приближается ли человек.

Потом он дошел до низкого деревянного моста, идущего от поля к лужайкам поместья. Поднялся по берегу и притаился под мостом, изучая здание. Дом был четырехэтажный, под крышей французская мансарда, но фасад по-прежнему темный. Он поискал охрану. Справа от него показались двое, шли они, как показалось Сэму, из сада, миновали дом. Сэм увидел у них на ремне автоматы, а также небольшие, но мощные фонарики, и один из охранников по дороге от дома освещал ярким лучом кусты. Он осветил сбоку второй этаж, и Сэм заметил там большое открытое окно, должно быть, в конце коридора.

Двое завернули за угол. Сэм выждал несколько секунд, убедился, что они ушли, и поднялся по газону к той стороне дома, мимо которой только что прошли охранники. Проверил, выдержит ли его вес водосточная труба, спускающаяся недалеко от открытого окна. И начал подъем. Добрался до окна второго этажа, взялся за оконную раму и перебрался через подоконник. Присел у окна и прислушался.

В полной тишине различались легкие удары металла о металл. Рядом с ним была открыта дверь. Сэм заглянул и увидел – это спальня, прошел к следующей двери, как оказалось, в ванную. Теперь он слышал удары отчетливо, и вдруг в голове сложились слова:

Реми четвертый этаж.

. —.. —.. – —.. —. —.. —. —. – .... —.. —. – ... –

Реми четвертый этаж.

. —.. —.. – —.. —. —.. —. —. – .... —.. —. – ... –

Реми, должно быть, в тысячный раз отстучала металлическим винтом по трубе сообщение. Каждую ночь, когда дом затихал и она была уверена, что все спят, начинала «передачу». Вначале Реми открывала дверь комнаты, оставляя зубец вилки в замке, выходила в коридор и шла к окну; убедившись, что наступила ночь и все спят, она принималась тихо стучать.

Дверь всегда оставалась прикрытой, но в ожидании Сэма не запирала ее на замок. Найти ее будет трудно, но она не сомневалась: он найдет. Сэм умен, а любить ее для него так же естественно, как дышать. Однажды он обещал ей, что, если их разлучат, будет искать ее. И пока он жив, его ничто не остановит. Реми понятия не имела, когда он появится в этом далеком русском поместье, но чувствовала: он идет к ней.

По ночам она стучала по трубе почти до пяти часов, до рассвета. Тогда она выглядывала в коридор, чтобы убедиться – скоро рассвет, закрывала дверь и ложилась спать. За прошедшие недели она стала «совой», спала в долгие перерывы между едой, за исключением тех часов, когда упражнялась, принимала душ или расспрашивала Сашу о внешнем мире.

И Сэм пришел. Реми, как обычно, стучала по трубе, но вдруг поняла – что-то изменилось. Она так долго просидела в ограниченном пространстве, что появление нового человека меняло все: воздух, звуки, вибрацию пола, когда он ступил за порог.

Реми мгновенно вскочила, бросилась к Сэму и обняла его. Целых десять секунд она крепко, изо всех сил стискивала его, а из ее глаз текли слезы. Она узнавала знакомые очертания его плеч под неуклюжей курткой. Потом посмотрела на него и спросила:

– Почему так долго – наслаждался одиночеством?

– Нет. Ты забыла предупредить, что уходишь.

– О! Прости!

– Готова удрать отсюда?

– Почти, – прошептала она, села на кровать и обулась. – Нужно по черной лестнице спуститься на второй этаж, так мы минуем комнаты

семьи и охранников. Потом по главной лестнице спустимся на первый этаж, чтобы не заходить на кухню, где толкутся ночные охранники.

– Ты это знаешь?

– У меня появилась подруга – девушка с кухни. Как ты вошел в дом?

– Увидел на втором этаже открытое окно. Оно выходило в коридор. Я услышал твою передачу и поднялся по черной лестнице.

– Повезло. Это единственный свободный путь. Я готова. – Реми отперла дверь, они вышли и закрыли дверь.

Реми и Сэм по винтовой лестнице поднялись вверх на два этажа, потом неслышно и осторожно двинулись по коридору к главной лестнице. Реми остановилась на мгновение, послушала, как храпят в своей комнате двое охранников, и начала спускаться, он за ней. Ступени были покрыты ковром, глушившим шаги. На первом этаже они попали в просторную прихожую с мраморным полом и мозаичным круглым гербом в центре. И тут из темной двери позади материализовались трое.

Один из них взвел курок своего «Скорпиона», но второй что-то отрывисто произнес по-русски, и он опустил оружие. Сэм объяснил Реми:

– Мы нужны им живыми, чтобы получить сокровища.

– Обещаешь?

Трое бросились к Сэму и Реми. Те разделились и пригнулись. Сэм сделал обманное движение, будто отскакивает в сторону и перенаправил первого человека к лестничным перилам, а второго, пролетая мимо, ударил сбоку по голове.

Реми быстро попятилась к большому камину, господствовавшему в вестибюле. Когда третий человек кинулся к ней, она схватила кочергу. Он шагнул вперед, но она не дрогнула:

– Ты пришел ко мне, потому что я одинокая женщина.

Он улыбнулся:

– Не угадала.

Реми сделала фехтовальный выпад, кочерга оказалась на фут дальше, чем предвидел охранник, и угодила прямо ему в живот. Он согнулся, схватился руками за живот, а Реми кочергой ударила его по голове. Он не упал, а выпрямился и бросился к ней, надеясь в ближнем бою ее одолеть. Она увернулась, отпрянула в сторону и обрушила сильный удар на его затылок; охранник рухнул на пол и замер.

Она увидела, как двое остальных опомнились и бегут к Сэму, поэтому кинула кочергу под ноги ближайшему. Тот споткнулся, Реми снова схватила кочергу, ударила его по голове, и он упал. У третьего висел на ремне «Скорпион», охранник прицелился в нее, но тут Сэм сбоку ногой двинул его по колену. От неожиданной боли тот упал, и Сэм вырвал у него оружие.

Пистолет-пулемет выстрелил, очередь прошлась по полу, дальней стене и лестнице. Магазин опустел, и Сэм мощно приложил поднимавшегося охранника головой о пол, потом взял пистолет, достал из сумки запасную обойму и заменил пустую.

Реми была уже на полпути к столовой. Они слышали грохот множества сапог на лестнице: со второго и третьего этажей спускались охранники.

Сэм догнал Реми; они вместе промчались через большую столовую с ее сорокафутовым обеденным столом и вбежали на кухню. Сэм шепотом спросил:

– Знаешь, куда мы идем?

– Нам нужно выскочить из дому, но пока не получится, они нас расстреляют.

– Попробуем отсюда вырваться.

Сэм запер дверь в столовую, потом перебежал через кухню и запер дверь на черную лестницу, потом закрыл входную дверь. Они слышали топот охранников.

Сэм подбежал к большой газовой плите ресторанного типа и повернул кран конфорки. Тихого шипения не было, только электрическая зажигалка начала трещать и искрить.

– Газ они выключили, – понял Сэм. – Электричество есть, хотят схватить нас при свете.

Он открыл дверь кладовой и включил свет, здесь стояла бочка примерно пяти футов глубиной и трех в поперечнике. Сэм снял крышку и произнес:

– Мука€! – Наклонил бочку и выкатил на середину кухни.

– Что ты делаешь? – спросила Реми.

– Мне нужны две унции муки на кубический ярд воздуха. Помоги-ка.

Он начал горстями бросать муку в воздух. Реми делала то же самое. Сэм пробежал в конец кухни, где на пятифутовой стойке стоял большой вентилятор, включил его и направил на горку насыпанной муки. Через

несколько секунд мука поднялась в воздух, заполнила кухню тонкой пылью, воздух в кухне превратился в облако.

– Быстро в кладовую! – распорядился Сэм. Осмотрелся, словно убеждаясь, все ли получилось, как он хотел, и тоже вбежал в кладовую. Запер дверь, лег рядом с Реми – свет все еще горел, – подсунул под дверь какое-то блюдо и обнял Реми одной рукой. Реми спросила:

– Мучная бомба, Сэм?

– При правильном расчете взорваться может почти все, – ответил он. – Когда в воздухе будет достаточно пыли, электрические зажигалки плиты ее подожгут. Закрой глаза, зажми уши и открой рот. Голову не поднимай.

Они лежали неподвижно. Затем наступил ужасный миг, когда свет в кладовой погас. Шум лопастей вентилятора или щелчки электрических зажигалок больше не были слышны.

– Похоже, все, – констатировал Сэм.

– Что «все»?

– Они выключили главный рубильник. Поджечь не получится.

Двери в обоих концах кухни с грохотом рухнули под ударами каких-то тяжелых предметов. Сэм и Реми услышали топот множества ног; охранники побежали в глубину дома. Сэм вставил обойму в отобранный у охранника «Скорпион», взялся за ручку двери кладовой и чуть приоткрыл. Вентилятор не работал, мучная пыль висела в совершенно неподвижном воздухе; ее было так много, что она мешала рассмотреть происходящее в глубине кухни, мешала дышать. Сэм сразу понял, что сейчас произойдет, рывком закрыл дверь кладовой и увлек Реми на пол.

– Не вставай!

Кухонное окно упало внутрь, и пистолет-пулемет начал осыпать искрящими пулями кухню. Этих искр оказалось достаточно.

Ба-бах! Пыль, висящая в воздухе, взорвалась. Двери кухни выбросило наружу: одну в столовую, вторую к черной лестнице, срывая древесину с петель. Одно дверное полотно пришибло шестерых или семерых людей. Люди в дальнем конце кухни пострадали сильнее – взрывом не только выбило стекла, часть стены тоже обвалилась и загорелась. В уцелевшей части кухни вспыхнул пожар.

Сэм сел и снял со спины щепки двери кладовой. Реми тоже попробовала сесть. Оба походили на белых призраков, их с ног до головы покрывала мука. Сэм спросил:

– Бежать можешь?

– Как испуганный кролик.

Они выскочили из кладовой, пролезли через брешь в стене и оказались вне дома в ночи. Огонь в поместье разгорался, и на бегу они слышали сигналы тревоги: пожарная сигнализация работала на аккумуляторах, и теперь по всему зданию гремел хор звонков. Сэм и Реми пронеслись через сад и погрузились в темноту.

Реми схватила Сэма за руку.

– Вон конюшня, – указала она, и они свернули к длинному низкому зданию.

У них за спиной из заполненного дымом здания выносили пострадавших, люди кашляли, многих ранили осколки стекол и деревянными обломками.

Сэм и Реми вошли в конюшню и увидели денники с лошадьми. Шум испугал животных, они мотали головами и большими изумленными глазами смотрели на вошедших. В одном деннике лошадь била копытами по перегородке: звуки напоминали пушечные выстрелы.

Реми прошла по ряду, каждую лошадь она трепала по шее, говорила им ласковые слова:

– Привет, мальчик. Какой ты большой и умный. И очень красивый.

Вскоре лошади успокоились, но снаружи по-прежнему раздавались тревожные звуки: крики, топот ног, сигналы пожарной тревоги.

Сэм со «Скорпионом» в руке прошел в приоткрытые двери.

– Электричество они не включают.

– А тебе это нужно?

– Пожалуй, нет. В темноте нам легче обогнуть дом и уйти в поле.

– Лучше тебе оседлать лошадь.

– Лошадь?

– Мы должны их опередить, но машины у нас нет, и мы не подберемся к ним: нас подстрелят. А лошадь пробежит там, где не пройдет машина. Саша говорит, рельсы в той стороне и ведут к станции. – Она положила на спину лошади английское седло и застегнула ремень. – Ты же большой. Будь хорошим мальчиком. Успокойся.

– Постараюсь, – произнес Сэм.

– Это я не тебе, но ты тоже успокойся.

Сэм прошел к стене с упряжью, выбрал седло, вальтрап, удила и уздечку. Он приблизился к лошади, но та отступила и лягнула стену.

– Иди сюда, – сказала Реми. – Мне нравится вот эта.

Сэм подошел к другому деннику и сказал:

– Хорошо, большое прекрасное чудовище. Мы с тобой подружимся. – Он оседлал и взнуздал лошадь. – А теперь мы убежим от тысячи плохих людей, которые хотят убить твоих новых друзей.

Сэм и Реми провели лошадей в дальний конец конюшни, подальше от дома, огня, шума и смятения. Реми вывела свою лошадь, вскочила в седло и ждала. Сэм, гораздо менее опытный всадник, забрался в седло, и его лошадь повернулась. Ему нужны были обе руки, чтобы держать поводья, поэтому он бросил пистолет-пулемет со словами:

– Не забудь, приятель, мы с тобой друзья.

Лошадь, по-видимому, решила уйти подальше от дома и пошла легким галопом.

Они оказались на просторном пастбище, где лошадям, несомненно, позволяли пастись днем; знакомая обстановка успокоила их. Сэм трепал свою лошадь по шее и разговаривал с ней, недалеко он увидел препятствия для стипльчеза и почувствовал опасение, что легко не будет. По-видимому, лошади были скаковые, а Реми с детства ездила верхом. Здесь единственный, кто не знал, как поступить, был Сэм.

Вдруг близко послышались крики. Несколько пуль пролетело мимо. Потом раздалась очередь из пистолета-пулемета. Лошадь Реми понеслась на край поля и перемахнула через белую перекладину. В следующую секунду Сэм заметил: в белизне перекладины отражается огонь, горящий дом, а все остальное кажется черным. Реми он различал плохо. Его лошадь скакала за первой, а Сэм, сидя на ее спине, хотел внушить ей вопреки всем законам логики, что он уверенный и опытный всадник. К его изумлению, лошадь подбежала к изгороди и прыгнула. Уже в воздухе Сэм услышал крик Реми:

– Нагнись!

Он отреагировал, лошадь приземлилась вначале передними копытами, потом задними, и Сэм умудрился усидеть в седле.

Теперь лошади бежали не так быстро, как вначале, и все равно Сэм едва это выдерживал. Поле казалось ему бесконечным морем черноты. Лошади одолели около двух миль, не встретив ни единого препятствия. Вдалеке, справа от себя, Сэм и Реми видели огни на шоссе. Трудно было

решить – имеют ли эти фары машин какое-нибудь отношение к ним, но дорога не приближалась, а огни не поворачивали и не останавливались. Реми и Сэм снизили скорость, потом спешились и некоторое время вели лошадей в поводу, чтобы те отдохнули и остыли. Почувствовав, что лошади готовы, Реми села верхом и поскакала вперед быстрее. Сэм на лошади последовал за женой.

Сергей Поляков шел вдоль горящего здания, держась в тридцати футах от пламени, которое облизывало стены и крышу дома. Заднюю часть дома словно разрушило взрывом. Он понятия не имел, что там могло взорваться. Огонь постепенно добрался до двух складов оружия, но все свелось только к сериям быстрых щелчков, похожих на фейерверк; больших взрывов не последовало. Наверно, плохо перекрыли газ, он этого никогда не узнает.

Взрыв разозлил его, это вопиющее оскорбление! Поляков сразу понял, как ему поступить. Специально подобранные, обученные и высокооплачиваемые телохранители не справились с одним человеком, иностранцем, который пришел пешком, чтобы забрать свою жену.

Слово «жена» вызвало новую озабоченность. Его собственная жена Ирина и дети сейчас находились в Москве у ее родителей – слава богу. Но через несколько дней она вернется. А это отвратительное изуродованное здание – ее дом.

Его болваны гасили огонь водой из садовых шлангов. Он наблюдал, как они подражают хорошо обученному отряду, и его оскорбляли их запоздалая дисциплинированность и полное отсутствие профессионализма.

Но вот он услышал вначале слабые, потом все более громкие сирены. Его люди переглядывались и улыбались, сознавали: помощь близка; они продолжали лить воду. Поляков побежал через двор и схватил за руку начальника своей охраны Котова.

– Слышишь сирены?

– Да. Они за несколько минут погасят огонь.

– Нет, осел! Забыл, что у нас в подвале? Пусть перестанут заливать огонь. Прикажи им залить первый этаж бензином. Перегороди шоссе, чтобы задержать пожарные машины. Дом должен полностью сгореть, чтобы пожарные и полицейские не увидели все это!

Поляков стоял и смотрел, как его люди прекращают лить воду и тащат от машин канистры с бензином. Все злило его. Эти Фарго заставили его сжечь собственный дом! Какое бесчестье! Надо было сразу же убить эту бабу, как только он ее увидел.

Через несколько миль перед Сэмом и Реми в степи заблестели в свете луны рельсы.

– Саша права, – отметила Реми. – Вот и рельсы.

– Да, – согласился Сэм. – Но в какой стороне станция?

– В обеих, глупышка. Это свойство железных дорог.

Они шли по дороге и вели лошадей в поводу. Впервые за долгое время вдалеке появилась машина, она постепенно приближалась. Фарго ранее никогда не видели такой машины. У нее было три фары – две обычные и еще одна, посередине, на самом носу автомобиля. Когда машина поворачивала, центральная фара отлично освещала дорогу.

Машина замедлила ход и остановилась перед Сэмом и Реми. Она имела цвет темной бронзы, длинный и низкий, сужающийся к концу корпус, и очертания ее напоминали космический корабль. Выглядела она новенькой, но облик ее свидетельствовал: на самом деле она старинная. Фантастический дизайн прошлого.

За рулем сидел седой мужчина с аккуратно подстриженной седой бородкой. В темной русской ночи огоньки приборного щитка освещали на нем пеструю гавайскую рубашку. Мужчина, высокий и стройный, вышел из машины и направился к Сэму и Реми.

– Вам чем-нибудь помочь? – негромко спросил он по-русски.

– Мы американцы, – неуверенно ответил Сэм по-английски.

– Не в обиду будь сказано, вид у вас такой, словно вам нужна помощь, – ответил шофер тоже по-английски.

Сэм и Реми вспомнили – одежда и лица у них покрыты мукой, сажей и грязью, а одежда промокла от пота и липнет к телу.

Открылась пассажирская дверца, и вышла высокая красивая женщина с волосами платинового цвета.

– Какие прекрасные лошади! – воскликнула она. – Где вы их взяли?

– Украли, – ответила Реми. – Мы бежим от русского гангстера и его людей. Они меня похитили.

– Бедняжки, – сказала женщина. – Мы увезем вас отсюда. Но сначала нужно позаботиться о лошадях.

– Дженет любит животных, – объяснил мужчина. – Вон огороженное пастбище, и луна отражается на воде. Можно там отпустить их.

Мужчина помог снять верхнюю перекладину ограды. Они завели усталых лошадей внутрь, сняли седла и упряжь и повесили на ограду. Потом потрепали лошадей, и Реми что-то прошептала им.

Все вернулись на дорогу; мужчина открыл дверцу, пропуская их на задние сиденья, сел за руль, Дженет рядом, и машина двинулась по дороге.

Реми спросила:

– Что это за машина?

– «Такер», – довольно ответил мужчина.

– Он любит машины, – пояснила женщина.

– Да, – подтвердил тот. – И мы оба любим путешествовать. Когда я узнал, что продается такая машина, мы решили приехать и купить ее сами. Отличное пополнение моей коллекции.

– Как «Такер» 1948 года оказался в центре России? – спросил Сэм.

– Значит, вы знаете о таких машинах?

– Знаю, что производили их только год, – ответил Сэм. – Ни одного раньше не видел.

– «Такер» выпустил пятьдесят одну машину. До сих пор считалось, что уцелели всего сорок четыре. Эта сорок пятая. Проницательный русский чиновник в 1948 году понял их ценность и попросил кого-то купить ему в Штатах такую машину. Вероятно, он хотел разобрать ее и делать копии, но к тому времени, как машина пришла, у него начались неприятности и его сослали в Сибирь. Все эти годы машина стояла в гараже.

– Как вы собираетесь доставить ее домой?

– Поездом до Владивостока, оттуда по воде в Лос-Анджелес, а дальше поведем сами, – ответил мужчина. – Можем отвезти вас, куда скажете.

– Это большая честь, – сказала Реми. – Мы очень рады! Нам нужно в Восточный Казахстан.

– Я знаю, это прозвучит странно, – сказал Сэм, – но не кажемся ли мы вам знакомыми? Кажется, мы уже встречались, в Африке.

Мужчина посмотрел на них в зеркало заднего обзора.

– Не помню. Многие считают, что встречались со мной где-то, но я думаю, в этом заслуга моей бороды. Всякий может отрастить бороду.

– Просто расслабьтесь и наслаждайтесь поездкой, – посоветовала женщина. – Хотите поесть или выпить?

– Большое спасибо, но я лучше подремлю, – ответила Реми. – Рассвет – время, когда я ложусь спать.

Взошло солнце. «Такер» 48 года ехал к нему, приводимый в движение преобразованным авиационным двигателем. Сэм на заднем сиденье наслаждался присутствием Реми. Она спала, положив голову ему на грудь. Вскоре он тоже уснет, но еще не сейчас. Слишком хорошее мгновение, чтобы его упускать.

Глава 26

Русская степь

Утром они доехали до небольшой станции к востоку от Волги, далеко от Нижнего Новгорода, там, где шум мотора «Такера» не могли услышать ненужные уши.

Высокий мужчина в гавайской рубашке открыл багажник и достал два кожаных саквояжа.

– В таком виде вас не впустят в поезд. Идите в туалет, вымойтесь и переоденьтесь.

Он открыл саквояж с монограммой «С. С.», и Сэм выбрал себе мужскую одежду. В сумке с буквами «Дж. С.» нашлась женская одежда для Реми. Мистер С. закрыл сумки и багажник, а Сэм и Реми пошли в здание станции переодеться. Одежда обоим оказалась длинна, но они подвернули брюки и выглядели почти нормально. Выйдя, они увидели, что С. С. присматривает за погрузкой своей машины.

«Такер» поставили на особую платформу для перевозки тяжелого оборудования, закрепили цепями, накрыли брезентом от дождя и пыли, потом все замкнули.

Фарго и их спасители супруги С. несколько часов ждали на вокзале поезда, идущего из Москвы во Владивосток. До Владивостока им предстояло ехать семь дней и покрыть 6152 мили. Новые друзья Фарго как будто знали все уголки планеты, но не уточняли, когда они там побывали, проследили, как платформу с автомобилем прицепили к поезду, и помогли Сэму купить два билета в спальный вагон до Омска.

Как только поезд помчался через русские степи, Сэм попросил у С. телефон, прошел в свое купе, сел рядом с Реми и включил громкую связь. Набрал номер, который дал ему человек в американском консульстве в Москве, и произнес:

– Говорит Фарго.

– Минутку, пожалуйста.

Оператор сразу переключил его на другую линию.

– Привет, Сэм. Говорит Хагар.

– Привет! Спасибо, что ответили.

– Где вы сейчас?

– В поезде Транссибирской железной дороги с женой; она здорова и невредима. Полагаю, вам следует знать: у мистера Полякова, джентльмена, который принимал ее у себя, серьезные неприятности. В его доме случился пожар, и некоторые его сотрудники пострадали.

Хагар ответил:

– Мне известно, что дом сгорел дотла и полиция расследует, какое загадочное вещество хранилось там в подвале.

– Интересно. Большое спасибо за вовремя оказанную помощь.

– Мы были бы рады сделать больше, но, думаю, мистер П. оказался не таким великим и ужасным, как хотел бы себя считать. Наш общий друг в Лэнгли шлет поздравления и привет миссис Фарго.

– Спасибо. – Сэм закончил разговор и тут же набрал дом в Ла-Холье.

– Сэм! Это вы?

– Да. И Реми со мной, в поезде.

– Слава богу! Куда вы едете?

– К следующему пункту назначения. Туда, куда направлялись, когда все это произошло.

– И вы уверены, что хотите…

– Мы не собираемся останавливаться только потому, что другая сторона плохо себя ведет. Так что по-прежнему движемся в верном направлении. Хотя наш маршрут может оказаться менее предсказуемым.

– Послать вам на помощь Венди и Пита?

– В данный момент надо только кое-какое оборудование. Закажите нам номер в отеле города Тараз в Казахстане и отправьте туда оборудование: промышленный оптико-волоконный бороскоп с жесткими металлическими телескопическими трубами, фотоаппарат и фонарь-вспышку, не больше шести миллиметров в ширину, и еще пятиметровый удлинитель, а также ноут и магнитометр.

– Сейчас все сделаем.

– И загрузите в ноут все, что найдете о городе Тараз, и об отце Аттилы, и об археологии этой местности. Чтобы добиться результата, нам необходим резкий прорыв в знаниях.

– Займемся немедленно, – пообещала Сельма. – Когда Реми исчезла, мы отложили охоту за сокровищами.

– Спасибо, – сказала Реми. – Но сейчас я свободна, мы оба в порядке, поэтому возвращаемся к своим занятиям.

– Здо€рово! – воскликнула Сельма. – Позвольте передать добрую весть Альбрехту и остальным. Мы свяжемся с вами при первой возможности.

Сэм вернул С. С. телефон. И вскоре они с Реми сидели и смотрели на степь за окном. Земля сразу у поезда уходила назад, степь находилась в вечном движении: дул ветер, и трава волновалась, словно океан. Расстояния здесь были огромные. Сэм и Реми уснули, а когда проснулись, за окном оставался тот же пейзаж: травянистая равнина, небо и бесконечные рельсы, по ним стучали под вагоном колеса.

Довольно часто поезд внезапно останавливался на маленьких станциях. На платформе стояли местные жители, они продавали еду и здешние деликатесы: свежие овощи, хлеб, горячий чай и ароматную выпечку.

На первой такой остановке в их купе пришли новые друзья С. Дженет предложила:

– Давайте купим что-нибудь. Поверьте, вам понравится.

Мужчина прошептал Сэму:

– Оставайтесь в купе, стойте у окна и смотрите, не узнаете ли кого-нибудь.

Через занавешенное окно Сэм и Реми наблюдали за покупками на первой станции. Семьи местных фермеров продавали свежую, только что приготовленную еду, продукты и разнообразные готовые блюда. Новые друзья устроили Фарго целый пикник. Спустя несколько часов то же самое они проделали на следующей остановке. Сэм и Реми рассматривали лица, но никого знакомого не увидели, и никто не наблюдал за пассажирами.

После ужина – а они провели в поезде уже девятнадцать часов – С. С. пришел в их купе и протянул свой телефон.

– Тут звонит женщина по имени Сельма.

Реми взяла трубку:

– Привет, Сельма!

– Привет, Реми! Собирайте вещи, вам нужно сойти в Екатеринбурге.

– Неприятности?

– Нет. Возможность ускориться. Сэм ничего не сказал о вашем паспорте. Он у вас с собой?

– Да. Моя сумка была у него, когда меня схватили. Но я лишилась телефона. Сэм тоже.

– Их легко заменить. Пошлю вам новые в ваш следующий отель. В Екатеринбурге вы сядете на самолет до Астаны. Мы хотим, чтобы вы оказались там как можно быстрей.

– А что в Астане?

– Там вас будут ждать документы. Мы также хотим, чтобы вы покинули побыстрей Россию. В Казахстане Полякову будет труднее действовать, труднее вас найти и что-нибудь сделать. Он там такой же чужак, как и вы. Позвоните мне из аэропорта Екатеринбурга.

Сэму и Реми почти ничего не требовалось собирать. Они зашли в купе к своим друзьям и сообщили, что выходят в Екатеринбурге, поблагодарили за помощь. Перед самой станцией Сэм сказал человеку с седой бородой:

– С. С.! Я должен вам признаться: не верю, что, когда я в следующий раз попаду в неприятности, рядом окажутся добросердечные незнакомцы на антикварной машине.

Мужчина с седой бородой спокойно посмотрел на него и ответил:

– Полагаю, это разумно, если учитывать вероятность.

– Вы из ЦРУ?

Мужчина отрицательно покачал головой:

– Я переправляю купленную машину во Владивосток. Но один человек, с которым я встретился в американском посольстве в Москве, позвонил мне и предупредил – на моем пути могут появиться двое американцев, им понадобится помощь.

– И все?

– И все. – Он посмотрел в окно. – Вам пора выходить. Через минуту платформу заполнят люди, и вам нужно смешаться с толпой.

– Мы так и сделаем, – ответил Сэм. – Спасибо, что подвезли, мистер С.

Реми встала на цыпочки, поцеловала С. С., и Фарго вышли на платформу, начали быстро двигаться вместе с толпой. Нашли у вокзала остановку, где был нарисован самолет, и сели в автобус до аэропорта. Сэм посмотрел, сколько денег пассажиры платят водителю, и заплатил столько же.

Вскоре они прибыли в аэропорт. Не договариваясь об этом, не строя планов, они сменили способ передвижения. Сейчас они держались гораздо внимательнее и настороженнее, чем раньше. Вместе прошли к стойке, где кириллицей и латиницей обозначались пункты назначения, вместе купили билеты и прошли к выходу на посадку. Если один уходил в туалет, другой ждал за дверьми, замечая всех вошедших и прислушиваясь к звукам внутри.

Через пять часов их самолет вылетел в Астану. Оба испытали глубокое облегчение, когда взяли курс на Казахстан. Это казалось им шагом прочь от сообщества преступников, пытавшихся причинить им вред с тех пор, как несколько недель назад они прилетели в Берлин.

Астана оказалась городом новым и деловым. В аэропорту были два терминала: международный и местный, так что пришлось проходить таможню, получать письменные приглашения в страну и визы, потом заказывать билет на самолет «Эйр Астана» до Алма-Аты, старой столицы на юго-востоке огромной страны.

Когда они рассказали говорящему по-английски представителю авиакомпании о своей конечной цели, то узнали: перелет из Алма-Аты в аэропорт города Тараза занимает всего несколько часов. Но вылететь сегодня не получится. Они пролетели на самолете шестьсот миль до Алма-Аты, потом сняли номер в отеле «Всемирный султанат», оттуда они позвонили Сельме, чтобы она знала, где они.

– Жаль, что вы задерживаетесь, – сказала Сельма. – Но пока ничего сделать не удалось. Я веду переговоры с чартерной фирмой, но опасаюсь привлекать слишком много внимания к вашему появлению в Таразе. Возможно, вам удастся улететь сегодня вечером.

Сэм поведал:

– Мы только что решили нанять машину. Это всего шестьсот миль. Два дня.

– Внимательнее отнеситесь к найму, – предупредила она. – Не нанимайте того, кто завезет вас в глушь и перережет горло.

– Постараемся, – ответила Реми. – Проверим, есть ли у них на ножах пятна.

– Посмотрим, что сделает для нас портье, – сказал Сэм. – Если не получится, мы постараемся уехать.

– Завидный стоицизм, – заметила Сельма. – Удачи! Я продолжу искать самолет. И немедленно отправлю вам в отель новые сотовые.

Сэму и Реми потребовался час общения с портье «Всемирного султаната», чтобы найти шофера. Звали его Нурин Темирзан; портье сказал: ему двадцать три года и он готов отвезти их в Тараз. Но как и большинство казахов, он не говорит по-английски.

Сэм спросил у портье:

– А он понял, что нам нужно?

– Да, сэр. Мой английский, может, не слишком хорош, но по-казахски я говорю безупречно. Он отвезет вас в Тараз и неделю останется ждать, чтобы привезти обратно. Если придется ждать дольше, то плата будет увеличиваться ежедневно на одну седьмую.

– А он сказал, какова плата?

– Да, сэр. Семьсот американских долларов за неделю, – произнес портье отчасти со смущением.

Сэм успокаивающе улыбнулся и наклонился к нему:

– Вас беспокоит еще что-то? Если скажете, я не стану вас винить.

– Ну да, сэр. В Таразе недавно случилось несколько происшествий. Мусульманские фундаменталисты стреляли в людей, а один из них взорвал себя. Американский Корпус мира покинул Тараз из соображений безопасности.

– Спасибо за честность и за помощь. – Сэм дал двести долларов чаевых и оставил свой и Реми новые номера, если кто-нибудь не сможет дозвониться до них другим способом.

В банке Сэм и Реми поменяли доллары на казахские тенге и прошлись по магазинам Алма-Аты. Американский доллар стоил сто сорок семь тенге. Они пошли на Арабскую улицу, где в «Центральном универмаге» продавались самые разные товары, купили одежду, которая не показалась бы казахам иностранной или слишком дорогой. Особенно они старались найти для Реми скромные, необтягивающие костюмы, с длинными рукавами, а еще приобрели широкий шарф, чтобы прикрывать волосы – не оскорблять мусульман и маскироваться от возможного наблюдения людей Полякова.

В современном супермаркете они выбрали такие продукты, какие, вероятно, придутся по вкусу и их водителю Нурину: фрукты, орехи, хлеб,

твердый сыр, воду в бутылках и чай. Их не обязательно во время двухдневного пути хранить в холодильнике.

На следующее утро Нурин с улыбкой на лице подъехал к отелю и под непрерывный монолог по-казахски усадил их в машину и уложил в багажник вещи и продукты. Его машине, «Тойоте»-седан необычного золотистого цвета, было десять лет. Сэм секунд десять вслушивался в работу мотора, потом заверил Реми – двигатель хорошо обихаживают, на несколько дней его хватит. Пока Нурин укладывал вещи в багажник, Сэм на всякий случай поднял капот и убедился, что все ремни и шланги на месте.

Выехав из многолюдного города, Нурин направился на восток; к облегчению Сэма и Реми, он вел машину на разумной, но значительной скорости, не съезжал с покрытия и строго держался своей полосы, обращал внимание на встречные машины, идущие в Алма-Ату: хотя этот город уже не был столицей, он оставался самым населенным и крупным деловым центром.

Каждые три часа Нурин останавливался в небольших городах, покупал бензин, а если была необходимость, то некоторое время ходил по городскому рынку. Он хотел держать баки полными и давал пассажирам возможность посетить туалет и купить кое-что из еды. Нурин был черноволосым, привлекательным, с худым, сильным телом человека, много занимавшегося физической работой, но с лицом и манерами не по годам серьезными, как у человека вдвое старше.

Когда люди видели Сэма и Реми с Нурином, они заговаривали с ними по-русски, но без толку. Следующие два дня Сэм и Реми довольствовались характеристиками, жестами, их давал Нурин в разговорах со встречными.

На одной остановке Сэм показал Нурину международные шоферские права и свою калифорнийскую лицензию. Нурин все это разглядывал с любопытством, но продолжал сам вести машину. Первую ночь после выезда из Алма-Аты Нурин остановился у небольшой гостиницы западного типа, но отказался заходить с Сэмом и Реми, остался спать в машине.

– Почему он, по-твоему, это делает? – спросила Реми.

– Наверное, боится, что снимут покрышки или еще что-нибудь украдут.

Они отлично выспались в своем номере на втором этаже, а когда утром проснулись и вышли, то Нурин казался хорошо отдохнувшим и готов был ехать дальше. Во второй день на абсолютно ровной местности он увеличил скорость. Ехали до вечера, а на закате вести машину стало

трудно: появились большие дома, вскоре и улицы с тротуарами. Наконец они увидели надпись «Тараз» и поняли: приехали.

Нурин привез их к отелю «Жамбыл» на улице Толе Би. Четырехэтажное здание отеля походило на американскую среднюю школу, но, войдя, они убедились – внутри красиво и чисто, мраморные полы с рисунком и расстилались сине-золотые казахские ковры. Администратор на ресепшене говорил по-французски и сообщил: в гостинице есть бассейн, ресторан, бар, салон красоты и прачечная.

Сэм снял номер и для Нурина, попросил администратора объяснить Нурину по-казахски следующее: пока Фарго занимаются своими делами, он свободен, но они оплачивают еду Нурина и все необходимые ему услуги, и поинтересовался, есть ли безопасная парковка для машины.

Нурин был счастлив. Он обнял Сэма, низко поклонился Реми и пошел поставить машину на закрытую стоянку за отелем. Администратор известил, что оборудование для них прибыло и ждет их в номере.

Было пять; еще оставалось три светлых часа, поэтому Сэм и Реми попросили администратора объяснить им, как пройти на продуктовый рынок. Администратор показал на карте города, Фарго поблагодарили его и вышли, они хотели до наступления темноты взглянуть на город. Сэм надел шляпу и темные очки, Реми – тоже в очках – повязала голову шарфом. Дойдя до рынка, они побродили между столами и корзинами с овощами и фруктами, выпечкой и вином, делая вид, что прицениваются, и все время изучали людей и расположение.

Реми спросила:

– Сэм, тебе не кажется – вот это стена старой крепости?

– Сомневаюсь. Местность слишком низкая. Когда строят крепости, используют любое преимущество: высоту, крутые подступы, воду. Полагаю, археологи в тридцатые годы нашли здесь что-то, но не крепость.

– Я об этом и думаю, – сказала Реми. – Давай позвоним Альбрехту и Сельме.

Они продолжали идти ровным шагом. Постепенно обошли рынок, из-под темных очков продолжали наблюдать за окружающими. Наконец они вернулись туда, откуда начали.

– Дурные новости на двух часах, – сообщила Реми.

Сэм посмотрел в ту сторону и увидел четверых мужчин в брюках защитного цвета, рабочих куртках, сапогах и бейсболках; они сидели за

столиком на улице и пили из высоких стаканов. Выглядели они как нефтяники или операторы тяжелой техники.

– Кто они?

– Тайные агенты Полякова. Низенький, светловолосый – один из тех, кто в Нижнем Новгороде вынимал меня из барабана. Он и еще один мужчина помогали двум женщинам. А вот того высокого я видела в ночь, когда мы оттуда сбежали.

– Полагаю, их появление здесь первыми было неизбежно, – сказал Сэм. – Они видели нас?

– Сомневаюсь. Они этого ничем не выдали, а они не кажутся мне ловкими притворщиками. Скорее погнались бы за нами.

Фарго кружным путем пошли к отелю, время от времени останавливаясь и проверяя, не следят ли за ними. В гостинице они взяли новый сотовый телефон, включили его, немного подождали и позвонили в Ла-Холью.

Голос, который они не ожидали услышать, произнес:

– Алло?

– Привет, Альбрехт. Это мы.

– Вы в своем отеле в Таразе?

– Да. Наняли шофера, он привез нас сюда, но не говорит по-английски.

– А на каком говорит?

– На казахском и немного на русском.

– Годится. Расскажите, что случилось.

– Мы только что вернулись с рынка; историки считают, на этом месте располагался древний Тараз. В кафе заметили четверых бандитов Полякова. Они нас как будто бы не заметили. Еще похоже, что здесь для захоронения неподходящее место. Слишком низкое для крепости. И нет реки. Может, в городе есть ручьи или источники, но мы их не видели.

Они услышали, как Альбрехт стучит по клавишам компьютера.

– Дайте мне время, я посмотрю компьютерную карту. Ага, есть. Да, думаю, вы правы. Старые китайские источники утверждают: пятьсот человек два года работали на строительстве крепости во время сюнну-китайской войны. «Сюнну» – так китайцы называли гуннов. Вождь гуннов Чжи Чжи ожидал подхода китайской армии в триста тысяч человек, поэтому крепость строили надежной. Ее должны были возвести на холме и обеспечить запасом воды. Мы знаем, что ее

окружали высокие стены, а когда пришли китайцы, им пришлось насыпать земляные валы, чтобы стрелы из луков с укреплений в них застревали. Китайцы сломили сопротивление и победили. Вряд ли крепость располагалась на месте современного рынка. Развалины под рынком – скорее жилища или кладбище.

– Какой может быть могила Мундзука? – спросила Реми. – Что нам искать?

– Посылаю вам снимки известных ранних погребений гуннов в Монголии. Их хоронили под курганами. Погребальную камеру сооружали из камня, а потом покрывали слоями земли и стволами сибирской лиственницы.

– Похожее мы нашли во Франции. Там были бревна, скрепленные раствором.

– Ищите любые природные образования, напоминающие курган. Обычно погребальные курганы намеренно заравнивали, или их сглаживали время, ветер или река. Но Мундзук никогда не бывал в этой крепости: ее разрушили за триста лет до него, во время поражения Чжи Чжи. Задолго до Мундзука крепость превратилась в руины. Помните, вы ищете погребение царя, умершего перед самым началом миграции в Европу. Если рынок расположен поверх места погребения, могила Мундзука должна быть одной из последних.

Реми спросила:

– Можно ли узнать, как смерть отца отразилась на Аттиле?

– Кое-какие факты нам известны, – ответил Альбрехт. – Мундзука похоронили в 418 году. Аттила родился в 406-м, следовательно, когда умер его отец и царем стал его дядя Руга, Аттиле было двенадцать лет. Я иногда думаю, что в предыдущем поколении тоже могло быть два царя, Мундзук и Руга делили трон, как позже Бледа и Аттила. В то время гунны как раз совершали огромный исторический прорыв. Именно тогда началось Великое переселение народов, завоевание большей части Азии и Европы. Известно, примерно в 370 году гунны вступили в контакт с римлянами в окрестностях Дуная, поэтому тело Мундзука несомненно привезли назад только для погребения. Аттила сопровождал его, а потом вернулся на запад. В ту пору молодые наследники престолов со всей Римской империи и сопредельных земель по несколько лет жили в Риме, чтобы их семьи выполняли условия договора с Римом, а римлян отправляли заложниками в соседние царства. После смерти отца Аттила стал самым естественным кандидатом в заложники. Его отправили в Рим.

– Для двенадцатилетнего мальчика это тяжелое испытание, – отметила Реми.

– Да, я уверен, так и было. Либо еще до того, либо в пути он изучил латынь, который гунны считали языком солдат; члену царской семьи полезно было его знать. Позже хорошее знание латыни позволило ему общаться с союзниками и подданными из сотен племен и с послами из Европы. Аттила встречался со многими римскими аристократами, понял особенности римской власти и, конечно, собрал множество сведений о римской армии. – Альбрехт помолчал. – Но я слишком отвлекаюсь, верно? Нужно найти могилу Мундзука. У вас есть какие-нибудь соображения, как действовать?

– Осторожно, – ответил Сэм. – Мы в городе, язык жителей не знаем, а здесь лишь немногие знают наш язык. Нам известно: тут действуют многие антиамериканские группы. Мы побывали в предположительном месте захоронения – там сейчас рынок большого города и негде встать, тем более проводить раскопки. Если могилу найдут наши противники, то клад исчезнет, будет поделен между Поляковым и его приспешниками, золото расплавлено и конвертировано в наличные. Такая вот грабительская археология. А другого шанса найти могилу у нас не будет. И этот последний клад, как сказано в послании Аттилы, необходимо найти, чтобы отыскать его захоронение.

– Знаю, – сказал Альбрехт. – Но погибать за клад не стоит.

– Согласен, – ответил Сэм. – Мы и так слишком испытываем судьбу, но надеюсь, нам удастся ее смягчить…

Глава 27

Тараз, Казахстан

Вечером Сэм пошел в номер Нурина и пригласил его мимикой и жестами разделить с ними ужин. А когда привел Нурина в их номер, Реми предложила выбрать из меню обслуживания в номерах.

Нурина попросили заказать по телефону ими выбранное. На листочке нарисовали животных с фермы и овощи. Нурин понял их и выполнил задание. Пока ждали ужин, Реми взяла с кофейного столика и показала снимки модных казашек в обуви без каблука, широких платьях и хиджабах, покрывающих волосы. Жестами попросила адрес магазина в Таразе. Еще показала рекламу детской мебели, одежды и оборудования и снова указала на адрес. Позже в тот же вечер, после ужина, она взяла блокнот и оттуда рисунки, сделанные Сэмом. Рисунки Сэма – инженера – были четкие, ясные, с обозначением размеров.

На первом рисунке рабочий у гайконарезного станка делал нарезку на концах труб для соединения. Сэм показал Нурину на металлические

трубы. На другом рисунке был изображен ящик с указанием размеров, а человек красил ящик в черный цвет. Нурин рассматривал рисунки. Тогда Реми показала на обе картинки и протянула Нурину несколько тысяч тенге. Шоферу было скучно сидеть в номере, дожидаясь их возвращения, и хотелось чем-нибудь заняться, он с удовольствием взялся выполнить задание. Им оставалось только надеяться, что Нурин купит все нужное и найдет подходящего механика.

Два дня спустя модно одетая казашка и ее муж в деловом костюме, сшитом казахским портным, шли по улицам города, толкая перед собой старомодную детскую коляску. В этот летний яркий день коляску накрыли шелковым пологом, защищающим ребенка от уличной пыли. Пара везла коляску по рынку, по дороге подходила ко всем столикам и корзинам. Пройдя по одному ряду между продавцами, они повернули и пошли обратно по другому, не пропуская ни одной части рынка.

Ребенок в коляске вел себя замечательно. Только однажды, когда мать сунула руку под шелк, чтобы поправить одеяло, он заплакал. Она снова протянула руку, погладила его, и через минуту он перестал плакать и заснул.

Переговаривались они очень тихо, по-французски или по-немецки. Обойдя весь рынок, двинулись дальше. Прошли несколько соседних кварталов и вернулись в отель «Жамбыл». Через непродолжительное время их шофер Нурин вышел с закрытой стоянки, сложил коляску и положил в багажник своей машины. Любопытствующий наблюдатель увидел бы, как жена несет в свой номер ноутбук, а муж – завернутое в детское одеяло гораздо менее известное устройство, так называемый магнитометр.

В номере Сэм и Реми с помощью компьютера перенесли все магнитометрические данные на магнитную карту центрального рынка Тараза. И отправили Сельме и Альбрехту в свой дом в Ла-Холье. Потом спустились в ресторан отеля пообедать.

В казахском питании большое предпочтение отдано мясу. Сэм и Реми отказались от конины, сосисок из конины, бараньих мозгов и *куырдака* – блюда из смеси внутренностей нескольких животных. Они заказали кебаб – куски мяса, которые показались им похожими на дичь, и *тандир нан,* особый хлеб. Обедом они остались очень довольны.

Едва зашли в номер, зазвонил новый телефон Реми.

– Алло?

– Привет, Реми, это Сельма. Вы оба там?

– Привет, Сельма. Да, Сэм со мной.

– Мне особенно понравился детский плач. Как вы это сделали?

– Нашла на «Ютубе» и переписала на диск. Когда стало нужно, сунула руку в коляску и проиграла, а потом выключила.

– Даю Альбрехта, он теряет терпение.

– Хорошо. Привет, Альбрехт!

– Привет, Реми. Привет, Сэм. Вы добились замечательного успеха. Нанесли на карту весь центральный рынок, вернее, то, что есть под ним. – Он рассмеялся. – Я вам раньше не говорил, но опасался, Аттила имеет в виду какое-то место вне города. В ранний период гунны в Азии выбирали уединенную долину и там хоронили своих покойников под курганами. В таком случае мы могли бы так и не найти могилу. Но, к счастью, здесь другое дело.

– Полагаете, большой прямоугольник в центре – это могила?

– Я заметил несколько заметных подземных особенностей: длинную стену, в одном месте сменяющуюся рядом камней, через них может переступить человек, очертания нескольких ранних зданий и большой прямоугольный каменный ящик. Я сравнил магнитный отпечаток с тем, что вы нашли на реке По в Италии и с нашей венгерской находкой в винограднике у Кишкунхалаша. Я также измерил могилы на Дунае и сравнил. Данных о могилах во Франции и Трансильвании у меня нет. Но эта имеет ту же форму и представляет собой такую же магнитную аномалию, то же нарушение магнитного поля, как и те, что мы обнаружили раньше. Как и там, здесь, очевидно, полое помещение, иначе отпечаток был бы значительно ярче.

– Вы измерили это место?

– Да. Оно в том районе, который вы исследовали. Во время вашего движения по третьему проходу слева направо. На четыреста семнадцатом метре этого прохода расположена первая стена могилы, примерно на семь футов ниже нынешней поверхности. На четыреста двадцать втором метре уже конец камеры.

– Для начала: вы уверены, что это погребальная камера? – спросила Реми.

– По этим данным нельзя сказать. Но это помещение находится ниже поверхности; такое впечатление – его закопали уже тогда. Это единственная структура, соответствующая гуннским захоронениям пятого века.

– Хотите о чем-нибудь спросить? – поинтересовалась Реми.

– Вам не встречались следы недавних раскопок? Потревоженной земли?

– Мы ничего такого не видели, – сказал Сэм. – И даже не знаем, ищут ли люди Полякова могилу Мундзука или просто охотятся на нас.

– Что вы предлагаете делать дальше?

– Прикидываем, – ответил Сэм. – Позвоним, если что-нибудь прояснится. Спокойной ночи!

Сэм и Реми прошли в номер Нурина и осмотрели изготовленный им большой деревянный ящик. Длина составляла примерно пять футов, нижняя часть крепилась на петлях. Ее удерживали штифты, вставленные в отверстия, но штифты можно было вытащить и сдвинуть эту часть.

Сэм объяснил – жестами и показывая на часы, – что просит Нурина в час тридцать ночи отвезти их с Реми на центральный рынок и помочь установить ящик. После ухода шофера он поставил электронное оборудование на зарядку, и они легли спать.

В час Фарго проснулись, оделись, зарядившиеся аккумуляторы поставили на место, взяли компьютер, дрель на батарейках, стальные сверла, фонарики, оптико-волоконное устройство и трубки, все это уложили в рюкзаки и пошли в номер к Нурину. Тот не спал, ждал их, а разобранный ящик уже лежал в машине. Нурин отвез их на рынок и помог отнести оборудование на определенное место.

Навесы лавок торговцы не опустили, но столы и корзины пустые. Магазины по краям рынка были закрыты, решетки перед ними заперты от грабителей. Кое-где на улицах города горели огни, но на рынке все тонуло во тьме.

Нурин, Сэм и Реми собрали ящик, потом Сэм похлопал Нурина по руке и показал в сторону машины; тот ушел.

После его ухода Сэм достал магнитометр, а Реми подключила к нему ноутбук. Они сделали несколько шагов вдоль прохода и обратно, чтобы точно отметить точки, где возникали и прекращались колебания магнитного поля. Ящик установили непосредственно над местом аномалии. Ящик выглядел точь-в-точь как один из прилавков. Потом Сэм снял секцию на петлях; Реми забралась туда, Сэм упаковал магнитометр в рюкзак, убрал остальное оборудование и присоединился к Реми.

В ящике было тесно, но все-таки можно делать необходимые движения. Сэм присоединил к четырехфутовой трубе сверло для проделывания отверстий в бревнах и балках, потом упер сверло в землю и начал сверлить. Земля под ногами состояла в основном из песчаной почвы, утоптанной множеством людей. Потребовалось совсем немного времени, чтобы углубиться на четыре фута. Когда сверло почти

полностью ушло в почву, Сэм разжал клинья, вынул сверло из земли, взял следующую трубу – Нурин заплатил механику за то, что тот приделал к ней винт, – и прикрепил к первой, присоединил к дрели удлиненный стержень и продолжил сверлить. Примерно на глубине шести футов сверло наткнулось на твердую поверхность.

Сэм вытащил сверло, осторожно снял удлиненную трубу, вставил в отверстие бороскоп на оптико-волоконной основе и спустил вниз. Изображение с бороскопа поступало на экран ноутбука Реми. На конце бороскопа располагались цветная видеокамера и яркий фонарь, так что изображение получалось четким и естественным. Настроив бороскоп и получив четкую картинку, Реми начала осторожно передвигать прибор и сказала:

– Надеюсь, нам везет. Ты прошел до самого прямоугольника и теперь либо прорвешь верхний каменный слой, либо пробьешься между двумя камнями. Следующий слой похож на дерево, у него зернистая структура. – Она повернулась к нему от экрана.

Сэм сказал:

– Мне тоже кажется, это древесина. Коры нет, возможно, это не бревна, а толстые доски.

– Вернемся к работе.

Сэм присоединил сверло, прикрепил оптико-волоконное устройство и продолжал сверлить. Древесина оказалась твердой и состояла из прочных зерен, но Сэм определенно мог подтвердить – сверлит не камень, а дерево. Он действовал осторожно: если бы сверло сломалось, другого не было. Примерно через десять минут сверло вдруг ушло вниз на несколько дюймов.

– Прошли дерево, – произнес Сэм. – Мы у цели. – Он извлек сверло, стержни и отложил их.

Они с Реми ввели оптико-волоконную установку в новое отверстие, и Реми продолжала наблюдать за изображением на экране. Когда камера и фонарь достигли того места, где сверло внезапно ушло вниз, пространство раскрылось и картина на экране изменилась.

Поворачивая камеру, они отчетливо видели внутренность прямоугольного помещения.

– Это могила, – констатировала Реми. – Я записываю изображение.

Сэм повернулся в узком пространстве ящика, чтобы присоединиться к ней перед экраном компьютера. Они видели тело, вернее скелет, лежащий в конце помещения, в роскошном красном одеянии с

капюшоном, в высоких сапогах; головного убора такого типа они раньше никогда не видели. Похожий на шлем, по крайней мере два фута высотой, в форме узкого конуса, с богатым украшением из золота, которое на один-два дюйма выступало над лбом. На поясе – прямой меч в ножнах и кинжал вдвое короче. Плащ удерживали золотые застежки, снаружи на нем было нашито множество золотых пуговиц. В камере оказалось много оружия, среди прочего круглый щит с серебристой поверхностью под тонким слоем золота, луки и колчан, полный стрел. Они видели драгоценные украшения из нефрита и золота, резные шкатулки из слоновой кости, седла и упряжь, украшенные золотом.

Она поворачивала оптический прибор, меняла размеры и яркость компьютерного изображения, хотела найти важнейшую часть – послание Аттилы. Через двадцать минут записи, осмотрев все в захоронении, Реми прошептала:

– Не вижу, где могла бы сохраниться надпись. А ты?

– Нет. Попробую кое-что еще. – Сэм извлек из земли жесткую конструкцию и принялся возиться с ней. Убрал металлические трубы, где находилось волокно, и снял удлинение. В его руках осталось длинное черное изолированное оптическое волокно. На одном его конце находились камера и источник света. Медленно, осторожно Сэм вставлял волокно в просверленное отверстие. Много раз ему приходилось извлекать его на дюйм или два, чтобы выпрямить или изогнуть и обойти препятствие. Наконец – прошло много минут – волокно достигло дальнего отверстия и чуть повернулось, на экране появились стены погребальной камеры. – Подожди. Я что-то вижу.

– Вон, – сказала Реми. – Вон там. – Она взяла волокно и начала поворачивать, чтобы нацелить камеру, проявились глубокие царапины на стене. *Ego Attila filius Munzuci*. Надпись продолжалась, Реми старательно снимала ее, чтобы ничего не упустить, потом отправила изображение Сельме, скопировала на диск, извлекла его из ноута и положила в глубокий брючный карман Сэма. Они начали разбирать оборудование и укладывать в рюкзаки. А когда принялись снимать нижнюю часть ящика, Сэм замер и прошептал:

– Погоди! Я что-то слышу. Шаги.

Реми закрыла компьютер, выключила фонарь на волокне и вытащила его из отверстия. Сэм спрятал его в рюкзак вместе со сверлом и камерой, а Реми тем временем укладывала компьютер в другой рюкзак.

Они прислушались. Реми прижалась головой к земле и заглянула в узкую щель.

– Это люди. Пять… нет, шесть человек. Идут прямо сюда.

Шаги звучали все громче, веселые человеческие голоса тоже. Слышался смех. Звякнула пустая бутылка, брошенная в стальной барабан, его использовали как мусорную урну. Сэм и Реми не шевелились и едва дышали.

Ноги прошли мимо так близко, что Реми могла отличить шаги какого-либо человека от остальных. У одного как будто камешек попал в обувь, потому что каждый его шаг сопровождали звуки «шрр-туп», «шрр-туп» – он старался вытряхнуть камень.

Затем послышался скрип – человек сел на их ящик, снял ботинок, потряс, камешек выпал. Человек надел ботинок, зашуршали шнурки, потом он бросился догонять товарищей.

Реми выдохнула и прислонилась к Сэму. Несколько минут они сидели неподвижно, потом она снова выглянула и улыбнулась:

– Никого.

Они открыли часть ящика на петлях, выбрались, надели рюкзаки, разобрали ящик. Сэм снял с оптико-волоконного устройства колпачок, несколько раз вдавил его в просверленное отверстие, засыпал землей и притоптал.

Сэм и Реми пошли к краю рынка, неся части разобранного ящика. И сразу услышали шум автомобильного мотора. Они прижались к стене и стояли в тени, дожидаясь, пока машина проедет. Но она остановилась, шофер выключил фары. Из машины вышел Нурин и открыл багажник. Они сложили туда части ящика и рюкзаки, потом сели в машину. Нурин быстро отвез их к отелю «Жамбыл».

Сэм достал телефон и позвонил Сельме.

– Сэм? – спросила она.

– Да, – ответил он. – У вас там около пяти вечера, верно?

– Верно. И пять утра у вас.

– Реми только что отправила вам видео – могила внутри. Там есть послание.

– Мы его получили, и это невероятно. Здесь Альбрехт, передаю ему трубку.

– Сэм, знает ли другая сторона, где могила?

– Нет. Когда мы их видели, они как будто чего-то ждали, а не искали с археологическим оборудованием. Просто сидели за столиком в уличном кафе.

– Тогда умоляю вас, не пытайтесь ничего раскапывать. Сейчас вскрывать могилу Мундзука не обязательно, да вас при этом легко могут убить. Как только вы уедете, я пошлю письмо с магнитной картой и точным расположением могилы в Таразский университет и национальному правительству в Астане. Страна невероятно гордится своим прошлым, у них больше прав на найденную вами могилу, чем у нас.

– Куда мы уедем? К вам?

– В Рим, Сэм. В Рим!

– Что?

– Ах да! Вы не читали послания. В нем говорится: «Я Аттила, сын Мундзука. Мой отец мертв, и меня отправляют к римлянам, чтобы укрепить мир. Когда-нибудь я завоюю Рим. Здесь вы нашли моего отца, но меня похоронят в Риме, гостем дочери императора Флавия».

– Это вам что-нибудь говорит о месте?

– Я точно знаю, где это, – поведал Альбрехт. – Я там был.

Вмешалась Сельма:

– Сэм, я уже наняла чартерный самолет. Сегодня в полдень он будет ждать вас в аэропорту Тараза. Ужасно дорого, но он доставит вас в Рим. Там мы будем ждать вас, в отеле «Сент-Реджис Гранд».

– Постараемся втиснуть это в наш напряженный график, – засмеялась Реми. – До свидания, Сельма. До встречи!

Нурин остановился у входа в отель, выпустил их и увел машину на стоянку за зданием. Сэм и Реми отправились в свой номер, вошли и остановились на пороге.

Комнату тщательно обыскали. Пружинные матрацы прислонили к стене, все ящики из шкафов извлечены и сложены двумя аккуратными штабелями, все стулья перевернуты, словно кто-то заглядывал под них. Все подушки взрезаны. Аккуратно лежавшие в ванной полотенца висели сейчас на занавеске душа. Бухарский ковер свернут.

Реми возмутилась:

– Выражение «комнату обыскали» тут не подходит. Это же взлом!

– Профессиональная работа. Все проделали бесшумно, так что ни сотрудники отеля, ни постояльцы ничего не услышали.

– Что делать?

– Нурин! – ахнул Сэм и бросился к двери.

– О нет!

– Захвати ноут, а все остальное оставь.

Они закрыли дверь и поспешили к Нурину, постучали, но ответа не получили, тогда быстро выбежали из отеля и обогнули здание. Нурин стоял спиной к своей машине, а с ним двое из поместья Полякова. Один держал его на мушке пистолета, другой бил. Нурин пригнулся, но ничего не мог сделать, только закрывал руками жизненно важные органы.

Сэм и Реми подходили все ближе, из-за стонов Нурина противники не слышали их шаги. Дома Фарго годами тренировались, проигрывая все неприятные ситуации, какие только могли себе представить. И знали: опасаться следует только человека с пистолетом, поэтому нападать на него нужно одновременно.

Вот они подкрались достаточно близко, Реми с ноутбуком в руках пробежала два шага и прыгнула так, что его острый край пришелся в голову стрелка, вернее, в правую бровь, когда тот полуобернулся. Выбранная Реми траектория дальше повела компьютер вниз; он сломал человеку нос и на мгновение лишил его обзора.

Человек попятился, и в это время Сэм нанес ему мощный удар по корпусу, у того хрустнули ребра, потом Сэм схватил его за запястье и развернул, заломил руку за спину, ударил о машину и одновременно отобрал пистолет.

Тот, кто бил Нурина, поднял руки и подался в сторону, но Нурин ногами оттолкнул его от машины и, как футбольный полузащитник, боднул в солнечное сплетение, отбросив к стене. Определить, серьезно ли этот человек ранен, было невозможно, но он распластался на асфальте, держался за грудь и хватал ртом воздух. Нурин ногой ударил его в лицо.

Сэм быстро повернулся и оттолкнул Нурина, отрицательно качая головой.

– Нет, Нурин, пожалуйста. Не надо никого убивать.

Увещательный тон Сэма остановил Нурина и как будто вернул ему обычное спокойствие. Он кивнул и прислонился к машине, трогая рукой рот и разглядывая кровь на руке.

Сэм показал на двоих «поляковцев» и вытянул руки, как будто у него связаны запястья. Нурин открыл багажник и достал нейлоновый шнур. Сэм связал «поляковцев», затолкал им в рот тряпки и привязал проволокой. Потом открыл дверь машины со стороны шофера и подтолкнул Нурина.

– Нам пора уезжать. Пожалуйста, вывези нас, – и сделал вид, что сидит за рулем.

Нурин сел, включил мотор и посмотрел на Сэма и Реми, изрядно ошеломленный избиением и не уверенный, что правильно понял Сэма. Он выехал со стоянки, и Реми открыла ноутбук.

– Поразительно, какие они прочные, – говорила она, набирая в поисковике Интернета слово *аэропорт*. Появилась большая цветная фотография аэропорта, похожего на Хитроу, с несколькими самолетами у терминала. Она коснулась плеча Нурина и показала ему изображение.

После этого он быстро и уверенно повел машину к аэропорту Тараз на юго-западной окраине города. Почти все машины шли навстречу – везли в начале трудового дня рабочих, продавцов и фермеров в город.

Реми продолжала печатать, вызвала карту южного Казахстана, потом отметила дорогу от Тараза до Алма-Аты. Когда Нурин подъехал к аэропорту, Реми показала ему карту, ткнула пальцем в Нурина, потом в карту и сказала:

– Поезжай домой в Алма-Ату, Нурин, – потом показала на себя, на Сэма и на терминал аэропорта и сообщила: – Мы улетаем, – и жестом показала взлет самолета.

Сэм достал из кошелька и карманов все тенге и почти все американские доллары, протянул Нурину и похлопал его по плечу.

– Спасибо, Нурин! Ты храбрый человек. Теперь отправляйся домой в Алма-Ату, пока кто-нибудь не нашел тех двух русских. – Он показал на экран компьютера и провел пальцем от Тараза до Алма-Аты.

Они с Реми вышли из машины, помахали Нурину и прошли в терминал. Сэм направился к стойке, а Реми остановилась и выглянула. Нурин отъезжал от терминала. Когда он выехал на шоссе, она увидела, что он надел солнцезащитные очки и повернул на восток, к Алма-Ате.

Утром Сергей Поляков вышел из самолета в аэропорту Тараза. Теперь, разбогатев и дожив до средних лет, он не любил покидать Нижний Новгород. Он предпочел бы полететь с Ириной в Париж или в Барселону, но ему потребовалось полтора дня, чтобы добраться до этого города. Перед отъездом из дома он знал только – Сэма и Реми Фарго заметили в Таразе. Он не мог поверить, что они просто продолжают охоту за сокровищами гуннов, как будто с ними не случилось ничего серьезного.

Поляков знал: Фарго часто получают помощь и поддержку от многочисленных друзей и представителей власти. Но явиться сюда –

просто безумие. Только что, спасая свою жену, Фарго сжег дом Полякова. Неужели он никогда не слышал о мести?

Полиция копалась в золе и дымящихся развалинах его дома и в результате пришла к выводу: вещество, хранившееся в подвале, ей раньше не встречалось, не знала, что это такое. Поляков надеялся, что им не хватит терпения провести тщательный анализ найденного. Он родился в России и не сомневался – «неизвестное химическое вещество» в отчете полиции в любой день способно превратиться во что угодно, даже в нечто гораздо хуже правды. Поэтому нельзя оставлять это вещество загадочным. В своих показаниях он сообщил: это вещество – остатки разных химических соединений, ведь в его лаборатории ведутся работы по созданию новых, спасающих жизнь лекарств.

Двух скаковых лошадей, принадлежащих его дочерям, нашли в семнадцати милях от дома невредимыми, так что тут обошлось без неприятностей. Но он ненавидит эту супружескую пару, источник всех его бед; они словно совсем не боятся снова оказаться в его руках. Зря не боятся! Четверо его людей несколько дней наблюдали за ними. И еще он нанял бригаду нефтяников; они искали в холмах могилу отца Аттилы.

Придя за багажом, он увидел – его ждут двое. Один из них, светловолосый, участвовал в похищении Реми Фарго. Это было последнее, что он, по мнению Полякова, сделал хорошо.

– Ну как дела? – спросил Поляков.

– Они были здесь, – сказал светловолосый.

– Были? Где они сейчас?

– Улетели два часа назад.

– Куда?

– Они представили полетный план до Одессы.

– До Одессы? – переспросил Поляков. – Одесса им не нужна. Там они останавливаются для заправки. – Он посмотрел на терминал. Необходимо выведать план их действий после Одессы.

– Вот! – показал светловолосый. – Даниил и Лев. Они в отеле обыскивали их номер. Наверно, что-нибудь узнали.

Поляков увидел, как из такси вышли и торопливо направились к нему еще двое, у одного лицо было в синяках, второй еле шел. Полякову не понадобилось спрашивать у них о случившемся. Он и так это видел.

Какое облегчение оказаться в воздухе! Сэм и Реми откинули спинки больших кресел, похожих на диваны, подняли ноги и с удовольствием задремали. Когда частный самолет приземлился в Одессе, Сэм посмотрел в окно, как наземная команда поставила на тормозные колодки, присоединила шланги и начала заправку. Сэм набрал номер Тибора Лазара в Венгрии. После первого же гудка раздался голос Тибора:

– Сэм?

– Да.

– Как поиски?

– Все сделано. Давайте остановимся на этом. Помните то утро, когда мы в вашей машине ехали в Будапешт и договорились быть партнерами в этом проекте?

– Конечно.

– Нам снова пора встретиться. Мы прочли пятую надпись, – сообщил Сэм. – И собираемся найти и вскрыть могилу Аттилы.

– Ого! – радостно закричал Тибор, такое своеобразное поздравление.

– Прилетайте в Рим, – сказал Сэм. – В отеле «Сент-Реджис Гранд» вас будет ждать номер. Можете взять с собой Яноша или кого хотите. Только убедитесь, что люди Бако за вами не следят и никто не знает о вашем отъезде.

– Я возьму Яноша, но остальных надо оставить в Венгрии, чтобы нам было известно о действиях людей Бако.

– Хорошо. Прилетайте, как только сможете.

– Выедем сегодня вечером. Я не пропустил бы это, даже если бы пришлось добираться до Рима пешком.

Сэм повесил трубку и улыбнулся:

– Он полон энтузиазма.

– Без этого энтузиазма были бы мертвы Альбрехт, ты и я.

– Это правда, – согласился Сэм и стал смотреть, как отсоединяют шланги подачи горючего. – Похоже, мы почти в состоянии направиться к последнему пункту назначения.

– Я уже готова, – сказала Реми. – Хочу вид на Рим, хороший отель, ванну и платье, которое покажет, как мало я ела в последнее время. И хотя бы одну ночь не копать ямы, а проспать в постели.

– Все это в пределах досягаемости. Последняя раскопка – и дело сделано!

Глава 28

Над Римом

Самолет Сэма и Реми сел не в международном аэропорту Леонардо да Винчи, огромном терминале, через который проходит за год сорок миллионов пассажиров. Они прибыли в аэропорт Чампино в пятнадцати милях к юго-востоку от Рима. Багажа, кроме ноутбука, у них не было, поэтому таможню прошли быстро.

Гораздо больше времени потребовалось, чтобы в густом потоке машин добраться по улицам Рима до отеля «Сент-Реджис Гранд». Отель оказался простым и элегантным снаружи, но роскошным внутри, с нарядными вестибюлями, украшенными живыми цветами. На стойке их ждало сообщение от профессора Альбрехта: он приглашал их в номер на десятом этаже. Реми сказала:

– Я куплю себе кое-что из одежды, приму ванну и только тогда выйду на люди. – Она посмотрела на Сэма.

Тот ничего не ответил.

– Тебе тоже нужна одежда, – добавила она. – Ты выглядишь так, словно выкапывал кости, как пес.

– Благородное животное, занятое благородным делом… но я, пожалуй, присоединюсь к тебе.

Они зарегистрировались и попросили портье вызвать им такси, чтобы съездить в магазин и купить готовое платье высшего качества. Оба купили повседневную одежду; кроме того, Сэм приобрел костюм, а Реми – платье для коктейля, туфли и сумочку. На такси они вернулись в отель и на час уединились в своем номере, после чего пошли и постучали в дверь Альбрехта.

Дверь распахнулась, им показалось: здесь в разгаре пирушка. Альбрехт и Сельма несли подносы с закуской. Пит Джеффкоут и его девушка Венди Корден были за барменов. Тибор Лазар и его брат Янош сидели на диване. Большой стол уже накрыли для ужина.

– Сэм! Реми! – воскликнул Альбрехт, словно возвещая об их прибытии. – Добро пожаловать в наше скромное жилище!

Все встали, окружили их и сунули им в руки бокалы с вином. Реми прошептала Сэму на ухо:

– Это как сон.

– Сон и есть, – ответил он.

Все сели за большой стол.

– Простите за опоздание, – начал Сэм. – Мы приехали в таком виде, словно побывали в драке.

– Нам не терпится поговорить о захоронении, – объяснила Сельма. – Альбрехт хотел дождаться вас.

– Хорошо, – кивнул Сэм. – Начинайте.

Альбрехт встал и заговорил:

– Ну-с, я считаю, мы найдем камеру с останками Аттилы. Его послание нам – людям, которые найдут все пять кладов, – очень ясно. Он хотел, чтобы его похоронили как гостя дочери императора из династии Флавиев.

– Что за Флавии? – спросил Сэм.

– Веспасиан, Тит и Домициан, отец и два сына, они правили Римом с 69 по 96 год нашей эры, возвели Колизей. Веспасиан командовал восточной армией; он захватил трон, явившись в Рим во главе своей армии. Он располагал армией, поэтому никто не спорил с ним. Тит и Домициан стали его наследниками.

– А почему Аттила думал о них?

– Не знаю. Это были сильные императоры, правили Римом во время его расцвета. Они первые попытались превратить Дакию на Дунае в свою колонию, недалеко от территории гуннов. Но это произошло только после смерти Флавиев.

– Кажется, недостаточно такого обстоятельства.

– Связи бывают малозаметны. Как все здесь знают, римлянина, сражавшегося с Аттилой у Шалона во Франции, звали Флавий Аэций. Он не был римским аристократом, а родился в той области, которая сейчас называется Болгарией. Молодым человеком он отправился заложником к гуннам, ко двору дяди Аттилы, Руги. Он и Аттила подружились. Это имя может отчасти объяснить интерес Аттилы. Может, для него оно обозначало правящий класс Рима.

– Вы говорили, Аттила тоже был заложником, – напомнила Реми.

– Да. В 418 году царь Руга отправил двенадцатилетнего Аттилу заложником в Рим. Там Аттила увидел огромное богатство наряду с всеобщей продажностью и многочисленными заговорами. Рим казался ему главной целью завоевания. Он также наблюдал, изучал тактику и

стратегию римской армии, лучшей армии того времени; он узнал ее сильные стороны, методы действий и слабости. И поскольку происходил из воинственного народа, то интересовался этим в первую очередь.

– И это объясняет его желание быть похороненным в Риме?

– Он понял: Рим – величайшая империя своего времени, и он может ею завладеть, хотел завоевать ее. Погребение являлось вторичным символом его победы.

– Вы сказали – точно знаете, где в Риме он хотел быть погребенным.

– Тут главное обстоятельство таково: никто из первых римских императоров не был погребен. Обычай требовал их кремации. Если Аттила хотел быть похороненным, как его отец, дядя, брат, вообще как было принято у гуннов, его выбор был ограничен. Вся римская история говорила: незаконно хоронить тело за городской чертой.

– Так что же случилось? – поинтересовался Тибор.

– Катакомбы. Первые христиане верили в воскрешение и хотели, чтобы их погребали, как гуннов. Они начали копать туннели на границе города и хоронить там людей. Первыми стали катакомбы Домициллы. Она являлась «дочерью Флавиев» – племянницей Веспасиана и двоюродной сестрой Тита и Домициана. Земля принадлежала ей. Как и сорок последующих катакомб, эту первую вырыли вдоль одной из главных дорог.

– Сколько нужно времени, чтобы найти катакомбы Домициллы? – спросил Тибор.

– Немного, – ответил Альбрехт. – Их адрес – улица Семи Церквей, 282. Это к западу от Виа Адреатина и Аппиевой дороги.

– Так просто? И так доступно?

– Не совсем, – возразил Альбрехт. – С Аттилой ничего не бывает просто. В катакомбах Домициллы погребены сто пятьдесят тысяч человек. Это пятнадцать километров подземных туннелей на четырех уровнях. Каждый туннель – примерно два метра шириной и два высотой, с полками или углублениями в виде платформ, на них укладывали тела покойников. Есть ответвления и комнаты, а в них еще полки, вырубленные в камне. Камень называется туф, это мягкая вулканическая порода, на воздухе она затвердевает. Так было под всем Римом. Если нужно кого-то похоронить, находишь свободное место или прокапываешь туннель дальше, потом делаешь углубление в стене и кладешь в него покойника. Далее полагается закрыть нишу каменной плитой. А на плите вырезать имя покойного, его возраст и дату смерти.

– Но почему Аттила выбрал катакомбы? – спросила Реми. – И откуда он вообще об этом знал?

Альбрехт ответил:

– Полагаю, разъяснения займут весь остаток моей работы ученого. Рим был самым знаменитым городом мира. Люди говорили о нем. Аттила, вероятно, восхищался Флавиями: двух из них историки включают в пятерку великих императоров. Многие из рода Флавиев погребены в старейшей части катакомб. Аттила также знал – осквернение и разграбление царских могил требует очень больших хлопот. Мы знаем, что он очень подробно объяснил, как спрятать его могилу. Известно, Аттила был чрезвычайно коварен и хитер. Он не сомневался: Рим полон людей из самых разных стран Европы и полагал, что небольшой погребальный отряд гуннов будет выглядеть достаточно невинно, чтобы войти в катакомбы за границами города. И спрячет его могилу среди могил ста пятидесяти покойников, в основном христиан-бедняков, они не могли позволить себе погребальные дары. Именно так мог рассуждать Аттила. И конечно, у нас теперь есть его свидетельство – так он и поступил.

– Слово двенадцатилетнего мальчика?

– Среди точных сведений об Аттиле есть следующее: те, кто его недооценивал, обычно умирали. Есть еще одна причина доверять словам юного Аттилы.

– Какая?

– В том году заложником избрали Аттилу, а не его брата Бледу и никого другого. Для Руги это был лучший шанс ввести своего шпиона в самый важный двор на земле. А для Рима это была возможность установить отношения с юношей, который, как они считали, когда-нибудь станет вождем гуннов. Обе стороны договорились, кто будет этим человеком – двенадцатилетний Аттила.

– Хорошо, – отозвался Сэм. – Мы знаем, где могила, и все партнеры на местах. Давайте решим, как добиться желаемого.

– Я бы хотела, чтобы в финале присутствовали все, – сказала Реми. – Даже если мы опоздали на пятнадцать столетий и могила разграблена, то будем следовать его указаниям до конца.

– Реми права, упоминая возможный исход, – сказал Альбрехт. – Но катакомбы Домициллы затронуты меньше других.

– Каковы юридические положения? – спросил Сэм.

Сельма ответила:

– Мы интересовались этим. В девятом веке жители Рима забросили катакомбы Домициллы, а потом забыли об их существовании. В 1873 году их открыли заново. Поскольку в большей части ранних катакомб хоронили христиан, их отдали в ведение Католической церкви. В 2007 году Папа Римский основал «Несущих божественное слово», организацию священников и монахов, в чье управление были отданы катакомбы. В настоящее время для публики открыты около тысячи шестисот метров, но допускаются исторические исследования, фотографирование и картографирование. Это самые старые и большие катакомбы, в них хранятся древние останки. Мы позвонили капитану Боярди из отдела защиты культурного наследия. Он согласился не только предоставить охрану, но и поговорить с распространителями божественного слова. Он рассказал им о том, как вы обратились к властям после раскопок в Мантуе.

– Замечательно, – обрадовалась Реми. – Желательно, чтобы он оказался на нашей стороне.

– Он недавно звонил, спрашивал о вас и Сэме. Я сказала, что работаю на вас, и он просил передать, что приедет сюда, как только сможет. Он получил разрешение в Министерстве культуры на объединенный исследовательский проект. На все, что датируется периодом между девятым столетием до нашей эры и четвертым столетием нашей эры, нужно получать специальную лицензию для возможного вывоза в США. Что касается других находок, их судьба определится договоренностью на месте.

– Очень щедрые условия, – удивился Сэм.

– Хорошо иметь официальную поддержку, – заметил Альбрехт. – Поход в катакомбы похож на экспедицию в пещеры. Пол там твердый, гладкий и относительно сухой и ровный. Но туда не пускают публику, все почти так же, как было в 300 году до нашей эры. Электричества не будет. Покойников с полок и из склепов не убирали. Это пятнадцатикилометровая археологическая площадка. Мы используем то, что берем с собой, а уходя, ничего не оставляем, картографируем и фотографируем, нам следует набраться терпения, ведь могила каким-то образом спрятана. Мы ищем одно из величайших сокровищ Древнего мира. Аттила начал задумываться о собственном захоронении с двенадцати лет и не переставал до самой смерти. Можно предположить: найти могилу будет нелегко.

– Конечно, нужно заранее определить наши действия, – сказал Сэм. – Предлагаю до спуска всем обдумать свои возможности. Если вы не сможете пройти десять миль по каменной поверхности с рюкзаком, то вам следует помнить: дорога туда и обратно – это двадцать миль. Если вы боитесь замкнутых пространств, то лучше понять это сейчас. Все

присутствующие в этой комнате заслужили право спуститься. Но кто-то должен остаться на поверхности – наблюдать за машинами, принимать принесенное, вести переговоры с властями и так далее.

Все молча смотрели друг на друга, никто не говорил ни слова. Наконец Сельма произнесла:

– От меня будет больше пользы наверху.

– Я пойду вниз, – решил Тибор.

– Я тоже, – подхватил Янош.

– Полагаю, я тоже должен идти вниз, – сказал Альбрехт. – Ведь я знаю, что искать.

– Я вниз, – проговорил Сэм.

– Я тоже, – подтвердила Реми.

– Я остаюсь с Сельмой, – заявила Венди.

– Спасибо, – сказала Сельма. – Я уже начала опасаться – мне придется остаться в одиночестве.

– И я останусь наверху, – вымолвил Пит.

– Если я верно сужу о Боярди, – пояснил Сэм, – он оставит наверху несколько карабинеров. Если мы найдем клад, лучше, чтобы его охраняла полиция. Теперь подумаем, какое оборудование возьмем с собой. Идут, вероятно, Тибор, Янош, Реми, Альбрехт и я. Думаю, с Боярди и двумя карабинерами будет всего восемь человек. У каждого должна быть тележка на больших колесах с толстыми шинами, как у маленького велосипеда. Тогда никому не придется нести тяжеленный рюкзак, а если отыщем могилу, то при первом же выходе начнем поднимать находки.

– Если не найдем такие тележки, я их закажу, – предложила Сельма.

– Когда, по-вашему, мы будем готовы? – спросила ее Реми.

Сельма ответила:

– Сегодня вторник. Катакомбы закрыты для посетителей в четверг. Если к тому времени удастся завершить переговоры с администрацией, тогда и начнем.

В дверь постучали: несколько официантов с тележками привезли ужин. Все сели за стол и за едой продолжали строить планы. Сельма заказала множество разных блюд и вина к ним. Тут были морепродукты, говядина, баранина, цыплята, паста и несколько разных салатов. Через

десять минут после начала пиршества в дверь постучали. Сэм пошел открывать.

В дверях появился капитан Боярди – не в черном мундире, а в темном гражданском костюме. Сэм воскликнул:

– Капитан, я рад вашему быстрому приходу!

– Если вы продолжите спасать жизнь полицейским, я уверен, вам всегда будут помогать быстро. – Он сердечно обнял Сэма и похлопал по спине. – И я рад новой встрече, Сэм. – Он поцеловал Реми руку. – Реми, какая радость снова вас увидеть! Вы услаждаете мой глаз после долгой поездки.

– Прошу, капитан, принять участие в нашем празднике, – пригласила Реми. – С вами есть ваши люди? Они тоже могут присоединиться к нам.

– Нет, – ответил он. – Помните, в прошлый раз у нас были неприятности, потому что за нами следили прямо от Неаполя. Теперь мы разделились и договорились о пунктах назначения. Себе я выбрал самое приятное.

– Спасибо, – сказал Сэм. – Позвольте предложить вам выпить и закусить. Если у нас нет того, что вам нравится, заказывайте. В конце концов, мы ведь в отеле.

– Я выпил бы чего-нибудь безалкогольного, – выразил желание капитан. – Или воды. У меня вечером встреча.

Сэм налил ему имбирного эля, и они сели за стол. Боярди начал говорить о деле:

– Министерство культуры одобрило наш проект совместных исследований катакомб. Нам дали разрешение на раскопки, обязались получить согласие миссионеров и придали мой взвод в помощь. Когда начнем?

– Мы хотели бы начать в четверг, когда катакомбы закрыты для посетителей.

– Отлично, – отозвался капитан. – Моим людям не придется тратить время на охрану от толпы.

– Как вам удалось так быстро получить ответ из министерства?

– Вы добровольно передали министерству первый клад, из Мантуи, и проявили ответственность и законопослушность. Вы сражались с преступниками и спасли жизнь карабинерам, доказав, что вы подлинный друг государства, исторической науки и мой, Серджо Боярди.

– Я рад всему этому, – сказал Сэм. – Мы намерены просить министерство принять и все наши новые находки.

– Отлично, – улыбнулся капитан. – Мы сможем немедленно перевезти их в Исторический музей Неаполя.

– Пойдете с нами в катакомбы?

– Да. Я и двое моих людей присоединимся к вам. У входа останутся еще три моих человека с грузовиком и прямой радиосвязью с римской полицией и «Скорой помощью».

– Спасибо, – поблагодарил Сэм. – В какое время, по-вашему, нужно начать?

– Лучше всего в четыре утра. В день убийства Цезаря проехать по Риму невозможно, – ответил Боярди. – Придется ждать, пока движение уменьшится.

Глава 29

Под Римом

В четыре часа утра участники экспедиции собрались в катакомбах Домициллы на улице Семи Церквей у дома 282. Было еще темно, но представитель «распространителей божественного слова» брат Паоло уже ждал на месте. Он был в коричневой монашеской сутане, но, глядя ему в лицо, вы видели скорее делового человека в очках, а не монаха. Носки и туфли тоже имели офисный вид. В целом создавалось впечатление: человек в офис на работу собирался.

Вслед за ним по узким ступеням лестницы все прошли к дверям церкви четвертого столетия. Над поверхностью земли виднелись только крыша и ряд окон. Внутри храм казался очень древним. Там было пусто, он давно стал скорее реликтом прошлого, чем местом для молитвы. Группа несла с собой оборудование. Брат Паоло показал им три узких прохода и потом дверь в катакомбы.

Исследователям понадобилось полчаса, чтобы по трем пролетам каменных ступеней спустить тележки на уровень, с которого они начнут поиски, а потом загрузить их оборудованием и припасами, принесенными в рюкзаках. За дни подготовки все постепенно свелось к самому необходимому: освещение, фотоаппаратура, инструменты, вода и еда. Теперь каждый исследователь специальной лентой приклеил ко лбу фонарь.

Проходя по первому туннелю, они увидели пустые полки, несколько римских фресок над камнями или кирпичом, помещения, устроенные как склепы. Попадались расписанные склепы и помещения, но чаще

всего места погребения были лишены украшений – голый камень. Начали попадаться все больше занятые места. Теперь ниши с останками закрывали огромные камни. Альбрехт приступил к лекции:

– В этой части можно немного расслабиться. Здесь могилы периода от 550 до 600 года нашей эры; Аттила умер много раньше. Его тело не может находиться в туннеле, который в год его смерти еще не был прорыт. Нас интересуют могилы, выкопанные до 453 года. Вы можете заметить – ни на одном из камней, закрывающих могилы, нет ни дат, ни номеров. В то время римляне пользовались юлианским календарем, он начинается с 45 года до нашей эры. Годы не нумеровались, а получали имена двух консулов, принимавших свой пост первого января. В год смерти Аттилы консулами были Флавий Опилион и Иоанн Винкомал. Запомните эти имена. Аттила умер в своей крепости на реке Тисе, значит, было начало года, когда слишком рано отправляться на войну. То есть он умер, вероятно, в январе, феврале или марте.

Реми спросила:

– Его имя будет обозначено?

– Скорее всего нет, разве что каким-то образом замаскированное. Он был умен и хитер. Не хотел, чтобы римляне нашли его могилу. Но, полагаю, хотел, чтобы когда-нибудь ее нашли.

– Конечно, ведь он оставил столько указаний!

– Он заставил нас идти вспять, от последнего клада к самому первому. Не исключено, он хотел, чтобы сокровища нашел кто-нибудь из гуннов – и использовал для совершения чего-нибудь значительного, но прежде необходимо завоевать мир. Может, он надеялся – могилу найдут его потомки. Все трое его сыновей не были способны править миром, и он, конечно, это понимал.

– Теперь, когда мы здесь, у меня такое чувство, будто мы что-то упустили, какой-то способ отличить его могилу от других, – задумчиво произнесла Реми.

– Найти могилу – часть задачи. Нам придется использовать то, что найдем – дату и возраст, – и посмотреть, есть ли там еще что-то. Катакомбы использовались между вторым и седьмым столетиями. Значит, искать надо среди ранних могил. И думаю, там будет нечто такое, чего посторонний не распознает – возможно, лингвистический сигнал, что-нибудь не на латыни.

– Надеюсь, это не слишком трудно для нас, не гуннов.

– Я верю в это. Только подумайте, через что довелось пройти вам с Сэмом. Так Аттила знакомил вас с собой, заставлял отыскивать места,

где изменилась его жизнь. От последних дней, когда он находился в зените власти и женился на прекрасной готской принцессе Ильдико в своей крепости на венгерской равнине, окруженной сотнями тысяч фанатичных последователей, он указывал вам путь назад, к самым первым дням своего жизненного пути. Теперь мы знаем – начало не было триумфальным. Это тот миг, когда, стоя над могилой отца, готовый отправиться на чужбину заложником, двенадцатилетний мальчик поклялся завоевать мир и быть погребенным в его столице.

– Но ведь он не завоевал Рим.

– Он добился такой возможности, но предпочел сохранить свою огромную армию на будущее.

– И умер раньше, чем смог вернуться.

– Верно, – подтвердил Альбрехт. – Его смерть для всех стала полной неожиданностью. На протяжении всего длительного периода, когда он прятал награбленное и оставлял послания, у него, полагаю, не было ни малейшего сомнения в том, что он возьмет Рим и провозгласит себя императором. Когда в 452 году на реке По он повернул обратно, то знал: никто не в силах его остановить. Флавий Аэций когда-то помешал Аттиле распространить свое царство до атлантического побережья, но в тот момент уже не имел армии, способной гуннам противостоять. Номинальная победа Аэция у Шалон-ан-Шампани вообще оказалась последней победой армии Западной Римской империи где бы то ни было, и, мне кажется, Аттила был достаточно проницателен, чтобы понять это. Думаю, в 453 году, в конце весны или в начале лета, когда начинаются войны, он вернулся бы и напал на Рим. Но умер.

Исследователи шли по темным катакомбам, источниками света являлись только их налобные фонари; иногда кто-нибудь освещал надпись или фотографировал со вспышкой. Шедший последним Сэм сказал:

– Читайте надписи на всех закрывающих могилы камнях, какие увидите. И фотографируйте, чтобы потом записать маршрут.

Они проходили галерею за галереей. В одной точке Тибор и Янош ушли в боковой коридор, потом вернулись, и группа двинулась дальше.

Сэм остановился и прошептал:

– Слышите?

Тибор сказал:

– Похоже на шаги в темноте где-то за нами. Слышите?

– Неужели наши противники спустились сюда и захватили одно из ранних погребений? – спросила Реми.

– Совершенно верно, – согласился Альбрехт. – Вероятно, они нашли туннель или даже район катакомб, достаточно старый, чтобы сюда больше никто не ходил, отодвинули камень и убрали из склепа человеческие останки. А потом поступили так, как поступали некоторые римские семьи, – выдолбили камень дальше и устроили небольшое помещение. Они пробили очень узкий ход в могилу, который ничем не отличался бы от тысяч окружающих. Но если клад похож на ранее найденные, помещение должно быть гораздо больше, чем любые склепы, какие мы видели до сих пор.

– Нужно сообразить, как распознать его, – сказала Реми. – Может, там какой-то родовой символ или игра слов с именем Аттилы или прозвище.

– Даже само имя «Аттила» спорно, – поведал Альбрехт. – Некоторые выводят его из готского слова со значением «малый отец», где «атил» означает «отец», а «ла» – уменьшительная частица. Идея такова: Аттила был азиатом небольшого роста, меньше, чем готы, населявшие будущую Германию. У нас также есть рассказ Приска, в нем утверждается: Аттила был малорослым.

– Вы согласны с этим? – спросил Тибор.

– Нет, это противоречит многому, известному о нем. Он являлся харизматическим вождем, единовластным правителем – тираном, если угодно, – и безжалостным воином. Иногда он использовал стратегию на сбережение армии, но в других случаях, когда это служило его целям, бросал конницу на укрепленные позиции и мирился с огромными жертвами для победы. Он не тот человек, которого называли бы «малым отцом», и конечно, не тот, кто согласился бы носить такое имя.

– Так какова ваша любимая теория?

– Я уверен, гуннский язык был близок к дунайскому булгарскому, впоследствии исчезнувшему тюркскому языку. На дунайском булгарском «Аттила» буквально означает «великий океан» или «всемирная река». Это соответствует роли царя гуннов, чья задача – победить врага и тем самым привести свой народ к процветанию. И никак не связано с происхождением имени от отдаленно родственного языка или вообще с Западом.

Группа прошла три первые галереи, где могла бы располагаться могила Аттилы. Все они были заполнены до 400 года. Попадались резные надписи, но без каких-либо необходимых элементов: ни правильного имени консулов 453 года, ни возраста – сорок семь лет, ни даты смерти в первые три-четыре месяца года.

Капитан Боярди спросил:

– Почему мы предполагаем, что Аттила говорил правду? Почему не указать вымышленное имя, год и день?

Альбрехт ответил:

– Потому что это не соответствует его цели, как мы ее себе представляем. С нашей точки зрения он хотел, чтобы ее нашел достойный человек – решительный, умный, хитрый и настойчивый. Он хотел, чтобы богатства, погребенные здесь и в других местах, помогли бы будущему властителю гуннов править миром.

Они пошли по четвертому участку из списка Альбрехта и Сельмы. Здесь пересекалось множество туннелей, подобно улицам подземного города; в конце «кварталов» группа всегда поворачивала направо. Исследователи читали надписи и фотографировали их, и так много часов. Но вдруг в почти полной темноте послышался голос Реми:

– Кажется, нашли.

Альбрехт остановился и повернулся к ней:

– Что?

Реми стояла у стены, где было прикрыто камнями несколько отверстий. Она указала на одно:

– Я думаю, это Аттила.

Альбрехт подошел к большому камню, который она осматривала. К свету ее фонаря добавился луч его фонарика, и камень осветился ярче. Остальные собрались вокруг. Альбрехт прочел:

– *Fidelis Miles*. Это значит «верный воин». *Obit die annus Flavius Opilio et Iohannes Vincomalus vicesimo quanto Ianuarii. XLVII*. – Он громко рассмеялся и обнял Реми. – Вы правы! Похоже, за этим камнем тот, кого мы ищем.

Все пожимали друг другу руки, хлопали по спине и обнимались. Сэм предложил:

– Давайте немного отойдем, чтобы сфотографировать камень. С этой минуты все необходимо задокументировать, измерить и сфотографировать, а до тех пор ничего не трогать. Главный – Альбрехт.

Следующие два часа они фотографировали и успешно сдвигали камень. На резной полке лежал скелет гуннского воина пятого века, такой же, как найденные Альбрехтом в начале лета в Венгрии на поле в Сегеде.

– Вероятно, этот человек – верный солдат.

Остов был одет в кожаные штаны и рубашку, вооружен кинжалом и длинным прямым мечом.

Сэм и Альбрехт подвели под скелет, одежду и оружие доску, затем осторожно сдвинули ее в сторону и поместили в жесткий воздухонепроницаемый пластиковый контейнер, похожий на гроб. Тибор и Янош отнесли контейнер к выходу.

Теперь Альбрехт и Сэм принялись осматривать заднюю стенку углубления в камне. Сэм достал перочинный нож и спросил:

– Можно попробовать?

– Конечно, – ответил Альбрехт. – Скорее всего, это ложная стена, сделанная из штукатурки.

Сэм несколько секунд скреб стену, потом извлек кусок толщиной в дюйм.

– Этот слой штукатурки скрывает второй камень.

– Давайте сфотографируем, прежде чем убирать.

Сэм и Альбрехт отступили, и Реми принялась фотографировать штукатурку. Потом они осторожно удалили куски, при этом осматривали их в поисках царапин или надписей.

Альбрехт наклонился и заглянул в образовавшееся отверстие. Он увидел большой кусок туфа, вставленный в отверстие.

– Тут второй закрывающий камень. О да! Это он! – воскликнул он. – *SepulcrumSummiRegis*. Могила царя. *MagnumOceanus*. Великий Океан. *RexHunnorum*. Повелитель гуннов.

Остальные зааплодировали; вероятно, здесь это был самый громкий звук за тысячу лет. А когда снова воцарилась тишина, Сэм наклонился к капитану Боярди с вопросом:

– Это эхо?

Боярди несколько секунд вслушивался, выключил фонарь и потом кивнул:

– Посмотрим.

Они вместе отошли от могилы и отправились назад той же дорогой, которой пришли сюда. Фонари их не горели. Они ступали неслышно, время от времени останавливались, несколько секунд ждали, прислушивались, затем двигались дальше. Когда миновали второй поворот, обнаружили большой вход в семейный склеп. Тут Боярди включил фонарь.

Луч высветил четверых: выскочив из-за угла, эти люди набросились на них, стараясь повалить на пол склепа. Несмотря на внезапность, Сэм, по-настоящему хороший дзюдоист, в первое же мгновение уложил одного сильнейшим ударом в грудь. Второй набросился на Сэма со спины и вцепился в него. Сэм врезался спиной в стену, таким образом ударил о нее нападавшего. Тот упал у стены на пол.

Капитан Боярди – полицейский, обученный рукопашному бою, к тому же выше и сильнее всех, – комбинацией ударов в челюсть и живот уложил одного своего противника и зажал второго удушающим приемом.

Сэм наклонился, подобрал фонарик Боярди и увидел в темном углу склепа прижавшихся к стене двух женщин.

Боярди крикнул что-то по-итальянски. Женщины выглядели испуганными, подняли руки со словами по-английски.

– Мы вас не понимаем.

– Пока не стреляйте! – крикнул Сэм. – Я знаю, кто это!

– Кто?

– Они работают на компанию «Консолидейтед энтерпрайзис», она базируется в Нью-Йорке.

– Откуда вы их знаете? – спросил Боярди.

– Похоже, они следуют за нами с Реми повсюду. Вроде бы охотники за сокровищами, но точно не знаю.

– Почему они напали на капитана карабинеров?

– Об этом спросите их самих. Они следили за нами, и когда мы ныряли в Луизиане, и потом в Берлине. Их арестовывали в Германии и в Венгрии. Не знаю, чем закончились эти аресты, но вы можете позвонить капитану Кляйну в Берлин.

– Вы нас подставили! – завопила молодая светловолосая женщина, следившая за Сэмом в Берлине. – Разумеется, все обвинения с нас сняли.

Высокий мужчина с бритой головой с возмущением произнес:

– Нас продержали две недели!

Другой его одернул:

– Ничего не говори, пока не придет адвокат.

– Что это с вами, вы же американцы? – спросил Боярди. – Насмотрелись своего кино? Во всем мире не требуется предупреждение Миранды[12]. А

если нужен юридический совет, дам вам лучший – никогда не нападайте на офицера полиции.

Сэм кивнул:

– Этот совет превосходен. Как вы попали в катакомбы?

Женщина с каштановыми волосами сказала:

– Шли за вами. Как только вы спустились в катакомбы, зашли в церковь. Монаху сказали, что мы часть вашей группы, просто немного опоздали. Он очень любезно показал нам, куда идти.

– Очень умно, – усмехнулся Боярди. – Нарушение ради кражи национальных сокровищ, но все равно умно.

– Что вы намерены делать? – спросил мужчина с бритой головой.

Боярди осмотрел шестерых пленников и ответил:

– Идемте сюда, если любите сокровища. Увидите величайшую находку в своей жизни.

Чтобы шесть американских нарушителей не вздумали убежать, Сэм и Боярди шли за ними – и говорили, куда сворачивать, чтобы вернуться к могиле Аттилы.

Когда они в последний раз повернули и оказались у входа, Янош, Тибор и двое полицейских оттащили второй камень на несколько футов.

Сэм заглянул. За ним находилось гораздо более обширное пространство, целая комната, вырубленная в туфе. Примерно восемь футов высотой и пять шириной. Сэм видел – левая сторона комнаты была открыта, а потом снова заложена камнями. Такова погребальная камера Аттилы. Посреди помещения, окруженный грудами золотых монет, которые некогда лежали в истлевших кожаных мешках и корзинах, многочисленными мечами с драгоценными рукоятями, поясами, кинжалами и украшениями, стоял железный гроб семь футов длиной и четыре шириной.

Пока двое карабинеров сторожили пленников, Реми, Сэм, Альбрехт и Боярди пролезли в узкое отверстие и принялись фотографировать и наносить на карту каждый дюйм захоронения, как можно четче отмечали местонахождение каждого предмета. Через три часа начали извлекать предметы из гроба. Их укладывали в коробки, переписывали и грузили на восемь тележек.

Боярди подошел к пленным, мрачно сидевшим на полу туннеля.

– Ну? Что скажете?

Светловолосая девушка пожала плечами:

– Я рада увидеть это.

Боярди проговорил:

– Значит, вы любопытны и любите приключения. Я тоже. А как остальные?

Все согласно закивали: да, да!

– Хорошо, – сказал Боярди. – Я дам вам работу, у вас появится возможность выплатить долг народу Италии. Помогите нам вынести эти бесценные предметы на поверхность.

– Это незаконно, – возразил бритоголовый. – Вы не можете принуждать задержанных работать, пока они не осуждены.

– Хорошо, – сказал Боярди. – Этот джентльмен исключается из числа работающих. Прокурору будет доложено, что он не захотел искупить свою вину, еще не раскаялся. Сержант Бальдаре, наденьте на него наручники. Что поведать прокурору об остальных?

Все заговорили:

– Я буду работать.

И:

– Ладно.

И:

– Скажите прокурору, я помогал.

Человек с бритой головой быстро произнес:

– Минутку. Я тоже хочу помочь.

Боярди кивнул сержанту Бальдаре, и тот снял наручники.

– Конечно, но предупреждаю – мои люди не дураки. Наверху вас тщательно обыщут, а содержимое ящиков сравнят со списками и фотографиями. И если хоть что-нибудь найдут у вас, то каждого будет ждать очень живописная тюрьма. Понятно?

– Да, – по очереди подтвердили все шестеро.

Час спустя первая тележка с золотом, драгоценными камнями и оружием, украшенным самоцветами, когда-то принадлежавшими покоренным царям, начала свой путь по длинным коридорам и лестницам к верхнему миру, которого все это не видело с 453 года.

Понадобилось пять дней осторожной, но крайне тяжелой работы, чтобы извлечь весь клад Аттилы. Наверху, где Сельма, Венди, Пит и карабинеры принимали и проверяли сокровища, все шло очень гладко. Первый грузовик с сокровищами выехал в Неаполь, в Национальный археологический музей следующей ночью, в три часа, в сопровождении двух полицейских машин без обозначений. Его место здесь занял новый грузовик.

«Несущие божественное слово» соответствовали своему названию. Они говорили только правду: в катакомбах Домициллы идут археологические раскопки и доступ посетителей временно прекращен.

На шестой день привезли четыре лебедки и подняли крышку железного гроба. Внутри оказался гроб из чистого серебра, окруженный другими сокровищами Аттилы. Здесь нашли короны, скипетры, кинжалы и личные украшения сотен королей, принцев, вождей, султанов и ханов. Потребовался целый день, чтобы извлечь и записать все эти предметы.

На восьмой день команда подняла крышку серебряного гроба. Старые истории не лгали – последний гроб был из золота. Вокруг него лежали многоцветные драгоценные камни: изумруды, рубины, сапфиры, гранаты, нефриты, кораллы, ляпис-лазурь, яшма, опалы, янтарь. Все камни из всех уголков Древнего мира.

В последний день открыли золотой гроб Аттилы. Внутри находился скелет мужчины пяти футов четырех дюймов роста, в красном шелковом одеянии, в штанах и кожаных сапогах до колена, в меховой шапке. В костлявых руках он держал составной лук, сделанный из рога, еще были меч и кинжал. И на внутренней стороне золотой крышки выделялась надпись:

«Ты нашел могилу Аттилы, царя гуннов. Чтобы стоять передо мной, ты должен быть смелым и искусным воином. Мои сокровища сделают тебя богатым и сильным царем. Но только время, неудачи и печаль дадут тебе мудрость».

Глава 30

Отель «Сент-Реджис Гранд», Рим

– Пожалуйста, выстройтесь в три ряда.

Фотограф из «Нью-Йорк таймс» расставлял всех для съемок. В первом ряду в центре сидел Альбрехт, по бокам от него Сельма и Венди. Второй ряд составляли Янош, Тибор и Пит. В последнем ряду стояли Реми, Сэм и сотрудник карабинерии капитан Боярди из отдела защиты национальной культуры.

Последовал залп щелчков – сработали десятки затворов, вспышки залили все пространство стробоскопическим светом. Репортер «Шпигеля» радостно крупным планом снимал знаменитого немецкого историка и археолога Альбрехта Фишера, представленного в качестве руководителя группы. Репортеры итальянских газет, толкаясь, фотографировали бесценные сокровища, выложенные на белой ткани, постеленной на ковер. Сокровища охраняли серьезные карабинеры в парадных мундирах, они смотрели перед собой, не отвлекались на сверкания драгоценностей, мечей и корон.

После фотосъемки началось интервью. Сэм и Реми постарались отойти в глубину гостиничного конференц-зала, но репортеры последовали за ними.

Репортер «Гардиан», женщина по имени Энн Дейд-Трентон, загнала Сэма в угол.

– Все, с кем я говорила, утверждают: руководителем этой серии экспедиций был Сэм Фарго, и большую часть времени исследования вели только Сэм и Реми Фарго. Это какая-то увертка. Вы избегаете уплаты налогов или еще чего-то?

Сэм ответил:

– Всем пришлось ездить, рисковать и в то или иное время побывать в глубоких ямах. Одни из нас проводили изыскания, готовили оборудование, организовывали перемещения и так далее. Другие проводили больше времени на месте раскопок. Но я не руководитель.

– Мы с Сэмом считали своим руководителем и проводником по Древнему миру нашего друга профессора Альбрехта Фишера, – подчеркнула Реми. – Он всю жизнь изучал римские артефакты. Это он позвонил нам после своего открытия в Венгрии, попросил приехать и помочь. Мы согласились.

– Но вы всемирно известные охотники за сокровищами и любители приключений. И как я поняла, вы взяли на себя все расходы.

– Мы с Альбрехтом Фишером и Тибором Лазаром являемся партнерами с того самого утра, когда нашли первую каменную камеру в Венгрии. Альбрехт Фишер лучше всех знал историю и археологию поздней Римской империи. Тибор Лазар родился в той части Венгрии, где когда-то находилась крепость Аттилы, и сумел обеспечить нам помощь многих людей, в том числе тех, у кого есть оборудование и машины. Мы с Сэмом имели некоторый опыт исторических исследований и пожертвовали определенную сумму. Все вкладывали что могли и привлекали стороннюю помощь.

– Это верно, – подтвердил Сэм. – Министерства культуры многих стран помогали нам и обеспечивали физическую защиту, сохраняли наши находки, чтобы их могли изучить ученые; в частности, это относится к Венгрии, Италии и Франции. Нам также помогала полиция Берлина и Москвы.

– Сэм, – прошептала Сельма. – Сайт.

– Ах да, – спохватился Сэм. – Вот Сельма Уондраш, наш главный исследователь.

– Мы готовим сайт с полным каталогом всех артефактов, обнаруженных в каждом из кладов и в могиле Аттилы, – начала Сельма. – На сайте будут размещены фотографии всех предметов внутри камер с сокровищами в том положении, в каком они были найдены, а также снимки крупным планом, сделанные в условиях музея. По мере опубликования научных статей об этих артефактах их станут выкладывать на сайте. Мы также надеемся разместить текст книги под редакцией профессора Альбрехта Фишера.

Репортеры старательно записали все услышанное и присоединились к празднику. Прием затянулся допоздна. Капитан Боярди и его люди упаковали образцы и приготовились уходить.

– Сэм! Реми! – обратился капитан. – Завтра это будет главной новостью в газетах всего мира. До выхода утренних выпусков мы обязаны упаковать последние образцы и перевезти в музей.

– Это нужно сделать так быстро?

– Чем дольше ждем, тем опасней. Древние сокровища пленяют воображение, и это не всегда хорошо. В 1920-е годы большой находкой стала гробница Тутанхамона. Но кто такой Тутанхамон – всего лишь богатый фараон-подросток. А это Аттила. – Капитан улыбнулся, поцеловал руку Реми и пожал Сэму. – Огромное удовольствие и самое большое достижение за мою карьеру.

– Для нас тоже, – поделилась Реми. – Надеюсь, это не означает, что вы уходите в отставку.

– Если не уйдете в отставку вы, я тоже не уйду, – ответил он. – Хочу увидеть, что еще вы найдете.

– Мы вам позвоним, – пообещал Сэм.

Карабинеры ушли из отеля, за ними репортеры и фотографы. Вскоре в банкетном зале остались только Альбрехт, Сэм и Реми, Тибор с Яношем, Сельма, Пит и Венди. Сэм взял ложку и постучал по бутылке

шампанского; звук получился музыкальный. Все перестали разговаривать и посмотрели на него.

– Ну ладно, ребята. Мы устроили отличный прием. Мы с Реми собираемся немного поспать. Встречаемся в вестибюле в девять утра с вещами. Такси отвезут нас в аэропорт. Мы отправляем вас по домам.

Они неторопливо шли к своему номеру. Реми зевнула.

– Ты всех развозишь по домам в арендованном самолете?

Сэм пожал плечами:

– Сельма, Пит и Венди живут в нашем доме, и нам все равно пришлось бы оплатить их перелет. Тибор и Янош по крайней мере дважды спасали нам жизнь. А Альбрехт пригласил нас участвовать в величайшей охоте за сокровищами. Это всего две остановки.

– Не хочу казаться мелочной и неблагодарной, но я очень давно не оставалась наедине со своим мужем так, чтобы у меня в руках не было лопаты и чтобы в нас никто не стрелял.

Сэм приобнял ее. Они подошли к лифту.

– Вот это верно. Меня прежде всего радует, что я женился на красавице, которой нравится мое общество. А второе, что меня радует, – эти преступники так плохо стреляют!

Реми встала на цыпочки и поцеловала его в щеку.

– Не могу дождаться возвращения домой.

– Не стану спорить. – Сэм отпер номер, и они вошли.

На другое утро в девять часов все встретились в вестибюле и заняли места в лимузинах для пятнадцатимильной поездки в аэропорт Чампино. Самолет, заказанный Сельмой, ждал на полосе у маленького частного терминала. Группа подождала, пока приняли багаж и села в самолет.

От Рима до Франкфурта, где вышел Альбрехт, насчитывалось всего пятьсот девяносто шесть миль.

– Вы дали мне пищу для размышлений, – сказал на прощание Альбрехт. – Если проживу две жизни, все равно не успею досконально изучить найденное. Спасибо всем и каждому.

До Сегеда оставалось еще шестьсот миль. Когда приземлились в аэропорту, Тибор и Янош встали, и Тибор спросил у Сэма:

– Идете?

Сэм взял Реми за руку и предупредил остальных:

– Вернемся через несколько минут.

Реми с любопытством посмотрела на Сэма, потом стала осторожно спускаться по трапу и догнала братьев Лазар.

– Тибор, Янош, надеюсь, мы скоро снова увидимся, – улыбнулась Реми. – Приезжайте к нам в Ла-Холью, номер нашего телефона и электронный адрес у вас есть.

Тибор ответил:

– Мы приедем, но не сразу, решили некоторое время провести дома и отдохнуть. И посмеяться над Арпадом Бако. А вот после этого…

– Не знаю, какова будет ваша доля сокровищ, – начал Сэм. – Большая часть останется в музеях. Но и вам за клады достанутся миллионы долларов.

– Я же говорил, хорошо быть вашим другом! – отозвался Тибор.

Вчетвером они прошли в терминал. Там, на другой стороне зала ожидания, сидел человек с большим пластиковым переносным ящиком на тележке. Реми ахнула:

– Сэм!..

Человек, словно услышав ее голос, повернулся и посмотрел на сошедших с самолета. Глаза Реми округлились, и она побежала ему навстречу. Обогнула большой контейнер, заглянула в него и опустилась на колени. И заплакала.

– Jó fiú, – тихо произнесла она. – Сэм, не могу поверить.

– Я решил, ты заслужила такой подарок, – сказал он. – Но Золтан тоже заслужил подарок, и, похоже, ему нужна ты.

Тибор, Янош и брат жены Тибора, инструктор-кинолог, помогли подвезти тележку к самолету. У трапа Реми решила:

– Нельзя заносить его в ящике. – Она наклонилась и открыла решетчатую дверцу. Из ящика показался Золтан – сначала большая черная морда, потом широкая голова и лохматая шея, потом мускулистые плечи и все тело. Реми обняла собаку за шею и какое-то время не отпускала.

– Jó fiú, – прошептала она. – Хороший мальчик. – Встала. – *Fel*. Вверх.

Реми пошла вверх по лестнице, и Золтан вслед за ней вошел в самолет.

Тибор помог Сэму занести и поставить ящик для перевозки собаки и ремнями закрепил его между двумя рядами сидений. Потом сказал Сэму и Реми:

– Ну, до скорого. – Быстро спустился по трапу и ушел в терминал.

Когда Реми и Золтан пошли по проходу, Сельма увидела собаку.

– О! Отлично. Наконец-то он подарил вам пони.

– Сельма, это Золтан, – представила лохматого друга Реми. – Идите сюда и дайте ему понюхать руку. Он вас не тронет…

Сельма протянула Золтану руку, а потом потрепала его по шее.

– …Если я не прикажу.

Сельма отскочила, а Пит и Венди рассмеялись.

– Отличный пес! – восхитился Пит. – Если поедете на Аляску, он один сможет везти ваши сани.

– Ладно, – согласилась Реми, – теперь вы двое.

Пит и Венди подошли к Золтану и погладили. Он стойко терпел эти знаки внимания.

Реми прошла на свое место рядом с Сэмом. Золтану она сказала:

– Ül.

Овчарка легла у ее ног. Реми почесала пса за ухом.

Дозаправка и предполетная проверка завершилась, и проводник закрыл дверь. Сэм встал, прошел к ящику и вернулся с запасом собачьих лакомств.

– Хорошая мысль, – отметил Пит. – Это позволит нам выиграть время, если он захочет съесть нас.

– О нем не волнуйтесь, – успокоил Сэм. – Золтан воспитан лучше нас. Он отлично понимает, каких людей нужно съесть, и будет нас защищать.

Реми наклонилась, снова обняла Золтана и дала ему лакомство.

Пилот включил двигатели, и пассажиры пристегнулись. Самолет поехал по асфальту. Золтан, внимательно глядя, ел. Самолет разогнался по взлетной дорожке и оторвался от земли. Реми держала руку на голове Золтана и успокаивала его:

– Не волнуйся, Золтан. Я с тобой.

Ее спокойный мелодичный голос как будто помог псу успокоиться. Когда тряска прекратилась и самолет поднялся в воздух, Золтан положил большую голову на ковер и приготовился к долгому перелету.

Реми наклонилась к Сэму и прошептала:

– Я люблю его. И тебя тоже. Но это чистое чудачество. Такая собака с такой подготовкой стоит не меньше «Роллс-Ройса».

– «Роллс-Ройс» – отличная машина, но твою жизнь я на нее не променяю.

Сэм наклонил спинку кресла, Реми тоже. Она положила голову ему на плечо. Золтан посмотрел на них, положил голову на лапы и закрыл глаза.

Глава 31

Голдфиш-Пойнт, Ла-Холья. Первый этаж

Когда садилось солнце, Реми и Золтан отправились на свою ежедневную пробежку по пляжу. Все недели после возвращения Фарго из Европы Реми много времени проводила с Золтаном. Она хотела, чтобы он привык к этой части света, теперь здесь его дом.

Похоже, Золтану Ла-Холья понравилась. Он держался необычайно спокойно и миролюбиво. Когда Реми шла, он тоже шел. Если она бежала, он бежал с ней. Сегодня она бежала по небольшому защищенному пляжу на южной оконечности Ла-Хольи; этот пляж назывался Лягушатником. Каждый дюйм пляжа и бетонный мол занимали около ста тюленей и морских львов. Реми знала: в Венгрии Золтан не мог видеть тюленей и морских львов, но и он не беспокоил морских животных и не лаял на деревья и камни.

Они повернули назад и побежали по бетонной дорожке к Голдфиш-Пойнту, потом по зеленой лужайке мимо пальмовой рощи в парке отеля «Валенсия». Глядя на океан парковой зелени, Реми думала, какое это невероятное место. Ла-Холья означает «драгоценность» – очень подходящее название. Они с Сэмом решили построить свой дом над Голдфиш-Пойнтом, на северном краю этого небольшого района. Сам Пойнт – мыс – обозначал вход в пещеры скалистого берега, омываемые прибоем, и был назван по ярко-оранжевой золотой рыбке-гарибальди, которая живет в заливе Ла-Холья.

Когда Фарго создавали проект своего дома, они только что завершили шестилетний период управления компанией по выпуску и продаже аргоновых лазеров, изобретенных Сэмом. За компанию и ее патенты им предложили очень большую сумму, и они ее продали. Так впервые

получили не только возможность построить себе большой и дорогой дом, но и время и силы для этого.

Дом – четырехэтажный, площадью двенадцать тысяч квадратных футов – находится прямо напротив Голдфиш-Пойнта. На четвертом этаже помещались хозяйская спальня, две ванные, два встроенных шкафа, небольшая кухня и гостиная, где одна стеклянная стена выходила на океан. На третьем этаже располагались четыре гостевые комнаты, главная гостиная, главная кухня и столовая. Второй этаж они решили превратить в спортивный зал; бассейн с дорожками, вертикальная стена для подъема и дорожка в тысячу квадратных футов, которую Рэми использовала для фехтования, а Сэм для дзюдо.

Для офиса оставался только первый этаж. Здесь оборудовали рабочие места Сэма, Реми, Сельмы и еще четырех исследователей. На этаже находились дополнительные гостевые спальни, лаборатория и аквариум длиной четырнадцать футов с соленой водой и водорослями, заселенный морскими животными с калифорнийского побережья.

Во время вечерней пробежки с Золтаном Реми увидела за бухтой две яхты, их не было раньше. Они стояли примерно в полумиле от берега; с суши казалось: они почти соприкасаются. Яхты были большие, быстроходные, класса сто тридцать футов; такие она видела в западном Средиземном море у знаменитостей. Обычно эти яхты способны развивать до шестидесяти узлов, а некоторые и больше. За последние годы она наблюдала несколько таких яхт в гавани Сан-Диего, но те были очень дорогие и лучше приспособлены для плавания между островами Греции или вдоль Французской Ривьеры, чем в Тихом океане.

Они с Золтаном миновали отель и побежали по улице вверх, к лесистому плато, где стоял их дом. Отсюда Реми видела его – он стоял на склоне, и некоторые его окна выходили на океан. Огни в доме казались ей теплыми, приветливыми. Сэм разработал и установил систему индивидуальных датчиков, в сумерках автоматически включали по несколько ламп на каждом этаже. А поскольку внутренних стен было мало, весь дом начинал золотисто светиться.

Реми продолжала бежать вверх по склону – это была самая трудная часть ежедневной пробежки, когда заметила, что Золтан странно насторожился. Он прыгнул вперед и остановился у ее ног, глядя перед собой янтарно-черными глазами немецкой овчарки. Реми остановилась рядом с ним и постаралась определить, на что он смотрит. Что-то впереди на извилистой улице его встревожило.

Реми тоже встревожилась, и ей особенно сильно захотелось поскорее вернуться домой. Она знала, какое острое чутье у Золтана, как хорошо он выучен и умеет обнаруживать прячущихся живых существ; еще по-своему оценивает необычность или важность обстановки. Реми

подумала, не взять ли его на поводок. Что, если она столкнулась с ситуацией, в которой Золтан не силен? Она слышала рассказы о том, как овчарки набрасывались на почтальонов из-за запаха жидкости, которой чистят их форму. Должно быть, тут что-то в этом роде. Но нет, не может быть. Золтан очень хорошо обучен, и если она наденет поводок, он поймет – она ему не доверяет.

Пока она ждала, Золтан снова двинулся вперед. Пес не бежал, как раньше. Он опустил голову, нюхал воздух и смотрел на что-то перед собой. Все его тело напряглось, как сжатая пружина.

Реми не стала успокаивать Золтана или удерживать его. Теперь он не исследовал, был уверен – что впереди опасность. Она шла за ним, дивясь его сосредоточенности. Пес снова остановился, и Реми услышала звук. Этот звук отозвался во всем ее теле, отдался в нервных окончаниях рук, ведь она много раз слышала его, вставляя обойму в пистолет и со щелчком посылая патрон в затвор.

Золтан пробежал четыре шага, прыгнул вперед в зелень и врезался в частую изгородь, сжимая зубами чью-то руку. Он тряс эту руку до тех пор, пока человек не выронил пистолет. Тот с лязгом упал. Золтан прыгнул на него и оттолкнул, не давая нападавшему возможности взять оружие.

Реми побежала, на бегу пнула пистолет, отправив его в темноту, и помчалась дальше. Теперь Золтан снова оказался перед ней, бежал к дому не по подъездной дороге, а рванул напрямик через сосны, и Реми за ним. Пес бежал в темноте, неслышно, по толстому слою хвои. Она видела, как Золтан резко свернул и на кого-то набросился с рычанием, услышала человеческий голос – крик и проклятия. Реми заметила в темноте силуэт человека, пересекавшего дорогу. Золтан налетел на него, ударил большой головой, и человек отлетел в сторону.

Реми и Золтан выбежали из рощи и помчались по газону, потом по бетонному тротуару, потом по ступенькам. Реми слышала – за ней бегут, бегут быстро; эти люди были уже в нескольких шагах. Золтан повернулся, зарычал и бросился на преследователей. Она услышала шум борьбы, распахнула дверь, и Золтан вбежал в дом вместе с ней. Реми захлопнула дверь, задвинула засов и закричала:

– Сэм!

В дверь ударили, словно пытаясь открыть ее плечом.

Золтан залаял, и Реми снова крикнула в глубину дома:

– Сэм!

Из офиса Сельма подала голос:

– Реми! Что случилось?

– Здесь люди! Они гнались за мной! Подстерегли в роще.

Сельма подбежала к Реми, внезапно остановилась и в ужасе посмотрела на Золтана. Реми увидела – с его морды капает кровь. А Золтан повернулся к двери и громко зарычал.

В этот миг весь свет в доме погас. Послышались шаги по ступеням и гулкий удар чего-то похожего на таран в наружную стальную дверь. Этот удар задействовал работающую на батареях тревожную сигнализацию; громко завыла сирена, тут снова ударил таран.

В доме включился запасной генератор, загорелось несколько слабых ламп, они осветили окружающее. *Бум*! От удара заработал мотор, опускающий стальные ставни на первом этаже. Теперь весь этаж освещало несколько неярких ламп; не стало видно ни лунного света, ни фонарей Ла-Хольи.

И тут в комнате показался Сэм, подбежал к встроенному в стену металлическому контрольному щитку, открыл его, включил монитор с изображением, поступавшим с камеры над входной дверью, кинул взгляд туда и распорядился:

– Сельма, срочно звоните в полицию! – По громкоговорителю крикнул людям за дверью: – Эй вы, на пороге. Уберите таран или пожалеете!

Бум! Нападающие как будто стали бить еще сильнее. Вдруг они отступили, затем двинулись вперед и ударили тяжелым стальным цилиндром. Бум! Дверь прогнулась внутрь, но не поддалась.

Сэм повернул закрытый выключатель на контрольном щитке, и на мониторе Сэм и Реми увидели: люди на пороге бросили таран, закрыли лица руками и слепо толклись перед дверью.

– Что это? – спросила Реми.

– Молотый перец. Одна из моих добавок к системе безопасности.

– Она себя оправдала, верно? – Реми глядела, как люди из леса уводят пострадавших под сень сосен.

Сельма крикнула:

– Телефоны молчат!

– Звоните по сотовому!

– Сигнал глушится на волне в 850 мегагерц. – Сельма взяла со стола телефоны, которые Сэм и Реми использовали в Европе. – То же самое. На волне в 1900 мегагерц. И 2100, и 2500.

– Тогда пошлите электронное письмо кому-нибудь, пусть сообщат в полицию.

– Вай-фай тоже глушат, не могу пробиться в Сеть, не могу воспользоваться телефонной линией: она отрубилась!

– Ладно. Конечно. – Сэм повозился с ручкой на контрольном щите, изменил наклон камер наблюдения. – Ого! У нас неприятности. Посмотрите-ка!

– Пит и Венди дома? – спросила Реми.

– Пойду к ним. – Сельма вскочила.

Сэм сказал:

– Попросите их открыть оружейный шкаф и принести…

– Я это сделаю, – перебила мужа Реми, взбегая по ступенькам. Она перепрыгивала через две-три, Золтан легко бежал за ней. По дороге на третий этаж она встретила Пита и Венди – и остановила их: – Вы ненадолго нужны мне наверху.

Пит и Венди вслед за Реми понеслись на четвертый этаж. Прямо перед лестницей помещалась большая спальня, а слева – два больших шкафа. Между ними прямо в стене была панель, совсем незаметная постороннему глазу. Реми нажала в нужном месте, и панель открылась, как дверь. За ней узкий коридор вел к двум оружейным сейфам и третьему, похожему на банковский. Реми быстро набрала комбинацию замков оружейных сейфов и указала:

– Венди, возьмите пять пистолетов «Глок-19» – по одному на каждого, и по две запасные обоймы на пистолет, захватите как можно больше девятимиллиметровых патронов и быстро на первый этаж. Два оставьте мне и Питу.

– Что происходит? – спросила Венди.

– Не знаю. Наверное, это кое-кто из тех, кого мы оставили в Европе. Пит, берите длинноствольные ружья и патроны к ним, пару короткоствольных обрезов и два полуавтоматических 308 калибра. И побольше патронов!

С оружием и патронами в руках Венди и Пит побежали на третий этаж. Реми прикрыла оружейные сейфы, но не стала их закрывать, только закрыла ведущую к ним панель и отправилась в спальню, Золтан следовал за ней. Она произнесла:

– Ül, Золтан.

Он сел. Она погладила его по голове, потом вышла и закрыла дверь. Реми подняла «Глок», который оставила ей Венди, достала обойму, проверила, полная ли, засунула за пояс шортов две запасные обоймы, кинулась вниз по лестнице на третий этаж, повернула и начала спускаться на второй, на полдороге увидела в окне то, что заставило ее остановиться.

К стене дома прислонили лестницу, достающую до окна второго этажа, по ней быстро взбирался мужчина в черном свитере и черных джинсах. Он поднялся до второго этажа, достал молоток, разбил оконное стекло и приготовился влезть в дом. Реми подскочила к ближайшему окну, подняла руки, сдернула с петель длинный деревянный карниз со шторой, наклонила его, чтобы штора упала, и подбежала к разбитому окну. Мужчина увидел ее и схватился за автомат, висевший у него на груди, но Реми оказалась проворнее, на бегу нацелилась концом карниза в грудь мужчины. Он попытался отмахнуться, ему пришлось выпустить лестницу и забыть об оружии. Реми карнизом спихнула его с лестницы, а потом оттолкнула и лестницу.

Взглянув из окна, она увидела: один человек бежит на помощь упавшему, а другой схватил алюминиевую лестницу. Заметив, они несколько раз выстрелили в ее сторону. Она побежала к противоположной стене с карнизом в руках.

Она опасалась не зря. С другой стороны перед окном стоял на лестнице еще один человек и небольшим топориком разбивал стекло. Реми уже была в движении, и на этот раз ей удалось застать нападавшего врасплох. Еще на бегу она ткнула карниз в разбитое окно. Но человек запустил топориком в нее. Реми увернулась, топор пролетел мимо, а она сильно ударила концом карниза в грудь непрошеного гостя. Тот отлетел назад, вцепившись в лестницу.

Реми бросила карниз, кинулась к системе контроля окон второго этажа и повернула рычаг, опуская на окна второго этажа стальные ставни. Стало темнее, мотор натужно застонал, ставни опустились на фут и замерли.

Снизу до Реми снова доносились удары тарана. Она понеслась к лестнице и глянула вниз. Сэм, Пит, Сельма и Венди подтащили к парадной двери много тяжелой мебели. На боку стояли два стола, за ними горизонтально – несколько стальных шкафов с ящиками для документов. Четверо защитников образовали двадцатифутовый полукруг и следили за дверью. Слева Пит, справа Венди целились из дробовиков, у плеча Венди двумя руками держала пистолет Сельма. Сэм находился с пистолетом Реми «Ле Байер». Прочная стальная дверь прогнулась от непрерывных ударов и могла вот-вот сорваться с последнего болта.

Вдруг удары прекратились, потом снаружи послышался шум мотора – он приближался, нарастала громкость. Через несколько секунд машина ударила по двери, и та упала. Столы и шкафы поползли по полу, в дверях показалась решетка внедорожника.

Как только дверь открылась, Сэм несколько раз выстрелил, и на ветровом стекле машины появились пулевые отверстия, но водителя в машине не оказалось. Очевидно, педаль газа прижали какой-то тяжестью и направили машину на дверь.

В нескольких ярдах от входа люди в черном прятались за внедорожник и стреляли из автоматов.

Сэм крикнул:

– Все наверх!

Пит, Венди и Сельма, пятясь и стреляя в открытую дверь, стали подниматься по центральной лестнице. Сэм прицельно стрелял в руку, ногу или оружие, высунувшееся из-за машины. И отступал вслед за остальными.

Реми следила за тем, не появилась ли у стены новая лестница, и не могла смотреть, как Сэм в одиночестве сдерживает нападающих. Она спустилась до середины лестницы и принялась стрелять из своего «Глока» в проем двери. Она еще стреляла, когда Сэм поравнялся с ней, обхватил ее за талию и заставил подниматься вместе с ним. Они двигались спиной вперед, прицеливаясь и стреляя, не давали нападавшим войти. На втором этаже у Реми кончились патроны.

Доставая запасную обойму, она бросила на дверь последний взгляд, в этот момент Сэм и Пит начали спускать по лестнице пианино. Инструмент наклонился, заскользил вниз с грохотом и негармоничным дребезжанием из-за ударов молоточков по струнам и застрял в пролете. Но прежде чем он остановился, Реми увидела, как в дом ворвалась дюжина людей в черном. Она быстро перезарядила пистолет, и они с Сэмом побежали в спортзал в поисках тяжелых предметов, которые можно было бы сбросить. Первый этаж был потерян.

Глава 32

Второй этаж

Сэм и Реми столкнули в пролет тяжелую беговую дорожку, а потом еще один тренажер. Это помогло надежно заткнуть проход. Теперь нападающие, стреляя вверх, ни в кого не попадут; еще эта преграда не даст подняться на второй этаж. Реми с заряженным пистолетом спряталась за стальной стол в ожидании противников. Снизу послышалось множество выстрелов, не по лестнице.

– Что они делают?

– Пытаются попасть в нас сквозь пол, – ответил Сэм. – Ничего не выйдет: пол из армированного бетона. Иначе здесь не было бы бассейна.

Неожиданный звук возвестил: схватка как будто переместилась наружу. Раздался глухой взрыв. Пит и Венди выглянули из окна на фасаде.

– Смотрите! – крикнула Венди.

Снаружи небо над океаном окрасилось красным, потом синим, потом белым: сверху спускались яркие огни, отражались на воде, достигали темной поверхности и исчезали.

– Фейерверк!

У них на глазах с плота, привязанного к одной из яхт, в небо взвилась цепочка огненных искр. Когда снаряд достиг верхней точки траектории, он взорвался, раскинув, словно огненное дерево ветви, горящие линии.

– Они используют фейерверк, чтобы заглушить шум, – сказала Сельма. – Или объяснить его. Все подумают, выстрелы – часть праздника.

– Верно. Большая пирушка у Фарго, – отозвался Сэм.

В воздухе разорвался еще один снаряд, и все окрасилось в зеленый цвет, потом в ярко-красный, потом в желтый. Каждую перемену знаменовал грохот взрыва, а потом стаккато разрывов, похожее на автоматную стрельбу.

Сельма закричала:

– Окно! Нет!

Перед разбитым окном, от которого Реми оттолкнула одного чужака, стоял на лестнице другой. Сельма вскинула пистолет обеими руками и четырежды выстрелила – человек за окном упал. Пит подобрал карниз, которым пользовалась Реми, и оттолкнул им лестницу.

– Надо и на этом этаже опустить стальные ставни. Венди, выключите везде свет. Реми, если увидишь внизу хоть кого-то, стреляй! Пит, следите за окнами! Если кто-нибудь здесь покажется – стреляйте! Сельма, прикрывайте мне спину! – четко скомандовал Сэм, затем открыл маленькую стальную дверь у окон фасада. Подождал, чтобы огни погасли, и повернул рубильник. Мотор взревел, но ставни опустились всего на дюйм или два. Сэм достал из ящика небольшой рычаг, вставил в гнездо над подоконником и повернул. Ставень медленно опустился до самого подоконника. Сэм перебежал к следующему окну и снова наклонился, закрывая его. Тут у третьего окна появилась лестница.

По ней быстро вскарабкался мужчина; он выбил молотком стекло и просунул в дыру руку с пистолетом-пулеметом «Скорпион». Реми метко послала пулю в эту руку, прежде чем он смог выстрелить. Человек выронил оружие, его рука повисла, он спустился на несколько ступенек, а Пит деревянным карнизом оттолкнул лестницу.

Сэм закрыл ставень и хотел перейти к другому. Но вдруг стекло следующего окна разлетелось на сотни осколков: в него выстрелили снаружи. Сэм потряс головой, избавляясь от осколков в волосах. Внезапно наступила тишина. Сэм выглянул на секунду, кинулся к противоположной стене закрыть ставни.

У окон на этой стороне тоже появились алюминиевые лестницы. Два человека успели выстрелить с них по второму этажу, прежде чем их застрелили Реми и Венди. Пит отталкивал лестницы от дома. Сэм продолжал закрывать ставни.

Послышался скрежет дерева о металл, и пианино, застрявшее в пролете, слегка сдвинулось. Сэм закричал:

– Тащите холодильник!

Пит, Венди и Сельма кинулись на кухню и повезли к лестнице большой стальной холодильник на колесиках. Сэм подобрал ружье калибра 308, которое приставил к стене, когда закрывал ставни, побежал к лестнице, выглядывая из-за спортивных снарядов в поисках цели. Он заметил у пианино движение, словно кто-то хотел его отодвинуть, прицелился в место у ножки инструмента и выстрелил. Внизу стало тихо. Сэм еще дважды выстрелил через пианино.

Он обернулся в тот миг, когда еще один человек разбил окно и вскочил на подоконник. Сэм выстрелил в него и сразу увидел другого, у противоположной стены, выпустил в него пулю раньше, чем тот смог разбить окно, человек упал. И еще два раза выстрелил под ножку пианино.

Остальные с холодильником наконец очутились у верха лестницы. Сэм знаком велел им подождать; они спрятались за холодильником. Сэм использовал это время, чтобы закрыть еще несколько ставней, предотвратив стрельбу снизу. Обороняющиеся услышали рев мотора внедорожника у входной двери. Сэм вскочил, подбежал к лестнице и сменил обойму.

Мотор снаружи взревел, пианино заскрипело и с ужасными звуками покатилось по лестнице – его тащил грузовик. Тренажеры, удерживающие пианино, начали валиться вниз. Сэм махнул, и остальные защищающие столкнули холодильник. Он покачнулся, упал и

заскользил вниз, разгоняясь, как стальные сани, и как будто ударил несколько человек, но какой ущерб причинил, рассмотреть было трудно.

– Диваны! – велел Сэм, и они разом столкнули вниз два больших дивана. Те перегородили проход, но началась стрельба, пули прошивали их насквозь.

Сэм приказал:

– Сельма, быстро на третий этаж, вскипятите на кухне воду. Как можно больше и как можно быстрей! Прихватите дробовик и пистолет и убедитесь, что они заряжены.

– Зачем это? – спросила Реми.

– Когда они расчистят лестницу, мы потеряем и этот этаж. Только такое им дорого обойдется. Но нам придется подняться выше. Их лестницы не достанут до окон третьего этажа.

Этьен Леклерк, Сергей Поляков и Арпад Бако сидели на палубе яхты «Ибица» в удобных креслах, задрав ноги, и курили отличные кубинские сигары. Теплый ветер с берега разгонял дым и уносил в море.

Вторая яхта, «Масатлан», качалась в ста ярдах слева на якоре; ее экипаж запускал с плота загруженные с утра ракеты фейерверка.

Через мощный бинокль Бако разглядывал далекий дом над Голдфиш-Пойнтом.

– Вероятно, так древний завоеватель вроде Аттилы захватывал осажденный город: приставные лестницы против обороняющихся с шестами, захват первого этажа крепости и отступление защитников, пока они не сдадутся или не умрут.

Поляков посмотрел на часы:

– Нашим надо бы действовать побыстрее, а то отвлекающий фейерверк не поможет и кто-нибудь из соседей поймет, что происходит.

Леклерк пожал плечами:

– Мы отключили электричество, убрали телефоны с улицы, а глушилки заткнут беспроводной Интернет в окрестностях.

Бако сказал:

– У нас на перекрестках люди; они предупредят, если появятся полицейские. При необходимости на несколько минут перекроют дороги.

– Надеюсь, Сэм Фарго начинает чувствовать мою руку, – напыжился Поляков. – Я делаю с его домом то, что он сделал с моим в Нижнем Новгороде. И если, когда все закончится, они еще будут живы, я заставлю Фарго забрать сокровища из музеев, принести и положить у моих ног, если он захочет увидеть свою жену живой.

– Не забудь, они не только твои, – напомнил Леклерк. – Ты один из партнеров.

– Я как раз собирался это сказать, – подхватил Бако. – С самого начала сокровища были моими. Я просто делюсь со своими партнерами.

Поляков улыбнулся, затянулся сигарой и ответил:

– Вы обратились ко мне только после того, как сели в лужу. Я принялся за дело, когда вы сделали все, что могли, и потерпели поражение.

Бако нервно усмехнулся:

– Что ж, теперь мы все в деле. Скоро сокровища будут в наших руках.

Из дома донесся новый залп, с плота в заливе взвилась новая ракета и разлетелась синими полосами и золотыми звездами. Каждая маленькая звезда громко лопалась и осыпала небо над океаном дождем искр. Бако засмеялся:

– Кто поверит, что выстрелы не часть фейерверка?

Сэм и Реми сбросили с лестницы тяжелый тренажер, а Сельма, Венди и Пит осторожно поднесли к перилам большие кастрюли с кипятком.

Они ждали. Нападающие оттащили большую часть мебели, и первые из них бросились наверх с первого этажа через тренажер.

Сэм резко махнул рукой, Сельма, Венди и Пит облили нападающих кипятком. Люди закричали, развернулись и столкнули тех, кто бежал за ними. Они падали, не хотели попасть под обжигающий водопад. Сэм несколько раз выстрелил по нападающим, заставляя отступить, а не нападать.

– Уходите! – закричал он.

Реми, Пит, Сельма и Венди бросились по лестнице на третий этаж. На верху лестницы Реми легла на пол и прицелилась. Тут Сэм попятился по лестнице вверх, она повела огонь по лестнице второго этажа, чтобы нападающие не могли поднять головы.

Как только Сэм ступил на третий этаж, остальные столкнули большой деревянный шкаф, он упал поперек лестницы. На следующие несколько

минут обороняющиеся очутились вне зоны огня, но слышали тяжелые шаги врагов: те торопливо занимали второй этаж.

Глава 33

Третий этаж

Сэм повернулся к Питу.

– Мы не сможем удержать их здесь. Надо сломать лестницу на четвертый этаж и постараться удержаться там. Лестница крепится к балке болтами, их шесть, по-моему, но вы проверьте. Прежде чем рушить лестницу, привяжите к чему-нибудь прочному трос и спустите сюда.

– Понял, – ответил Пит.

Они были на третьем этаже, где располагались комнаты Пита и Венди. Пит сбегал в свою комнату, потом на кухню, собрал инструменты и снаряжение и поднялся по лестнице.

Реми прошла мимо Сэма, но он задержал ее и спросил:

– Где Золтан?

– Я закрыла его в спальне наверху. Внизу его бы убили. Он не понимает стратегического отступления. А сейчас наверху считает – охраняет что-то важное.

– Так и есть. – Сэм повернулся к Сельме: – Посмотрим, сработает ли еще раз кипяток. Грейте воду на кухне четвертого этажа, – а Венди сказал: – Идите наверх и принесите еще оружия, зарядите все пустые магазины и дробовики.

Реми и Сэм стояли плечом к плечу; они внимательно смотрели на перекрывавший проход шкаф, ожидая движения.

– Что они делают? – шепотом спросила Реми.

– На последней лестнице они понесли урон. Наверное, эвакуируют обожженных и раненых.

– Какова теперь наша стратегия? – поинтересовалась она.

– Тянем время, – ответил он. – Мы не можем вызвать полицию или связаться с кем-нибудь по электронной почте, но кто-нибудь должен наконец догадаться, что это не просто фейерверк. Вероятно, у тех, кто живет поблизости, телефоны тоже не работают, но подальше должны работать.

Реми взяла ружье «Матч» 308 калибра и из южного окна посмотрела на отель «Валенсия» на склоне, поставила прицел на тысячу ярдов, внесла поправку на ветер слева, дующий со скоростью пять миль в час, и приоткрыла окно. Подняла ружье и прицелилась в большой освещенный прямоугольник окна столовой. Убедилась, что за окном нет людей, и нажала на курок.

Пиу!

Реми не шелохнулась, глядя на окно в мощный оптический прицел. Двое обедающих, которых она не видела из-за стены слева, побежали к выходу. Реми увидела, как в неслышном крике открылся и закрылся рот женщины. Появились официант и женщина-администратор в коктейльном платье, озабоченно посмотрели на разбитое окно и исчезли.

– Что ты видишь? – спросил Сэм.

– «Валенсию». Я совершенно уверена: они вызовут к нам копов, как только сумеют набрать номер.

– Мне следовало об этом подумать.

– С нижних этажей отель не виден, заслоняют деревья. А теперь нет.

Она выбрала ресторан чуть ближе и тоже ярко освещенный. И через несколько секунд снова выстрелила.

– Пусть тоже позвонят. Так скорее поверят.

– Реми, – прошептал Сэм. – Я слышу движение.

Она повернулась и увидела, что он стоит с оружием в руках и смотрит на шкаф, лежащий поперек лестницы. Реми подошла ближе, выбрала место и прицелилась.

– Может, выстрелим сквозь него?

Сэм покачал головой.

– Мы тянем время, поэтому любая задержка нам на руку. К тому же у нас слишком мало патронов, чтобы стрелять в людей только потому, что они того заслуживают.

– На всякий случай скажу. Сейчас я вспомнила, что хотела поблагодарить тебя за спасение в России.

– Да ты поблагодарила. Более чем щедро.

– И за Золтана.

– И за него тоже. Ты всегда опережаешь меня с благодарностями. Спасибо тебе за все, за что я забыл тебя поблагодарить. Я был несколько занят людьми, которые теперь пытаются нас убить.

– Ну, это вполне понятно. Я просто подумала: в России все происходило так романтично и, если мы умрем сегодня, не хочу и здесь быть галантной и вежливой.

– Если мы умрем, я тебя в этом не буду винить, а тогда вернуть тебя было очень приятно.

– Спасибо.

– Конечно, я не намерен умирать сегодня…

– Я тоже. – Она наклонилась и поцеловала его.

Спустились Сельма и Венди с запасными обоймами и двумя ружьями.

– Эй, вы, следите за теми, кто вам не нравится, – посоветовала Сельма. – И кстати, все заряжено, но это последние патроны.

По лестнице спустился Пит: он держался за перила и старался ступать легко.

– Если придется отступать на четвертый этаж, будьте осторожны и держитесь за веревку. Все почти готово к отходу. Остался только один поворот винта.

Венди протянула ему заряженный дробовик и обойму для пистолета.

– Используй разумно. Это все, что у нас есть.

Реми подошла к южному окну.

– Слышите? – Она прислушалась. – Похоже на машины. – Она выглянула и сразу втянула голову обратно. – О нет! Они привели подъемник – такие используют электрические компании.

– Что? – спросила Венди.

Сэм повернулся и посмотрел на Сельму. И тут же прозвучал новый залп фейерверка, в небе взрывались звезды.

– Что-то готовится, – сказал он. – Помните: беречь патроны.

Фейерверк определенно должен был прикрыть новое нападение. Шкаф начал подниматься, и Сэм выстрелил в образовавшуюся щель. Шкаф с грохотом упал.

Две секунды спустя Сельма трижды выстрелила в кого-то за окном.

Венди и Пит подбежали к ней, когда она кинулась на пол, два стекла разлетелись под автоматными очередями. Пит присел у лестницы и поднял дробовик.

За окном в люльке подъемника, с каких собирают вишню, стоял стрелок. Пит выстрелил, стрелок согнулся и выронил оружие; кто-то внизу за пультом управления спустил люльку.

Пит подбежал к окну, прицелился вниз и выстрелил, откинулся назад и присел. В потолок над его головой пришлась автоматная очередь.

Сельма отбежала к противоположной стене, выглянула и крикнула:

– У них есть еще один!

Они с Венди открыли окно на северной стороне и обстреляли человека в люльке, которого поднимали к окнам третьего этажа. Девушки не поняли, попали или нет, но гидравлическую руку быстро убрали.

На лестнице захватчики применили новую тактику. Один человек выстрелами проделал в стенке шкафа дыру, а другой просунул в это отверстие «Скорпион» и начал стрелять в надежде задеть кого-нибудь на верху у лестницы. Сэм оказался ближе к руке, чем к пистолету, поэтому ударил по ней прикладом. Рука быстро отдернулась, «Скорпион» остался по их сторону шкафа. В нескольких футах появился другой «Скорпион», и Сэм так сильно пнул державшую его руку, что пистолет-пулемет пролетел по комнате. Сэм отступил, в тот же миг десяток пуль пробил стенку шкафа.

В третий раз неприятель не застал Сэма и Реми врасплох. Одновременно появились три «Скорпиона». Сэм и Реми лежали на животе, поодаль друг от друга, целясь из-за стальных столбов. Оба выстрелили в руки, а потом Реми попала в третью.

Сэм велел Реми:

– Хватай «Скорпионы» и наверх! – а сам выстрелил в шкаф, а потом туда, где могли находиться нападающие.

Он повернулся к Сельме и Венди и увидел, как еще один человек поднимается к окну в люльке, выстрелил, и тот упал внутрь ее.

– Сельма, Венди! – крикнул Сэм. – Наверх по одной! Помните, ступеньки хлипкие.

Они побежали вверх по лестнице, сначала Сельма, а следом Венди схватились за трос и поднялись на четвертый этаж.

Сэм продолжал время от времени стрелять в шкаф, чтобы держать людей внизу подальше от него; потом услышал выстрел Пита из

дробовика. Сэм повернулся к нему и увидел – тот стреляет в окно, тогда крикнул:

– Пит! Вверх по ступеням – и готовьтесь сбросить лестницу! – Он почувствовал движение и обернулся к ступеням. Край шкафа приподнялся, из-под него высунулись две руки со «Скорпионами» и принялись посылать очереди на третий этаж.

Сэм вскочил, подбежал и прыгнул на шкаф. Вес его тела опустил тяжелый предмет мебели на руки, те не могли теперь держать оружие. Сэм без прицеливания трижды выстрелил вниз, перехватил два «Скорпиона» за ремни и понесся наверх.

Он чувствовал, как шатаются под ним ступени, и понимал: болты, которые крепят лестницу к балке, вот-вот выскочат, но понимал также, что должен стрелять, не давая возможности противнику подняться и начать наступление.

Когда он оказался наверху, Реми устроилась рядом с ним и принялась стрелять, сдерживая людей в черном. Сэм положил ружье на пол, вытащил револьвер и крикнул:

– Пит!

Тот, лежа на полу четвертого этажа, принялся гаечным ключом высвобождать болты. Когда болт высвобождался, Пит ронял его и переходил к следующему. Сэм с противоположной стороны начал выворачивать болты руками.

Под ними на втором этаже шкаф неожиданно подскочил и отлетел в сторону. Из-под него выбегали люди и рассыпались по сторонам, где их нельзя было увидеть сверху. Когда первый из них поставил ногу на нижнюю ступень лестницы четвертого этажа, Пит вывернул последний болт и лестница со страшным грохотом обрушилась. Третий этаж остался за врагом.

Глава 34

Четвертый этаж

Сэм ухватил Пита за щиколотки и отдернул от края проема. Снизу начали стрелять в прямоугольный проем в полу, в нем недавно была лестница.

Здесь дыра была гораздо меньше размеров лестниц нижних этажей: к Сэму и Реми вели узкие ступени. Сэм задумчиво произнес:

– Дальше они принесут алюминиевые лестницы. Чем бы закрыть дыру?

Реми спросила:

– Может, сейфами?

– Отличная мысль, – отозвался Сэм. – Пит? Готовы?

– Конечно!

– Тогда помогите мне с сейфами. Они прикреплены к стене болтами изнутри. Отойдите от проема, но не сводите с него глаз. Время от времени стреляйте, пусть не забывают – мы еще здесь.

Сэм подошел к стене, нажал на нужное место, вошел в коридор и открыл сейфы.

Они с Питом высвободили два полупустых оружейных сейфа, и Сэм открыл третий, с документами. Пит вывернул последние болты в третьем сейфе, и они с Сэмом по очереди подтащили сейфы по полу из твердой древесины к краю лестницы. Когда тащили последний и самый тяжелый, на полу появилась глубокая борозда. Сэм посмотрел на Реми:

– Ой! Прости.

– Слишком поздно представлять дом в «Аркитекчурал дайджест», – произнесла она. – Сейчас он украшен в стиле «Калашников».

Один за другим они столкнули сейфы и полностью перекрыли отверстие.

Венди спросила:

– Что теперь?

Сэм ответил:

– Похоже, у нас кончились этажи, где можно сражаться. Пока посидите на сейфах. Пробить их они не могут, но, как только сейфы двинутся, кричите изо всех сил и стреляйте в щели, если появятся.

– Хорошо. – Венди все поняла.

Сэм осмотрелся и задал вопрос:

– Сельма, знаете, как работает чешский автоматический «Скорпион»?

– После неприятностей Реми в России я просмотрела в Сети руководство.

– Отлично. Похоже, у нас их пять штук. Проверьте магазины, установите, сколько патронов осталось, и соберите их. Нам нужна пара с полными магазинами. У нас, кажется, будет немного дополнительного времени.

– А если вскипятить воды?

– Убавьте газ, чтобы вода оставалась горячей, но не кипела. Если они начнут двигать сейфы, доведем ее до кипения. – Он повернулся к Питу. – Берите мое ружье и охраняйте окна. Сборщики ягод в состоянии добраться до четвертого этажа.

– А вы где будете?

– Мы с Реми поднимемся на крышу. Сельма! Здесь есть спички?

– На кухне внизу.

– Очень остроумно!

– У меня есть в рюкзаке, – сказала Реми.

Она подбежала к своему шкафу и достала небольшой водонепроницаемый коробок спичек, две бутылки шампанского из маленького холодильника и два куска хлопчатобумажной ткани.

Сэм увидел это и ахнул:

– Ты догадалась!

– Конечно, догадалась. Шампанское «Дом Периньон» придется вылить. – Она протянула ему бутылки.

Он прошел в свою ванную, откупорил шампанское и вылил в раковину.

– Как неприятно это видеть.

– Если выберемся, в холодильнике есть еще пять бутылок и, кажется, три шампанского «Кристалл».

Они зашли во встроенный шкаф Сэма. На его задней стене вверх поднимались плоские кольца, как ступени лестницы, а над ними был закрытый рычагом круглый люк.

Сэм поднялся, открыл люк и выглянул на крышу.

– Чисто. Никого.

Реми передала ему спички, две бутылки из-под шампанского и два куска хлопковой ткани. Он поставил все это на крышу и выбрался сам, пригибаясь и прячась за ограждением бензинового генератора, который работал с момента отключения электричества нападавшими.

Сэм взял воронку, через нее всегда наливал бензин в бак генератора, и вставил ее в горлышко бутылки. Из рядом стоящих пятигаллонных канистр налил бензин в обе бутылки.

Тут появилась Реми с ружьем.

– Прикрыть?

– Хорошо бы, – ответил он. – Подожди минутку.

Он просунул один кусок ткани в горлышко бутылки, подождал, пока ткань пропитается бензином, и то же самое проделал со вторым комплектом. Отнес бутылки к южной стороне крыши над входной дверью, выглянул за край, оценил обстановку внизу и тут же нырнул назад, где его нельзя было заметить. Он хорошо запомнил увиденное. В люльку подъемника забрался человек и начал подниматься.

Сэм чиркнул спичкой, поджег пропитанную бензином ткань, наклонился над краем крыши и бросил свой коктейль Молотова. При падении бутылки пламя на фитиле вытянулось и стало очень ярким. Бутылка упала на крышу кабины грузовика с подъемником и разбилась. Пламя мгновенно охватило всю кабину.

Сэм побежал к противоположному краю крыши; на бегу он наклонился и подобрал вторую бутылку, снова зажег фитиль и бросил бутылку на второй грузовик. Бутылка разбилась о капот грузовика, высоко взметнулось пламя. Часть бензина пролилась, огонь охватил передние шины и землю под мотором.

С обеих сторон дома открыли стрельбу по краю крыши. Но это был только шум и зря потраченные патроны: Сэм и Реми теперь сидели в центре крыши, снизу в них не могли попасть. Минуту спустя стрельба прекратилась, с бухты донеслись новые залпы фейерверка.

– Мы можем еще что-нибудь сделать? – спросила Реми.

– Знаешь, где у этих грузовиков бак с горючим?

– Нет.

– Это большой цилиндр прямо под сиденьем шофера.

– Ты шутишь. Такой глупости…

– Не я их конструировал. Если прострелим бак и бензин выльется на землю, то у них возникнут новые неприятности.

– Если наш дом сгорит, и у меня будут неприятности.

– Знаю, – кивнул он. – Просто подумал.

Реми вздохнула, взяла ружье и осторожно поползла к заднему краю крыши, где люди внизу меньше всего ожидали ее появления. Она встала, посмотрела вниз, вскинула ружье, прицелилась, выстрелила и мгновенно отступила. Нападавшие ее не заметили, только секунду или две спустя послышались громкие крики и выстрелы в небо.

– Конечно, ты попала.

– Надеюсь. Человек с пивную бочку. – Она прошла к противоположному краю, приняла такую же стойку, выстрелила и отскочила.

Снова отчаянные крики и выстрелы наобум. И тут вечернее небо на другой стороне окрасилось пламенем. Бак грузовика взорвался. Послышался громовой разрыв.

– Нет! – На палубе «Ибицы» Арпад Бако вскочил с кресла, опрокинув стакан, который покатился к шпигату. – Нет! Что они делают? О чем только они думают? – закричал он.

Леклерк спокойно посмотрел на Голдфиш-Пойнт.

– Наверно, выжигают Фарго. Жестоко, но обычно метод действует. Не могу разглядеть, что там горит.

– В доме могут быть сокровища! – кричал Бако. – Пока мы сидим здесь, бесценные предметы превращаются в лужу золота. Уничтожают древние драгоценности Цезаря!

Поляков продолжал спокойно сидеть и разглагольствовать:

– Все свидетельствует о том, что сокровища сейчас в музеях. Единственный способ получить их – захватить Реми Фарго и заставить платить за ее жизнь. На этот раз я пошлю Фарго подарочную коробочку с пальцем его жены. Знаете ли вы, что Сэм Фарго заставил меня сжечь собственный дом? Я узнал, ко мне едут пожарные и полиция, и не мог позволить им найти в подвале контрабандные наркотики. Два дня спустя приехала жена с детьми, увидела вместо дома развалины и приказала шоферу развернуться и вернуться в Москву. Только за эти мои переживания из-за его действий Фарго должен испытать все виды боли. Надеюсь, сейчас жгут его дом.

Леклерк насмешливо улыбнулся.

– Жена все еще не разговаривает с тобой, Сергей? Тебе не нравится спать одному?

– Не твое дело. – Поляков затянулся сигарой и сказал: – Пусть поторопятся. Если они сейчас же не вытащат Фарго из дома, сюда съедутся полицейские и пожарные, а нам придется иметь дело с береговой охраной.

Бако стоял у поручня и смотрел на дом в мощный бинокль.

– Горят два сборщика ягод. Грузовики тоже в огне, один взорвался.

Тотчас у него на глазах взорвался второй бак, грузовик перевернулся и целиком вспыхнул. Секунду спустя до яхты донесся грохот взрыва.

– Взорвались оба!

Леклерк произнес:

– Ты проницателен, Арпад. Точно так Аттила осаждал замки. Только на этот раз осажденные подожгли осадные машины.

– Это безумие! – вскричал Бако. – Откуда у этих людей в доме целый арсенал?

– Ну, наверное, когда кто-то часто находит сокровища, их у него часто стараются отобрать.

Поляков встал, взял рацию, лежавшую на столе рядом со стаканом, нажал кнопку и что-то сказал по-русски.

Бако повернулся, протянул руку к рации и завопил:

– Нет! Отмени приказ нашим людям уходить! Осталось чуть-чуть! Фарго и их слуги сидят на крыше, дрожат от страха!

Поляков схватил его; Бако согнулся, пытаясь вырваться и отдышаться.

– Я просто выясняю у своего помощника причину задержки. Им давалось пять минут.

На другом конце сквозь помехи что-то сказали. Поляков спросил по-русски:

– Козлов! Из-за чего задержка?

Голос ответил:

– Они на четвертом этаже, но приходится отвоевывать каждый сантиметр. У нас есть мертвые и раненые.

– Что посоветуешь?

– Я бы ушел, шеф!

– Ты сказал то, что я хотел узнать. Заберите мертвых и раненых. Не оставляйте ни одного. Всех погрузить на яхты. Сейчас же уводите людей на берег. Мы снимаемся с якоря. – Поляков переключил частоту. – Прекратите фейерверк! Отвяжите плот и идите к берегу. Людей подберут шлюпки. Уходите немедленно! – Он крикнул наверх рулевому: – Подними якорь и держи курс к берегу! Мы забираем всех своих людей в Мексику!

– Нет! – еще сильнее завопил Бако. – Не делай этого! Не будь трусом!

Поляков повернулся к Бако и остановился прямо перед ним. Глаза его зло блестели в свете огней с берега.

Бако отвел взгляд, бросил сигару в воду, сел на край стула и обхватил руками голову. Якорь подняли, и все почувствовали, как заработал мощный двигатель яхты. Вначале медленно, но потом все быстрее яхта пошла к берегу.

Тишина в доме поражала почти так же, как стоявший только что шум. Сэм и Реми приблизились к краю крыши и посмотрели на газон. Люди в черном торопливо уходили, унося раненых и мертвых. Носилки они соорудили из частей лестниц, обернув их одеялами; некоторых пострадавших несли просто на руках. Грузовик с подъемником лежал на боку, обожженный и дымящийся.

– Они уходят, – удивилась Реми.

– Похоже на то, – согласился Сэм. – Но посмотрим, какие последуют события.

Она улыбнулась.

– Ты очень осторожен.

Он пожал плечами и обнял ее одной рукой.

– Наверно, ты слышала об одной знаменитой осаде. Когда осаждающие устали от попыток сломать стены, самый умный из них предложил: «Сделаем вид, что возвращаемся на корабли. И оставим…»

– Деревянного коня с воинами внутри. Ты говоришь о Троянской войне? Не слишком ли серьезно мы себя воспринимаем?

– Я только хочу объяснить: не собираюсь спускаться, пока не увижу хотя бы пять полицейских машин. Лучше двадцать.

Реми посмотрела в сторону гостиницы и главной улицы, уходящей на юг, и развернула Сэма в ту сторону. По бульвару Ла-Холья к Проспект-стрит, сверкая синими, красными и белыми огнями, двигалась вереница полицейских машин. Через мгновение донесся вой полицейских сирен.

Фарго перебрались в ту часть дома, окна которой выходили на океан. В бухте две яхты подошли слишком близко к берегу. Держась сразу за границей прибоя, они спускали на воду шлюпки.

С севера, из-за залива Ла-Холья, шли три полицейских катера; их прожекторы осветили две яхты. С юга, со стороны бухты Сан-Диего показались два корабля береговой охраны, длиной сто пятьдесят футов

каждый; на палубах моряки стояли возле пушек. Корабли береговой охраны прекратили движение в шестистах ярдах от берега и организовали нечто похожее на блокаду.

– Они не удирают, – покачала головой Реми.

– Конечно, – ответил Сэм. – Это было бы глупо.

– Но они в состоянии легко перегнать полицейские катера. И корабли береговой охраны тоже.

– Перегнать снаряды из пушек на палубе они не смогут.

– Похоже, мы увидим жалкий проигрыш наших европейских конкурентов.

– Жалкий или нет, лишь бы проигрыш, – подытожил Сэм.

Два катера береговой охраны оставались за линией прибоя, где стояли на якоре яхты. Теперь к ним возвращались от берега шлюпки с людьми, нападавшими на дом Фарго. Первые невредимые поднимались из шлюпок на борт яхт. Другие, обожженные, раненные во время падений или выстрелами, не могли подняться самостоятельно, и их поддерживали моряки. Яхты подняли якоря, но стояли носом к волне, в сторону моря.

Полицейские катера подошли к яхтам со стороны моря, и отряды сотрудников полиции гавани Сан-Диего приготовились подняться на борт.

На палубе «Ибицы» Арпад Бако посмотрел на полицейские катера, потом на людей, поднимающихся на борт.

– Оставьте раненых! – крикнул он. – Некогда!

Поляков повернулся к Бако.

– Сначала ты хотел остаться, теперь хочешь бросить наших людей? Так кто из нас трус?

Бако выдернул из кармана пистолет и выстрелил.

На лице Полякова появилось изумленное выражение. Он посмотрел на свою белоснежную рубашку, по ней быстро расплывалось кровавое пятно. В его глазах появилось отсутствующее выражение, и, когда следующая волна качнула яхту, Поляков упал.

Бако схватил с палубы рацию Полякова, нажал кнопку передачи и закричал:

– Немедленно уводите судно в море! Используйте маневр уклонения!

– Сэр? – ответил капитан. – Господин Поляков приказал…

– Поляков мертв. В него попали. Действуйте!

Повернувшись, Бако как будто заново увидел Леклерка. Леклерк заметил его выражение и хотел сбежать на мостик, но Бако выстрелил еще трижды, и Леклерк упал замертво.

– По крайней мере свидетелей не будет, – прошептал Бако.

С мостика капитан видел: большинство невредимых людей уже на борту; остальные будут только помехой. Он понимал: если есть надежда уйти, то только до того момента, как первые полицейские поднимутся на корабль. Он двинул рычаг вперед. Взревел мощный двигатель, и яхта понеслась вперед, оставляя пенный след: два винта взбивали воду за кормой. Слышались крики испуганных или раненных винтами людей, но капитан не считал нужным им помогать. Яхта набирала скорость, при этом затопила одну шлюпку и развернула другую боком к прибою.

«Ибица» неслась в море. Капитан «Масатлана» видел это и представил свое ближайшее будущее. Если береговая охрана и полиция будут так медлить, что «Ибица» уйдет в океан, то уж «Масатлан» они не упустят. У них вдвое больше кораблей и людей, и они не дадут уйти ни яхте, ни людям на ее борту. А все преступления навешают на старшего по должности, то есть на него. Капитан принял решение – «Масатлан» следом за «Ибицей» устремился вперед.

С одного из катеров береговой охраны послышался усиленный громкоговорителем голос. Капитан знал – это вариант приказа: «Остановитесь, или мы будем стрелять». Но чем дольше они кричат, тем меньше у них времени для действий. У этих судов береговой охраны максимальная скорость, вероятно двадцать пять узлов. «Масатлан» дает шестьдесят. И капитан крикнул рулевому:

– Гаси все огни!

С крыши дома на Голдфиш-Пойнт Сэм и Реми смотрели на яхты, катера полиции и береговой охраны. Две яхты на большой скорости шли в открытое море: одна на северо-запад, другая на юго-запад.

– Они не прислушались к твоему совету, – отметила Реми. – Уходят.

– Большая ошибка, – ответил Сэм.

С полицейских катеров начали стрелять из ручного оружия. Сэм и Реми видели вспышки пламени у стволов; с каждого катера стреляли не менее четырех человек.

Катера береговой охраны оставались на прежнем месте. С одного из них в небо взвилась цепочка красных огней. Можно было подумать: фейерверк продолжается. В небе вспыхнул огонь и не гас – это военная осветительная ракета превратила ночь в день.

Сэм и Реми видели, как поворачиваются стволы пушек, видели вспышки выстрелов. Первые два снаряда разнесли часть носа «Ибицы». Третий попал в середину борта и как будто пробил бак с горючим. Палуба взлетела на воздух, выпустив огромный огненный шар, потом снова рухнула – в лужу ярко горящего бензина, горели даже обломки яхты, отлетевшие в воду.

Секунду спустя нос «Масатлана» погрузился в воду: снаряд попал под мостик яхты. Движение вперед прекратилось, и какой-то большой предмет, возможно один из двигателей, вырвался и прокатился по яхте, сметая все на своем пути. Один за другим последовали пять взрывов, и на поверхности ничего не осталось.

– Похоже, попали в боезапас, – решила Реми.

Маленькие проворные полицейские катера подошли ближе, освещая воду прожекторами. Вблизи перевернутых шлюпок не было никого. Корабли береговой охраны выслали шлюпки к обломкам «Масатлана» и «Ибицы». Сэм и Реми видели, как они кружат возле горящих участков океана, потом пересекают этот район, но ни одного уцелевшего человека вытащить из воды не удалось. Все были застрелены, разорваны на куски, сгорели или утонули.

Сэм и Реми по лестнице в шкафу спустились с крыши и увидели Золтана: пес охранял спальню, никого не впустил. Реми наклонилась к нему, обняла и нежно проговорила:

– Если бы не ты, Золтан, я не добралась бы до дома. И меня отвезли бы в Россию в бочке. Спасибо за верность и храбрость.

Сэм потрепал Золтана и прошептал ему на ухо:

– Jó fiú. Хороший мальчик.

Они услышали голоса Сельмы, Венди и Пита:

– Сэм! Реми! Полиция! Здесь не меньше сотни полицейских! Они уже подъехали!

– О боже, – произнесла Реми. – Мы хотели, чтобы полиция стала сюрпризом.

Сэм огляделся.

– Придется практически все отстраивать с нуля.

– Начинай чертить, – сказала Реми. – А пока строители будут работать, мы дадим остальным отпуск, возьмем с собой в Луизиану Золтана и еще поныряем для Рея. Ведь мы обещали ему помочь, когда уезжали.

– Конечно, – согласился Сэм. – Что может случиться с людьми на археологических раскопках?

Примечания

1

Бич божий (*лат.*). – *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Дорогая, где ваш шеф и его прелестная жена? (*нем.*).

3

Герр, доктор Фишер! Они ныряют в Мексиканском заливе (*нем.*).

4

Как у вас дела? (*нем.*)

5

Сидеть (*венг.*).

6

Хороший мальчик (*венг.*).

7

Да, разумеется (*фр.*).

8

Тысяча спасибо (*ит.*).

9

Это золото! И все античное золото! (*итал.*)

10

Мы выследили (*итал.*).

11

Где находится Курский вокзал? (*фр.*)

12

* Юридическое требование в Соединенных Штатах Америки, согласно которому во время задержания задерживаемый должен быть уведомлен о своих правах, а задерживающий его сотрудник правопорядка обязан получить положительный ответ на вопрос, понимает ли он сказанное.